

League of Legends

АКТ 1

Стальная маска

История Витуса
Гальего

Витус Гальего — отпрыск человека и вечного охотника; искра рождённая в пламени страсти.

Следуя воле отца, он должен был стать машиной для убийств, вечным жнецом, не знающим отдыха. Но перед этим следовал тернистый путь подготовки, во время которого мать привязалась к сыну и расторгла уговор с ноксианским бароном.

Но пришло время возвращать старые долги, и теперь мальчику предстоит решить: хищник он или жертва?

Леса Ноксуса довольно опасное место, полное охотников и хищников, разбойников и иных, малоприятных личностей; здесь можно встретить чудо, а можно попрощаться с головой. Удача — вот главный атрибут отважного авантюриста, ходящего по тамошним землям. Увы, Фортуна была не благосклонна к уроженцу лесных чащ, сыну Овечки с волчьими инстинктами, мальчику, едва достигшему трёх лет.

Он был плодом любви ноксианского военачальника и охотницы, что забирает души; имя ей Овечка. В их сладострастном соитии зародился плод, что через девять месяцев родился на свет. О, что это был за ребёнок! Глаза его, словно камешки янтаря, светящиеся огнём светлячков; тело — комочек шерсти; вместо крошечных пальчиков, маленькие, но острые коготки. Тварь — сказали бы люди; Витус — прозвала его мать.

Киндред опекали его сверх меры, не позволяли бродить одному и всегда тенью следовали за своим отпрыском. Сущность матери: сила и разум, добро и зло, свет и тьма, привыкли к сыну, и даже всегда скрывающийся Волк больше не пытался спрятаться при встрече с ним. Они приняли решение: снять маски, не позволять Матери следить за ними, стать вольными охотниками! Но, даже не используя подлинную силу, их мощь была безграничной.

Однажды, случилось это, после седьмого дня рождения мальчика, на одной из лесных опушек, он нашёл окроплённый кровью нож: тяжёлая рукоять, обычно острое, а ныне тупое лезвие. Вещица приглянулась юнцу, и тот решил оставить его себе. Несколько дней Витус крутил затуплённое лезвие в руках, по-кретински осматривал рукоятку.

— Что это, мама? — спросил он Овечку, пальцем проходясь по стали, слишком ржавой, чтобы давать отблеск.

Перед тем, как ответить, Овечка едва подняла уголки губ, коснулась рукой плеча сына.

— Инструмент.

— Но для чего?

— Чтобы выполнить наше предназначение без нашего участия.

Слова матери иглой вонзились в сознания юнца, он не расставался со своей находкой, всюду таскал её с собой. Киндред не обращали внимания на цацку сына, слишком незначительной она казалось Овце, но Волк скалил зубы, ухмылялся недобро.

«Что он может сделать? О, что же он может сделать! Нужно помочь ему очистить эту ржавчину, придать стали достойный вид и тогда, о, тогда...» — овечка не слушала Волка, закрывалась от его хохота, силясь не слышать клацанье зубов. Она контролировала его порывы, будто бы держала безумного пса на привязи, а тот всё не унимался, рвался на свободу, показывая острые клыки.

Но однажды многое изменилось. Вернее будет сказать, ничего не изменилось, ведь мир не меняется. Рано или поздно Витусу придётся замарать руки кровью, выпустить своего волка, скрытого в чертогах человечности. И пускай Овечка, уже давно поняв, что мир не терпит слабых, всё ещё жила надеждой на край мира, где нет ничего и никого кто мог бы причинить её сыну вред. Она любила его, *жила им...*

Однажды мать оставила отпрыска одного, отправилась даровать покой смиренным, тем, кто принял свою смерть, принимая её ледяной поцелуй. Витус бродил по лесу, наслаждаясь пением птиц, точно зверь: ловкий, грациозный, неуловимый. Мальчик стал воплощением

хитрости, вырос идеальным охотником, множество раз наблюдая, как волк, сошедший с маминой цепи, рвётся на поиски добычи. Конечно, ему никогда не стать столь кровожадным, да и клыки у него не столь острые, однако обострённый слух юнец имел с рождения.

Он руководствовался инстинктами, чтобы выжить; всегда сохраняя равновесие в природе, никогда не убивал сверх меры, лишь чтобы прокормить себя и потешить Волка. Витус припал к земле, обострил обоняние. Дым костра. Людские экскременты. Кровь.

Со скоростью гепарда Витус ринулся к цели, перепрыгивая через поваленные деревья, отталкивая ветки кустарников. Стук сердца отдавался в висках, обильная слюна копилась во рту.

«Дурак! Не открывайся врагу, не будь столь опрометчивым!» — будь рядом мать, она без сомнений сказала бы нечто похожее.

Но сейчас Овечка была далеко отсюда, возможно, выслушивая исповедь очередного существа. Волк двигался следом, довольно ухмылялся; его сущность правила балом; безудержная кровожадность окрыляла Витуса, заставляла забыть об осторожности. Прыжок. Отпрыск Киндред выпрыгивает на поляну и в мгновение ока хватает удирающего кролика за одну из лап, вгрызаясь в маленькое, ещё дышащее тельце клыками. Не обращая внимания на угасающий писк кролика, на его конвульсии. Заполняя рот липкой кровью, стекающей на подборок, ручьём падающей на выпятившуюся грудь. В звериных глазах не было сожаления, лишь нужда, жажда крови, охотничий инстинкт.

Длинные, белоснежные уши Витуса испачкались в бордовый, свисающими лаптями ложась на землю. Добыча билась в агонии, охотник безжалостно сжимал тельце, ломая кости, вгоняя когти в горячую плоть. Он отрывал кусочек за кусочком, отправляя в рот, проглатывая подобно бешеному псу. Это был лесной кролик, однако Витус испытывал истинное блаженство от съеденной добычи. Нечто неосознанное обвилось его тело, током пройдясь по венам; юнец согнулся в экстазе, сиюминутно впитав это нечто, познать доселе невиданное чувство. Впервые в жизни он постиг наслаждение...

Она глядела на сцену трапезы своего сына, охотника, настигнувшего добычу. В глазах её застыла печаль, сердце сжалось от предательской правды. Нет — грустно вздыхала мать — ей не удастся скрыть сына от жажды крови, бурлящего внутри вулкана, что извергает семя безудержного инстинкта в сердце мальчика. Мать масок следит за своими творениями; рано или поздно придёт час расплаты за ошибки прошлого. Доселе невиданное чувство постигло Овечку, она впервые познала *страх*. Страх за своего сына, что станет мишенью для охотников.

— Охота началась слишком рано, — грустно сказала Овечка, не отрывая взгляд от добычи Витуса.

Пусть отпрыск и был созданием необычным, не ровней Богам и тем более людям, охотники представляли для него смертельную опасность. Одна стрела, не более чем шёпот леса, и жизнь мальчика оборвётся подобно неисправной струне на лютне.

Она поймала взгляд Волка: насмехающийся, будто говорящий о превосходстве, мол, гляди, он пошёл со мной, отдался голоду, как и подобает охотнику. Пасть его открылась, блеснули клыки; Овечка отступила, ощущая себя слабой, проиграв игру в доминацию. Привычное равнодушие сменилось злостью, затем отчаянием и, наконец, принятием поражения. Сердце её познало печаль, забытую, похороненную за тысячу лет в гробнице

равнодушия. Она скрылась, ушла, став нежелательным свидетелем сцены взросления, принятия своего истинного Я.

Со случившегося инцидента прошло несколько часов. На Ноксус опустилась ночь, укрывая небеса тёмным одеялом, так же как и мать укрыла своё дитя медвежьей шкурой. Луна царствовала на небосводе, подмигивая одиноко сидящей Овечке. Она расположилась на приплюснутом камне, в позе лотоса, разглядывая свой лук.

— *Мой старый друг, моё проклятье...* — пальцы проходились по тетиве голодного “Предсмертного шёпота”; уже восемь лет он не поёт песню стрел.

— Звала, Овечка? — из темноты вырос массивный силуэт, клацнув зубами, блеснув всполохами глаз; Волк подтянулся, лёг рядом с камнем.

— Тебя не нужно звать, ты сам приходишь, — голос Овечки, всегда умиротворённый, пропустил нотку недовольства.

— М? Овечка недовольна? Карась рассказал тебе душещипательную историю из своей жизни или барсук пожаловался на тяготы судьбы? — Волк ухмыльнулся, тряхнул головой.

— Ты дал ему убить, — после секундного молчания прошипела Овечка, тоном безапелляционным.

— Хм. Мальчик вечный охотник, рано или поздно это бы случилось.

— Не сейчас. Я была к этому не готова.

— Мальчик получил опыт, впитал душу, насытил себя.

— Витус слишком мал для этого, пойми: он не щенок, который слушается команд...

— Зверь. Он истинный зверь, хищник, убийца...

— Нет! — сама не понимая, как так вышло, но Овечка повысила голос, потеряла привычное самообладание.

— Овечка?

— Принц был прав. Мне не нужен идиот-компаньон для разгрузки моего сознания. Лучше бы я свихнулась, чем шастала бы... с тупой животинной!

Повисло молчание, воздух накалился и был готов взорваться от напряжения. Волк поднялся на лапы, выпрямил спину, вздохнул:

— Выживание выживанию рознь. Ты не хочешь, чтобы парнишка убивал, но хочешь, чтобы он выжил. Не станет убивать, убьют его. Что для тебя важнее: жизнь незнакомцев или своего сына? Ладно, Овечка, что-то мы...

— Вон.

— Овечка?

— Я сказала вон, убирайся на охоту или куда ты там уходишь, когда тебе скучно. Витус мой сын, моя плоть, моё творение. Он связан со мной, не с тобой, и учить его буду я, а не ты. Вон, волк, проваливай, ибо, клянусь Ауриэлианом, я сыграю песнь стрел.

Волк не ответил, понурил голову, оскалил клыки и двинулся прочь. Овечка провожала его взглядом, а после уловила едва заметное движение — Витус проснулся.

— Вы поругались? — сонно щуря глаза, спросил мальчик.

Мать спрыгнула с камня, подошла к ложу и, сев рядом, обняла отпрыска, укрывая его от тяжёлой ноши, что свалилась на его неокрепшие плечи.

— Что это было, мама? Волк сказал: *вкус крови нельзя заменить, настоящий хищник должен убивать.*

Витусу было интересно, что за ощущение он испытал, вкусив кровь? Возможно,

ответить на этот вопрос сможет незнакомец на водной глади, однако тот всегда молчит. Овечка могла ответить, но делать этого не стала, лишь сильнее сжала сына, проходясь пальцами по его голове.

— Сегодня ты не просто трапезничал, это было нечто большее, понимаешь?

— Не очень... — признался отпрыск.

— Ты почувствовал нечто, пробирающееся в тебя, — не спросила, подтвердила мать.

— Наверное... Но что это было, мама?

— Душа, — непринуждённо ответила мать.

Мальчик молчал, принимал поглаживая, но после слегка отпрянул, взглянул в исполохи Овечки и, насупившись, спросил:

— Расскажи мне, мама, ничего не скрывая. Скажи...

— Многие знания — многие печали. Витус, тебе не обязательно задаваться этими вопросами, следуй за моей стрелой, доверься моему сердцу.

— Но, мама! — мальчик поднялся, в его глазах читалось негодование — Дядя Волк сказал, что я хищник, что я должен охотиться...

Овечка молчала, в лунном свете разглядывая сына; он так вырос, так изменился. Раньше мальчик гуськом следовал за Киндред, всегда полагался на их чутьё и безапелляционно принимал любые советы от единственного родного существа. И всё-таки она дало ответ:

— Чтобы жить, людям нужно немного: питаться, спать и размножаться. У нас с тобой, Витус, тоже есть потребности, но они иные. Мы питаемся не мясом, но душами, что скрывают тела смертных: людей и животных.

Мальчик опешил от такой информации, не понимая, что следует сказать и как дальше себя вести. Он не был готов к таким откровениям и лишь через несколько лет поймёт, отчего мать пыталась его уберечь.

— Значит... я должен убивать лю...

— Нет! — прервала его мать; сердце её сжалось, будто под прессом. — Никогда, слышишь, никогда не притрагивайся к душам смертных!

— Но ты...

— Никогда!

Овечка подскочила, блеснув лазурными исполохами глаз; мальчик отошёл на шаг, сжался. В два прыжка мать оказался рядом с сыном и, сжимая того в крепких объятьях, прошептала:

— Обещай, что не станешь питаться душами людей, каким бы притягательным не показался соблазн.

— Обещаю, — уверенно заявил мальчик, испуганный переменчивым настроением матери; ещё никогда она не была так встревожена.

Вскоре атмосфера переменилась, кажется, даже дышать стало легче. Мать и сын расположились на лежанке, разглядывая звёздное небо. Поглаживая отпрыска по плечу, прижимая его к своему сердцу, Овечка понимала: она сглупила, позволяя себе привязаться к ребёнку. Киндред должна была убить его, и Волк это почти сделал, но в последний момент материнское сердце дрогнуло, не позволило совершить такого коварства. Овечка забрала много душ, услышала несчитанное количество исповедей, однако лишь сейчас поняла, что такое счастье. Тишину прервал вопрос:

— Мама, а водные люди существуют?

— Нет, глупыш, конечно, нет.

— Но я видел в озере мальчика.

— Ты видел своё отражения.

— Но его глаза... В них отражалась ненависть, ярость, боль...

— Тебе кажется, сынок. Это отголоски прошлой жизни, не более чем кошмары.

Воцарило молчание, но на этот раз оно не было давящим, скорее несло в себе умиротворение. Витус расслабился, тихонько засопел, уткнувшись в шею матери; Овечка проходила пальцами по его волосам, трогала чувствительные уши.

— Мам?

— М?

— Ты не оставишь меня?

— Нет, конечно, нет, — ответила Овечка, но голос её предательски дрогнул, — не думай о таких мелочах, засыпай. Я буду рядом, пока нужна тебе, пока не наступит момент.

— Я не хочу, чтобы он наступал.

— Я тоже Витус, я тоже...

Воссоединение семьи

Они вели себя так, как обычно ведут в лучших кабаках: развязно, шумно; громким смехом заполняя поляну. Вокруг валялись обкусанные рёбрышки, бутылки и иной мусор; каждый из присутствующих был слишком высокого мнения о себе, чтобы прибираться на костровой поляне.

— Барон, прошу, Ваш лук, — оруженосец поклонился, его господин взял оружие, оценочно провёл пальцем по тетиве.

— Не дурно. Но я рассчитываю сегодня на хорошую добычу. Обещали мне медведя размером с мою усадьбу, кабана людоеда и племя бобров, чьи шкурки на вес золота.

— Не переживай, Галус, будет, чем на приёме похвастаться, — усатый старик усмехнулся, перекидывая через плечо колчан стрел.

— Время такое. Не схватишь волка за шкурку, оттяпает руку, — ответил широкоплечий мужчина, капитан третьей ноксианской гвардии.

Процессия, состоявшая из баронов, баронесс и прислуги оставила насиженное место и двинулась в лесную чащу, ступая по извилистой тропинке. Вокруг пахло зеленью, пели птицы, подпевали кузнечики.

— Охота... Никогда не любила этого варварства, — заявила баронесса Крециция, жена Галуса, чьё прозвище «Рубака».

— Пусть мальчики поиграют, — поднимая подол платья, ответила очаровательная блондинка средних лет, слишком юная для старика, доживающего свой век.

И они играли: пускали стрелы, хвастались и мерились добычей. Так продолжалось достаточно долго, солнце уже начало садится и вдруг...

— Курва! Я точно попал, попал! Эй, Галус, мальчик мой, сделай доброе дело для старика, глянь там, в кого моя стрела попала.

— Ох, пусть это будет кабанчик, я так хочу кабанчика! — пищала с улыбкой блондинка, прижимаясь к плечу мужа.

Стрела и правда попала в цель, но вот в отличие от гордой лани, массивного медведя или же дикого кабана, Витус не пал смертью добычи, а лишь затаился, подобно лягушке, распластавшись на земле, скрываясь в зарослях кустарника.

— Во имя света Кейл...

«Рубака» не успел ответить, испуганный Витус всадил когти ему в шею, впился в сонную артерию, с диким воплем повалив того на землю. Процессия тут же опешила: усатый старик схватился за кортик, оруженосцы обнажили сталь, дамы предпочли с визгами покинуть поле брани.

— Руби его! Режь падаль! — стоит отдать барону должное, драться он умел и без проблем настиг Витуса. — Обходите! В кольцо, в кол...

Резким рывком юноша напрыгнул на старика, подобно волку вгрызаясь в его тело клыками. Витуса объял гнев, ярость; звериный инстинкт обуял его тело; боль придавала сил, вызывавший инстинкт самосохранения брал вверх. Он не был в роли безумного охотника, лишь жертвы загнанной в угол, готовой на всё ради сохранения своей жизни.

Один из оруженосцев бросил попытки, видя, что сталь не причиняет вреда обитателю леса и принялся бежать, призывая на помощь всех богов, проклиная свою работу и обещая уволиться при первой же возможности. Второму не повезло; Витус ударил наотмашь, попал в

гуську; после такого не выживают.

Наконец-то воцарилось спокойствие, лишь звук разрывающейся плоти наполнял поляну. Тело юноши билось в экстазе, в венах бурлила кровь, виски взрывались, будто по ним били молоточком. Вновь его объяло недавнее чувство, то самое, неизвестное; оно сковывало тело, перехватывало дыхание; казалось, сердце расширилось и было готово взорвать грудную клетку. Вскоре боль притупилась, ей на смену пришёл голос, безудержный, безумный подобно клацающим клыкам хищника.

«Режь, руби, охотья! Быстрее, быстрее! Не дай пище убежать, не позволяй им скрыться!»

Подобно волку он кинулся в погоню, задействовав четыре конечности. Уши его развевались на ветру, морда была запачкана бордовой кровью, а на одном из клыков застрял кусок уха. Плоть. Горячая плоть. Он хочет ещё, ещё! Витус слышал сердцебиение своих жертв, улавливал запах пота и духов, инородных в ноксианских лесах. Не прошло много времени, баронессы разделили участь своих мужей и даже сбежавший оруженосец, увы, больше не имеет возможность подать увольнительную.

Витус ощущал себя скверно: живот взбух, голову пронзали тысячу игл, кажется, каждый нерв накалился до предела. Горячая плоть больше не лезла в рот, от её избытка мальчика стошнило, и путь домой он провёл, передвигаясь на четвереньках, сверженный тремором. Его сущность будто бы противилась принятию природы, своего истинного Я.

На излюбленной Киндред поляне сидела Овечка, с тоской в глазах разглядывая «Предсмертный шёпот». Волк покоился рядом, смиренно возложив голову у её ног, и пребывая в полудрёме. Витуса она слышала ещё издали; но не придавала значению сбитому дыханию, быстро бьющемуся сердцу. Сын выполз из-за дерева, облакачиваясь о толстый ствол.

— М-мама...

Мальчик свалился наземь, будто стрелой поражённый; Волк встрепенулся, ринулся к Витусу, Овечка схватилась за лук, в два прыжка оказалась рядом. Она глядела в лицо сына и не верила своим глазам...

Укутав сына в тёплую шкуру, мать беспокойно осматривала отпрыска; каких либо новоявленных патологий замечено не было, а вот ужасный жар беспокоил Овечку. Она тыльной стороной ладони прошлась по щеке мальчика, неловко словила его пальцы, прижимая к губам. На её плечо легла голова Волка, он щёлкнул зубами, дал понять, что хочет поговорить. Они уединились, но отходить далеко от лежанки не стали.

— Даже самая лучшая сказка познаёт горечь финальной сцены.

— Оставь философию поэтам, тебе, мой милый Волк, она не к лицу.

— Тогда скажу прямо: скрываться дальше невозможно, пришло время прощаться.

Овечка понурила плечи, перевела взгляд на Витуса; мальчик бредил, возможно, именно сейчас его душа сражается за место под солнцем, за право жить.

— Верно, — прошептала мать, — я должна было сделать это раньше, намного раньше...

— Сделай это сейчас, отправь его к людям, к барону, в Ноксус.

— К этим чудовищам?

— Говорит охотница за душами. Скольких пронзили твои стрелы, милая Овечка?

— Мы найдём другой вариант, покинем здешние земли....

— Тихо! — прорычал Волк, оскалив пасть, вытянув шею; всполохами блеснули глаза. —

Мы здесь не одни.

Прыжок. Незнакомец камнем достиг земли, тут же резким ударом меча выбил из рук Овечки лук. Он двигался с удивительной скоростью, несвойственной ни одному человеку грацией. Волк прыгнул на противника, и прежде, чем успел понять, что произошло, осел на землю, сверженный мощным ударом в мозжечок. Хищник распласталось под ногами гостя, чьё тело было гибридом человека и ворона: конечности, точно широкие листья, покрывались перьями; в глазах блестели лазурные огоньки, разгораясь яркими всполохами. Лезвие его клинка очертило в воздухе восьмёрку, овечка попятилась назад, с каждым шагом гостя напрягаясь всё сильнее.

— Какое очаровательное личико скрывалось за маской, — губы Ворона расплылись в широкой улыбке, судя по его лёгкому шагу, он чувствовал доминирование.

«Говорить! Не важно что, главное, говорить, тянуть время!» — Овечка пятилась назад, не подавалась нахлынувшему страху. Обезумевший принц, отпрыск королевского рода, не достоин видеть Киндред сломленными, просящими о пощаде. Впрочем, если мольба о пощаде поможет ей сохранить жизнь Витуса, мать сможет пойти и на такое. Волк проскулил; силы медленно возвращались к нему.

— Юный принц, вы потерялись?

— Нет, нет, нет... — протараторил Ворон, плавной походкой сокращая дистанцию; огоньки его глаз имели хаотичность, резкость. — Наша встреча, моя милая, не что иное, как подарок судьбы. Ох, сколько лет я не видел твоего изящного стана...

— Как и подобает благородному принцу, тебе следует восхвалять стан своей жёнушки, а не засматриваться на прелести других.

«Ну же, поднимайся Волк, поднимайся!» — Соратники встретились глазами, всполохами огоньков обжигаяще изучали противника. Вот сейчас, момент, ну же! Им нужна лишь секунда, чтобы скооперировать свои действия и научить наглеца манерам. Овечка выпятила грудь, расставила ноги...

— Моя матушка не может оправдать роль жены, но ты... будешь прелестно смотреться на моём ложе. Или тебя заводит совокупление на вонючих шкурах в грязном лесу? Тогда отнимай подстилку у своего отпрыска, и я сделаю тебе ещё одно дитя!

— Ты знаешь...

— О мальчике с судьбой охотника, родившегося от ноксинского барона? Знаю, пусть вы и скрывали его хорошо, даже слишком.

— Как видишь, он выжил.

— Выжила и девочка, поражённая твоей стрелой. Какого это, знать, что твой выстрел не достиг цели? Он ослабил её, сделал калекой.

Порыв ветра. Один пропущенный удар сердца. Волк рывком набросился на гостя, но тот схватил его за шкуру; клацающие клыки были в миллиметре от лица принца. Овечка воспользовалась okazji, рывком подняла лук и, натянув тетиву, поняла, что всё тщетно. Ворон был слишком силён даже для Волка; её напарник распластался под его ногами с вывернутой лапой; морда его искажала ярость; у горла покоилась сталь.

— Глупо, очень глупо. Я ищу смерти восемь лет. Восемь долгих лет я мечтаю быть убитым, избавиться от проклятья! — принц сорвался на крик, недавно сладкий голосок искадила злоба.

Овечка силилась найти выход из патовой ситуации, но каждая из представленных развязок заканчивалась смертью соратника.

— Так ты отвечаешь на добро, встречая старого друга?!

— Ты пришёл сюда с целью, не для разговоров, — внезапно охотницу осенило. — Говори, что тебе надо.

— Ты. Мне нужна ты. Я отведу тебя к Матери, а мальчика отправлю к отцу. Всё, Киндред, игры кончились.

Ворон отпустил лапу Волка, тот оскалил клыки, отпрыгнул, приземляясь за спиной у напарницы. В воздухе чувствовалось напряжение, точно раскалённый уголь, что держат у кожи. Овечка не стала смотреть в глаза соратника, понимала: он разделяет мнение принца, но, несмотря на это, будет стоять на её стороне до конца. Жизнь и смерть, ярость и покой, злость и умиротворение.

— Хорошо.

— Хорошо?! — взревел Волк. — Ты прятала его столько лет, а теперь...

— Да, Овечка, советую хорошо подумать.

Повисло молчание. Мать глядела на своего сына: объятого жаром, слабого, измождённого. Материнское сердце кричало, но глас рассудка подавлял любые протесты. Ворон был прав, пришёл час прощания, время сжигать мосты. Она опустила лук, положила ладонь на голову Волка.

— Обещай, что он не станет ни в чём нуждаться и крови проливать не будет.

— Он будет жить рядом с отцом, ноксианские бароны редко нуждаются в чём-либо. А что до крови... время покажет, как сильно ты повлияла на мальчика, — гость замолчал, но лишь на секунду, смиряя взглядом Киндред. — Мать будет ожидать вас в мастерской, советую не задерживаться.

С этими словами Ворон взмыл ввысь: ловко, грациозно теряясь в кронах деревьев. Волк ничего не сказал, Овечка воздержалась от комментариев. Киндред подошли к Витусу, склонились над его бессильным телом. Сердца обоих предательски сжались.

— *Мой маленький мальчик, моё проклятье...*

Овечка сжала ладонь отпрыска, со всей нежностью, поднося к губам. Даже Волк, не любящий сентиментальностей, почувствовал давящую атмосферу расставания. Пусть Киндред знали об этом, но не желали принимать правду, прощаться с несбывшимися мечтами, наивными надеждами на светлое будущее. Охотница, по воле Матери забирающая души смертных, — мать ребёнка? Нелепо!

— Я обещал научить Витуса выслеживать кабанов...

— Волк, ты впервые назвал его по имени, надо же, тебе не чужда сентиментальность.

Хищник не стал возражать; склонил голову, дотрагиваясь тёплой шеей до торса мальчика. Тот открыл веки; его грудь беспокойно вздымалась, казалось, лёгкие юнца не справляются с задачей. Мыльным взором он глядел на мать, на блестящий нож в её ладони; ранее он был покрыт ржавчиной, зачем же она его очистила? Мысли Витуса превращались в вермишель, никак не хотели связываться в логичные выводы; казалось, время вокруг мальчика растягивается, шум в висках мешает сосредоточиться на калейдоскопе однообразных картинок.

Волк и Овечка глядят с затаённым раскаянием, будто бы прося прощение. Пальцы отпрыска охотницы разжимаются, чтобы через секунду снова сжаться, на этот раз крепко держа деревянную рукоять подлого оружия.

— Мама...

— Спи, мой мальчик, спи... Скоро мы отправимся в дорогу.

Но чтобы двинуться в путь им понадобился камень даркиний — камень, хранящий мощь Богов, способный перемещать живых существ вне времени и пространства. Смертные не могут им пользоваться, лишь охотники имеют достаточный уровень силы, чтобы разрушить камень, освободив энергии на телепортацию.

Они чувствуют его зов, лёгкую вибрацию, проходящую по всему телу. Волк сумел отыскать камень за считанные минуты, но возвращаться к Овечке не спешил; ей нужно было время для прощания. Для него Витус был кем-то сродни зверька, с которым можно позабавиться, разделить трапезу и совместно поохотится. Но он не знал, что мальчик считает его не отцом, но хорошим другом, ради которого пойдёшь на любые трудности. Как бы то ни было, даже такое толстокожее существо, как Волк, проникся печалью.

Время шло, поджимало, вернувшийся Ворон торопил. Витус сумел подняться с лежанки, но на ногах стоял неуверенно; он, подобно шлюпке в бушующем море, качался из стороны в сторону; лишь благодаря Волку ему удалось устоять на ногах.

— Будь сильным, мир не терпит слабаков, — прорычал Волк, лёгким толчком отправляя юнца в объятия матери.

Яркая вспышка взрывной волной окутала пространство. Камень раскололся от удара Овечки, а после было...

Холодно. Как же здесь холодно! Если неполные полчаса назад тело Витуса объял жар, то сейчас он замерзает. Подняться с колен было задачей сложной, но мальчик справился и, стоя в нерешительности, крутил головой. Недалеко журчал фонтан, несколько скамеек располагалось в царстве пестрящих яркими красками цветов; впереди было здание: большое, возвышающееся на шесть голов выше Витуса, оно имело несколько балконов и огромное количество окон, от маленьких квадратных до огромных прямоугольных. Вокруг не пели птички, да и запаха леса не было. Мальчика объял страх, крепкими цепями связывая ноги. Шаг, ну же сделай шаг! Но тело не слушалось; напряглось как готовая к запуску пружина. Никогда он не видел ничего подобно; холодный пот объял спину, страх сковал движения.

Только сейчас Витус обратил внимание на свои ладони, вернее, на острое лезвие, дающее отблеск в солнечном свете. Это тот самый нож, что мальчик нашёл много лет назад и теперь хранил как трофей. Все инстинкты кричали: бежать, нужно бежать! И только охотник собрался обернуться, как тут же некто накинул на него тенёту, слишком большую, видать усовершенствованную, чтобы ловить не кроликов аль кабанчиков, а даже медведей! Витус уже видел нечто похожее, осознавал, что выбраться из толстой сети, с привязанными к концам гирями, фактически невозможно. Послышался гам, топот десятка ног.

— Говорил! А я говорил, сработает, получится!

Витус не мог пошевелиться, несколько громил в стёганках прижали его руки и ноги, не стесняясь дарить удары тяжёлыми дубинами. У мальчика хватило бы сил, чтобы перегрызть сеть, выпотрошить наглецов — он ведь охотник! — но дурное самочувствие и пятёрка держащих его типов, говорили об обратном. Посыпались удары ногами, кулаками, дровками сломанных мотыг. Смех заполнил пространство, охотников объял праведный гнев.

— Навались мужики! Мы его почти забили!

— Ну и навалят же нам золота за это страховидло!

— Держите сеть! Уходит, он уходит!

Несмотря на страхи охотников, Витус не был способен переломить ход боя. Он скалил

кльки, бился на земле подобно выброшенной рыбе, и всячески старался поранить недругов. Благодаря толстой коже мальчику были не страшны наносимые удары, однако сеть всё ещё оставалась главной проблемой. Они его не убьют, даже не измотают, но находится в таком положении для охотника — издевательство!

— Стоять!

Несмотря на грозный рёв, доносящийся позади, охотники свою работу не остановили, но бить перестали, вцепившись в Витуса, как бедняк в грош. Мальчик видел две пары обуви; подошедшие остановились у его головы.

— Господин, опять негодники лезут, на этот раз, вон, вастаи! О, ты погляди какой, рыпается ещё! Принимай свою кару, нечестивец!

— Он не похож на вастаи, определённо, нет... — сказал один из подошедших, голос его был тонкий, идеальным для барда.

— Негодники, значит? — второй голос был совершенно иным: сиплым, громким; казалось его хозяин всю жизнь трубил в рог, отправляя войска в атаку, — отрубите руки и бросьте в канаву.

— Что за варварство, отец? К чему разводить садизм? Каждое живое существо способно к диалогу, пусть и по-своему.

Витус сумел расположить голову таким образом, чтобы увидеть говорящих: они были противоположностью друг друга, как Киндред олицетворяла принятия и кончину, так и эти госпóды олицетворяли добро и зло, молодость и старость; по крайней мере, так казалось мальчику. Хозяин певчего голоса был молодым писарем (судя по песчаной рясе), с приятной улыбкой, но излишне пышными ресницами; волосы на его голове окружили лысину кольцом. Второй был старый, его живот глоткой кашалота тянулся вниз; лицо, с выпуклыми щеками и впалыми глазами, явно не располагало к приятным беседам. Этого человека уже сложно было назвать бароном, как все его звали, больше ему подходило прозвище Боров.

Названный бароном присел на корточки, оценивающе взглянул на Витуса. Он долго разглядывал уши и слегка вытянутые черты лица странного существа. С каждой секундой призраки прошлого настигали старика, пленили в свои сети. Его позор, ошибка прошлого явилась на свет и теперь намеревается запятнать честное имя Олуса Гальего — одного из лучших главнокомандующих ноксианских войск. Нет, нет, нет! Он не позволит этому случиться. *Что было, то былью поросло!*

— Какой чудный зверь! — воскликнул молодой человек, грозно зыркнув на отряд охотников. — А ну, пустите!

— Сын, на пару слов. Держите его, держите, чтобы не вырвался, курва мать! Эй, осторожнее, когти видишь, когти острые у него! Осторожнее, придавливайте ногами! Идём, сыночек, идём.

Стар и млад отошёл, зашептался, искоса глядя на вырывающегося Витуса. Никто из охотников не слышал их диалога, и мы, уважаемые читатели, услышать не могли, однако знаем, что старец нарёк появившееся из ниоткуда существо своим сыном, ошибкой прошлых лет, плодом любви, явившемся на свет из чрева Овечки. Удивление, которое испытал молодой человек, не передать словами; то был шок невероятный, сбивающий с ног и переворачивающий жизнь.

— Брат? У меня есть брат и он... Именем Кейл, мой брат...

— Тише! — шикнул отец. — Это должно остаться в семейном кругу.

— Семейном кругу?! — поднял голос юнец, взгляд его стал жестоким; налитые яростью

глаза, гневно глядели на отца. — Из которого моего брата вышвырнули! Нет, отец, нет, я понимаю, знаю, что у тебя было много женщин, но я никогда — слышишь! — никогда не думал, что ты поступаешь столь подло с ними.

— Прикуси язык...

— Объявился! Эй, ты, тот, что с глупой рожей, а ну пусти моего брата! Пустите его, пустите немедленно!

Под негодования отца, юноша освободил Витуса, бесстрашно отбрасывая сеть. Он слышал про вастаи, про детей со смешанными генами, а потому не удивился внешнему виду новоявленного брата. Конечно, он не знал, кто его мать на самом деле, что за зверь живёт внутри мальчика и сколь опасен он может быть, следует лишь отдаться инстинкту.

— Эй, эй, эй страхо...кхм, малыш. Как тебя звать-то? Имя. Понимаешь меня? Имя у тебя есть?

— Господин, вы бы осторожнее, он ведь Зерику лодыжку распорол.

— Цыц, кмет! Я тут слово говорю, а ты этому слову подчиняешься. Брат мой! А вы на него набросились, точно петухи на зерно.

Витус осматривал людей: хмурого старика, готовых ко всему охотников и улыбающегося юнца. Его сердце бешено колотилось, адреналин не отпускал, казалось недавняя слабость полностью покинула мальчика. Овечка была права: добыча не останавливается, особенно когда смерть дышит в спину.

— Дурак! Ну, сразу видно, ни бе-бе, ни му-му по-нашему.

— Вон. Вон говорю! Чего рты раззявили? Говорят вам, вон!

— Но Барон, ведь...

— Мне повторить?!

Повторять не было нужды, мужики взяли свои палки, сеть и покинули внутренний двор усадьбы. На сцене остались три действующих лица, одно из которых потерянное, второе злое, а третье придурковато-доброе. Барон подошёл к своим сыновьям, разница во взгляде была велика: Витуса он испепелял глазами, а к его новоиспечённому брату относился снисходительно, но в то же время с ноткой строгости.

— Ты — ошибка природы...

— Отец!

— Кхм. Как звать-то тебя? Имя. Ну, как зовёшься?

— В-витус. Ви-вит-у-ус... — мальчик блял подобно овце, с опаской глядел на новоявленных членов семьи, в ладони сжимая острый нож.

— Витус! Хах, я же говорил, по-нашему молвит!

— Ну, так... Моя кровь!

Сын почтил отца таким взглядом, что казалось земля, ушла из под ног пожилого барона; в нём смешались негодование и злоба, возмущение и недовольство. Одним словом Гальего-младший, не одобрял давние связи отца, благодаря которым на свет явился его брат. Но что было, то былью поросло — резюмировал юноша, и, под локоть подняв Витуса, направился в сторону усадьбы, попутно рассказывая, какие здешние места чудесные. Старик негодовал, его сын радовался, свалившейся снегом на голову мальчик чувствовал себя как зверёк на поводке.

— Ну, ты видела: уши большие, лицо слегка вытянутое, глаза огоньками горят. Ну, это же вастаи! Вылитый!

— Ничего ты дед не понимаешь. Ну, какой это вастаи? Ты вастаи хоть раз видел?

Дед, работающий возчиком в усадьбе барона, вастаи за свою долгую жизнь встречал лишь однажды, и то в состоянии далёком от трезвого; его собеседница, чья задача следить за порядком в доме, так же вастаи ни разу не встречала, но слышала, что народ это чудной, загадочный и потому такой манящий. Они расположились за дверью гостиной: обширной комнаты, где предпочитают устраивать чаепития и встречать гостей. Конечно, старик и молодуха не могли услышать, о чём говорили по ту сторону стены, однако мы, благодаря знаниям тайным, смогли стать свидетелями семейного разговора.

Сын барона расположил Витуса на софе, сам сел напротив и взглядом прямо-таки пожирал мальчика. В его глазах пылал коктейль из интереса, волнения и трепета; юноша боялся спугнуть существо, прозванное его братом, а потому движения его знавали плавность. Старик же был напротив, как всегда, раскованный; проходился по комнате, как хозяин жизни; лицо его искажалось в недовольной гримасе, он будто-то бы брезговал даже глядеть на найденного отпрыска. Никто из сыновей не знал, о чём думает Боров, но мысли его имели характер корыстный, он продумывал варианты диалога, исходом которого станет принятия Витуса в семью. Но не как её члена, а как оружие массового уничтожения.

«Силён чёрт, ничего не скажешь. М-да, когда оплодотворял Овечку и не думал, что вырастит такое оружие. Обещала на шестой год доставить, ан, вот как получилось. Ну, ничего, возраст лишь прибавил ему опыт. Когти сточены, из пасти разит плотью. Убивал, это точно, может даже кровь человечью проливал. Хорошо, это хорошо, ох, хорошо... Направить его силы да в нужное русло...или продать повелителю мёртвого легиона за вечную жизнь...» — Барон мыслил радикально, желая использовать Витуса как разменную монету, оружие, шанс подняться по карьерной лестнице. А вот его сын имел иное мнение:

— Ну, ягнёночек, наконец, мы нашли! Надеюсь, отец не скрывает ещё одной дивизии вечных охотников.

— Скажешь тоже, я тебе девка, что ль, шальная, чтобы плодить потомства как кролик? Сын и...сын. Правду говоришь Гэвиус, в сборе семья, как и подобает членам знатного рода. Ты страхо...

— Витус, — поправил отца юноша, — его имя Витус.

— Кхм. Витус. Понимаю: дело сложное, принять такое родство тяжело, — барон сунул одну руку в складку дорого, вышитого золотыми нитями халата; второй ладонью проходил по заросшей бороде. — Но как-нибудь справимся.

Старик отошёл к окну, взглядом провожая охотников; те возбуждённо жестикулировали руками, кажется, обсуждая нечто очень интересное. Никак страховидло, что пробралось в сад барона. Сейчас он сидит рядом с новоиспечённым братом, крепко сжимая рукоять ножа; колени его дрожат, всполохи глаз лихорадочно бегают по комнате, сияются найти ниточку, что приведёт к спасению. Но так ли было опасно, как казалось на первый взгляд?

— Красивый нож, — с улыбкой сказал юноша. — Это подарок от матери?

Витус кивнул. При упоминании Овечки, сердце его сжалось, стало дурно. Видимо, перемены в лице увидел не только брат, но и отец, потому как задал вопрос, не сильно ли мальчика огрели дубинами, в попытке усмирить? Конечно, он знал, что отпрыск Киндред имеет толстую кожу, не чета человеческой, и силы, сравнимые с божественными. Однако такая “забота” позволяла старику выставить свою личность в лучшем свете, тем самым заручаясь таким нужным доверием потерянного ~~оружия~~ сына.

— Твоя мать она...с ней что-то случилось?

— Гэвиус, где твои манеры? Наш гость изрядно утомился, разве ты не видишь?

Это было правдой. На Витуса навалился снежный ком информации, которая, казалось, не имеет ничего общего с лесным мальчиком, который все восемь лет провёл вдали от цивилизации. Его шокировали слова старика, про сына, брата и родовое гнездо. Также выходца из лесов нервировала слишком приторная улыбка юноши в рясе; шестым чувством он ощущал скрытую угрозу. Будто два хищника не могут поделить добычу, решить, кому достанется ужин. Мысли мальчика прервал сладкий шёпот:

— Витус, знал ли ты, а ты знать не можешь, что на чердаке располагается старая комната няньки? Там очень уютно и если ты согласишься, я могу, — Гэвиус взглядом словил кивок отца, — могу оставить тебя там на ночь.

Да, выходец из лесов не знал про подвал, табун слуг в усадьбе; про десяток комнат на двух этажах, подвал, используемый как пыточную, и, конечно же, предлагаемый новоиспечённым братом чердак. Не знали и мы, а потому тенью последовали за братьями, что скрылись в дверном проёме, оставляя отца. Думы его были тяжелы.

После попадания Витуса в усадьбу барона прошло два дня. За это время он ни разу не спустился с чердака, опасаясь неизведанного мира, людей и, самое главное, новоиспечённого брата. «Брат — кто же это, что это вообще значит?» — спрашивал себя мальчик, забившись в углу, точно раненый зверь. Он до сих пор помнил взгляд старика, пропитанный откровенной злобой, презрением, брезгливостью — таким взглядом смотрят на давнего врага, нежелательного попутчика в дилижансе, но уж точно не на, как заверяли его стар и млад, сына.

Два дня и две ночи Витус думал о Киндред. Как там они? Овечка до сих пор перед сном чистит тетиву своего лука, а Волк приносит с утренней охоты тушки кроликов? Он очень хотел узнать, не изменилось ли это, но был далеко, был очень далеко от родного леса. Где он? — вопрос, ответ на который не суждено отыскать.

Не стоит думать, что мальчика обижали. Напротив. Гальего-младший, названный его братом, относился к нему, как к выпускнику школы святой Каролины, где каждый год умалишённые находят свой конец, увы, не счастливый. Молодой человек принёс Витусу тёплое одеяло, несколько шкур, подложив под них солому, тем самым сделав мягкую лежанку. Слугам строго-настрого приказал не подниматься на чердак, а приносимую еду оставлять у двери. Увы, мальчик был слишком напуган, чтобы притрагиваться к пище, а потому брату приходилось исполнять роль няньки. Это может показаться странным, но, уверяем вас, отпрыск Киндред с удовольствием поёдал кашу с ложечки.

За двое суток мальчик не отпускал нож, спал, ел и слушал, — всё это делал со сталью в руках. Возможно, сын барона и был против подобного, но не стал поднимать разговор на эту тему, а больше рассказывал про Ноксус — страну, где проживает его семья, отныне — их семья.

— Мы проживаем в Болхейме — городе, расположенном на высоте трёхсот метров над уровнем моря. Здесь чистый воздух, приятные люди и полная безопасность. Тут у нас академии, мастерские, цехи, бондарни, гарнизоны... Живём и, что называется, в ус не дуем, — с видом высшего академика вещал Гэвиус.

Прошло ещё три дня, Витус стал свободно передвигаться по чердаку; его движения потеряли скованность, а душа требовала свободы. Ах, как хотелось набрать полную грудь воздуха и ринуться на перегонки с дядей Волком; услышать предостережения Овечки и поймать добычу, прокусывая горячую плоть клыками. Но то были лишь мечты мальчика, реальность же диктовала свои суровые условия.

Вечером пятого дня охотничий азарт Витуса взял верх над инстинктом самосохранения. Он поймал мышь, тем самым покинув зону своего комфорта. Оказавшись у ступенек, ведущих на чердак, отпрыск Овечки притаился, точно лягушка, припал к половицам и, минуя коридор со множеством пыльных картин, направился в приоткрытую дверь. Из-за неё лился приятный свет, он будто бы манил к себе, являясь маяком в бескрайнем океане тьмы.

Шаг. Сердце предательски сжимается, мышцы отказываются подчиняться, зарождается желание повернуться.

Шаг. Слышится громкий звук, доносящийся снизу; уши мальчика прижимаются, тело дрожит, он пятится назад.

Шаг. Всё, он не выдержит больше, быстрее, быстрее поместите его на чердак! Но

добрых самаритян рядом не было, а сам Витус волею судьбы был застукан Гэвиусом, что пришёл по его душу с тарелкой в руках.

— Ты покинул чердак?! — возбуждённо воскликнул юноша. — Теперь я смогу показать тебе дом!

И это было правдой: такая оказия представилась на подступающую ночь. В то время, когда барон крепко спал, в час, когда совы начали угукать только им понятное «угу», в момент ухода слуг, они спустились на второй этаж и с масляной лампой в руках двинулись навстречу неизведанному.

Витус разглядывал дом, как кретин. Ему было в новинку жить в тюрьме, что люди называют жилищем. Ведь ну, смех просто — жить в четырёх стенах со спёртым воздухом и ограниченной свободой! Мальчик начал, пусть и мало, но всё же говорить, спрашивать, задавать вопросы.

— О, так ты не понимаешь, что значит «брат»? Мой милый, маленький ягнёночек, позволь я тебе расскажу, только для начала давай уединимся в моём любимом месте. Я называю его своим личным раем.

Личный рай для Гэвиуса был библиотекой с десятком огромных стеллажей, парой пыльных столов и одного покусанного собачкой кресла. Именно в нём расположились братья: старший сел на сиденье, младший сел ему на колени, точно ребёнок. Завязался разговор:

— Видишь ли, твоя мама... Понимаешь, она была близка с моим отцом. В момент их... Эм, как бы сказать... совокупления родился ты. У нас разные матери, моя... ну, моя умерла от оспы много лет назад, мне и семи не было, когда отец принёс эту весть...

Воцарилось молчание, по лицу Гэвиуса можно было понять, что тот страдальчески силится отогнать берущие его сознание штурмом воспоминания. Витус положил ему ладонь на голову, прошёлся по остаткам волос, пальцами постучал по лысине. Подобное делала Овечка, убаюкивая своего отпрыска. Кажется, это помогло, и новоиспечённый брат, поблагодарив, принялся рассказывать о чём-то менее болезненном.

— Вижу, ты поглядываешь на книги. Хочешь почитать? О, ты наверняка не умеешь... Но ничего, мы тебя научим!

Гальего-старший сдержал слово и, найдя на задворках библиотеки старую, потрёпанную, местами порванную сказку для детей, где преобладали картинки и крупный шрифт, показал её Витусу. Он с интересом разглядывал изображения на бумаге, тыкал когтями по нарисованным лицам, нюхал, пробовал на вкус. Несъедобно, но, как сказал Гэвиус, информативно, что бы это не означало, — резюмировал мальчик.

— Книги — это билет в другие миры. Они учат нас, дают информацию и возможность окунуться в фантастические истории, не выходя из усадьбы. Невероятно, не правда ли?

Витус не мог согласиться, но и отказаться от правды новоиспечённого брата был не в силах. На протяжении ночи они изучали детскую литературу: мальчик глядел на картинки, а те оживали голосом юноши. Книжные полки и их содержимое было близко ему по духу, соответствуя спокойному, рассудительному складу характера молодого человека. Время летело подобно стреле Овечки; с первыми лучами солнца братья были застуканы молодой горничной, которая была удивлена подобным времяпрепровождением. Она напомнила Гэвиусу о его работе, об обязанностях ученика в научном цехе, о старшем инженерере Бэвиане, ожидающем новую партию запчастей для полугодового проекта.

— И правда, засиделись мы, Витус. Мне нужно отправляться в цех, работа зовёт. Ты

можешь остаться здесь, я буду рад, если по приходу застану тебя в библиотеке, нежели на чердаке.

Лесного мальчика оставили одного в окружении сказок и легенд, вымышленных миров и исторических фактов. За неполный день он разглядел множество картинок; одна показалась ему особенно близкой: на ней изображалась мать, кормящая своего новорожденного отпрыска грудью. Эта нарисованная сцена отдавала воспоминаниями ушедших дней; Витуса снова одолела тоска по Киндред — неукротимому Волку и нежной Овечке.

— О, ты погляди, сидит, сидит зверинка. Может его... ну, того, спугнуть?

— Ничего ты, дед, не понимаешь. Это же не зверь, это вастаи!

— Да какой это вастаи?! Ты вастаи хоть раз видела?

— Вастаи не видела, а порку за невыполнения своих обязанностей получала! — помолчав, ответила домработница. — Нужно его спугнуть, а то он меня загрызёт!

— Было бы что грызть, кожа да кости...

Местные слуги со страшным интересом наблюдали за сидящим в кресле существом, нарекая того вастаи. Конечно, никто из них не догадывался о прошлом Витуса, его матери и её связях с бароном. Но, как говорят в простонародье, у страха глаза велики, а языки злы. Уже полгорода знало про необычное существо, живущее в доме Гальего. Многие приняли его за зверюшку барона, а некоторые дамы из высших кругов, намеревались увидеть питомца Борова нанеся тому визит. Слухи расползались быстро, быстрее чем Гэвиус социализировал брата.

Происходило это медленно, но успехи явили себя уже через неделю. Например, теперь Витус завтракал в гостиной, пытаясь использовать столовые приборы; получалось это скверно, но, как говорил Гальего-младший, главное начать! Слуги обходили его стороной, прятались по углам, когда тот, точно дикий лев, передвигаясь на четвереньках, проходил мимо. Это было обусловлено инстинктами: когда хищник ощущает угрозу, он напрягает свои мышцы, готовые в любую секунду принять удар. Так и Витус прижимался к полу, слыша тихие шёпоты за спиной и ощущая, по меньшей мере, две пары глаз, следящих за ним.

— Страшно подумать, чтобы *это* передвигалось без цепи, — заявила однажды старшая домработница, дама в годах с ужасными манерами, не мешающими ей работать в усадьбе барона.

— Сожрёт он кого-нить, тогда хозяин и спохватится! — соглашался с ней пожилой возчик.

Но Витус не собирался никому причинять вреда, напротив, охотился на мышей и им подобных, устраивал вылазки в сад, убивая десятков пчёл, летающих вокруг цветочного царства. Со временем прислуга успокоилась, барон, уехавший по делам, вернулся через две недели, но взгляд его не изменился: всё такой же холодный, не скрывающий презрения.

Это беспокоило Витуса; он всегда ощущал неприязнь в свою сторону, будто охотник выжидает момента, чтобы пустить в него стрелу. Этот эфемерный снаряд пробивал тонкую оболочку спокойствия мальчика каждый раз, когда новоявленный отец бросал фразы в его сторону.

— Когти что надо, такими особенно хорошо выковыривать плоть из-за лат. Клыки остры, перегрызут любые железо. Отправимся с тобой на охоту, парочку кабанчиков завалим...

Выходец из лесов слушал молча, никогда не отвечая на слова барона. Ему были чужды

темы стратегий, оружия и нанесения увечий на, что бы это не значило, военных походах. Гальего-младший учил мальчика читать, рассказывал о вещах, всегда миротворческих и удивительных, в то время как их отец всегда поднимал темы кровопролитий, войн и умерщвлений живых существ. Это продолжалось на протяжении двух месяцев, проведённых Витусом в относительно спокойной обстановке. Он начинал привыкать к усадьбе, её жильцам и разговорам стара и млада.

Уже не было чуждым сидеть на софе в гостиной, где по обе стороны находились брат и отец. Со временем мальчик стал вставлять ничего не значащие фразы в обсуждения тех или иных тем, не боялся переспрашивать, если ему было что-то непонятно. Гэвиус всегда с энтузиазмом объяснял мелочи Витусу, а вот барон делал это с большой неохотой, будто бы объяснил разницу между ложкой и вилкой. Время шло, природа укрыла леса покрывалами из листьев, разукрасила в оранжево-жёлтые тона; деревья обнажили свои ветви, а вечер наступал на несколько часов раньше. Двумя словами, пришла осень, а за ней день, что стал роковым для мальчика.

Это случилось ранним утром. Гэвиус, как и обычно, поднялся на чердак к Витусу и, разбудив брата, объявил:

— Сегодня едем на прогулку! Я ведь обещал свозить тебя в лес, вот, держу слово!

Отпрыск Овечки и правда был рад полученной новости; где-то внутри него теплилась надежда на встречу с матерью, на один короткий разговор. Пару слов — большего он и не просит. Душа жаждала этого, как нищий куска хлеба, но разум подсказывал, что подобному не бывать. Увы, что правда — то правда: это никак не могло случиться.

В экипаж они сели под ласковые лучи солнца, цокот нетерпеливых лошадей. Витус укутал своё тело в плащ и с прищуром поглядывал на проходящих мимо людей. И пусть кучеру было велено объезжать густонаселённые места, сын барона в сопровождении незнакомца изредка попадался на глаза ноксианцам. В телеге они были одни, наслаждаясь приятным днём и тёплыми лепёшками, взятыми из усадьбы.

— Тётя Грестилия и правда чудесно готовит! — заявлял Гэлиус, согревая брата своей улыбкой, точно солнце, дающее тепло подрастающему ростку, так и молодой человек намеревался вырастить из ягнёнка полноценного барана.

Их путь был быстрым, потому как огибал городские стены и оживлённые дороги. За неопределённое количество времени они добрались до окраины леса; братья покинули повозку и отправились на пение пташек, входя в дикое царство, где хозяйничают бурые медведи, грозные кабаны и дикие волки. Но сейчас их встречали лишь пищущие белочки, пролетающие над головами синички и шуршащие в траве кролики. Это был тот самый мир, который Овечка желала бы своему отпрыску — безопасный, спокойный.

Витуса распирало от желания сорваться с места, последовать за вольными ветрами, как три месяца назад, кажется, в другой жизни. Но Гэвиус сжал его ладонь, и вместе они прогуливались по пустым полянам, опушкам, лугам. У этой прогулки была цель, но об этом лесной мальчик пока ещё не догадывался.

Отпрыск Киндред наслаждался прогулкой, ощущал, как к нему протягиваются эфемерные ладони прошлого, осколками ностальгии толкают в спину. Беги, ну же, беги! — кричит сознание, и сын Овечки срывается на трусцу, тянет за собой брата; тот падает от неожиданности, вскрикивает от красных полос, оставленных когтями Витуса. Слишком крепко держал, слишком сильно опекал.

— Ягнёночек, я знаю, что ты попал к нам, при условиях странных... можно даже

сказать, магических, — замолк, подбирая слова, скрывая лукавый взгляд. — Не мне держать тебя как лошадь за узду. Хочешь — уходи, и мы больше не увидимся. Но если останешься, я могу гарантировать тебе, — обещаю тебе брат! — достойную жизнь и наследие рода.

Витус замер, точно вкопанный, всполохи его глаз округлили глазницы, толстыми язычками пламени пожирали распластавшегося на земле брата. Он помог ему подняться и тут же отпрянул, будто бы ожидая наказания за провинность. Мальчика объяло сожаление; аспид пустил яд раскаяния в его кровь. Несмотря на огорчённый взгляд Гэвиуса, думы его знавали корысть, юноша ликовал в душе.

«Да-да, мой маленький ягнёночек, думай, думай и решай. Только вот думать-то не о чем, всё уже решено. Три месяца ты пробыл у нас дома, и всё это время я сближался с тобой, прикладывал усилия, чтобы сегодняшним днём поставить точку в этом спектакле. Решай, Витус, ибо близится час перемен, время пешкам делать ход».

— Если на то твоя воля, Витус, ты можешь уй...

— Прости... — голос мальчика дрогнул, кулаки его сжались, готовые поколотить себя за глупое, ужасное решение! Нет, он не сможет уйти, ведь в таком случае ему придётся отгрызть руку, которая его кормит, забрать с собой ставший родным чердак усадьбы, шушуканье работников в доме барона и даже глупые, не имеющие ничего общего с ним разговоры отца. Всё это он не сможет забрать с собой на родную подстилку Овечки, пахнущей шерстью и терпким ароматом боярышника. Мальчик сделал выбор; сжал ладонь брата.

— Спасибо, Витус, спасибо. Вместе мы преодолеем всё, вместе мы *поднимемся на бастион* ...

Возможно, братьям и правда было суждено покорить небеса, оставить след в истории Ноксуса и переломить ход судеб большинства, но это в далёком будущем. Ныне же они движутся по окраине дорог, скрестив ладони, многозначительно молча. Кучера они отправили домой; в его услугах не было нужды, до усадьбы Витус и Гэвиус решили добираться пешком, тем самым дав себе время на размышление. Лесной мальчик до сих пор чувствовал себя виноватым, в то время как юноша, подобно истязателю, растягивал его мучения во славу планов своих.

Они двигались не спеша, возможно, даже слишком, а потому не заметили подходящих со спины четыре фигуры разной длины и телосложения. Они тенями легли на землю, обошли идущих и окружив полукольцом, внимательно вглядывались в Витуса, подобно пьянчуге, что не может сконцентрировать взгляд. Ноксианцы не привыкли иметь дел с ушастыми жителями Ионии — страны, где духи живут бок о бок с загадочными существами, называемыми вастаи.

— Смотрите: милсдарь Гэвиус и его зверёк, — заявил один из подошедших — юноша лет двенадцати в красной рубахе и с таким же красным носом.

— Да, да, — поддакивал напарник в широких шароварах.

— Откуда этот страхолюд? — вмешался в разговор третий, хозяин потёртого колпака.

— Никогда не видел настолько уродливого вастаи.

— Ты вастаи вообще не встречал, — парировал первый, но явно не вставая на сторону братьев.

— Прочь с дороги! Нам нужно...

— Господин Гэвиус, а, господин Гэвиус. Скажите-ка нам: великий и ужасный барон

получил право на держание вастайских рабов?

— Да, да, получил ли он право? — нарочито громко вторил хозяин шаровар.

Витус сжался, разжал когти, попытался по охотничьей привычке припасть к земле, но Гэвиус держал его под руку и, проталкиваясь через толпу шпаны, нашёптывал слова утешения. Эти недоумки могли испортить его планы, сбить великие цели, требующие щепетильной подготовки. Он ощущал, как брат насторожился, как был готов прыгнуть в толпу и устроить какофонию душераздирающих звуков.

— Дела моего отца вас не касаются, и если вы не хотите увидеть своих отцов на прощальном одре, советую не переходить дорогу Олусу Гальего!

То ли угроза подействовала, то ли шпана потеряла всяческий интерес к странной животинке и сыну барона, но пути их разошлись. Братья отправились дальше, толпа осталась позади, как и путь к прежней жизни для Витуса.

Начало познания

— Учение — не только свет, оно также и свобода. Ничто так не освобождает человека, как знания.

— Да, отец, поэтому ты хочешь отправить его в военную академию. Туда, где будут суровые нравы, сердца, переполненные невежеством и...

— Твоя мягкотелость, Гэвиус, порою не знает границ.

В гостиной повисло молчание; отец и сын расположились в противоположных сторонах комнаты, точно на ринге; их дебаты касались Витуса и его обучения. Его брат боялся за травмы, что могут быть оставлены ягнёночку в храме знаний. Следует заметить: ноксианские школы отличались суровой боевой подготовкой, где делался упор на знание воинского ремесла, нежели чтение или же живопись. По этой причине Гэвиус требовал домашнего обучения для мальчика, в то время как барон, ведомый планами тайными, скрытыми даже для нас, предпочитал предоставить отпрыска в руки лучших профессионалов в одну из элитных школ.

— Это уже решено, Гэвиус, твой брат будет перенимать знания Эрнеста Криано, Себастьяна Бучлети...

— Во имя Кейл, отец, кто эти люди?

— Великие полководцы и главнокомандующие, переломившие ход многих битв и вогнавшие в землю штандарт нашей великой страны...

— Убийцы и варвары...

— Воины и герои! Всё! Разговор окончен. Иди, обрадуй брата добрыми вестями.

Гэвиус не разделял радости отца, но, ничего не ответив, скрылся за дверь. Его обуяла злость, он был в ярости! Все планы касательно Витуса знавали крах, ведь если его брат пойдёт по стопам барона, если Боров сумеет склонить новоиспеченного члена семьи на свою сторону, Гальего-младший останется в меньшинстве: его мнение будет затоплено большинством, а идеи зарыты на кладбище надежд. «Нет, нет, нет!» — рычал стиснув зубы юноша — «Этому не бывать!»

Оказавшись в обители брата, он застал Витуса вырезающим некое подобие фигурки из старой ножки стола. Завидев Гэвиуса, тот, копируя поведения кота, резво оказался рядом и, получив поглаживания по голове, принялся слушать. Слушал он внимательно, ни единого слова не упустил: про варварский нрав отца, его помешательство на военных походах и тиранию иных, меньших по численности рас. В молодом человеке бурлил гнев, но он был не способен стать той стеной, что будет защищать мальчика от желаний отца. Колесо Судьбы повернулось; через неделю Витус начал обучение в ноксианской элитной школе.

Темнота обрела свет, толстыми линиями белой краски начали появляться изображения. Мальчик следил за каждым штрихом невидимого художника, улавливал колебания ветра, будто бы тот решает, следует ли дуть могильным завыванием или же исполнить симфонию умиротворения.

Наконец-то во мраке начинают появляться картинки, эфемерными изображениями повисая в воздухе: в небе застыл ворон, огненные травинки качаются под лёгким ветерком, они слишком длинные, а потому поджигают стоящую хижину и каким-то чудесным образом охватывают стены донжона. Крики матерей, слёзы детей.

Картинки пропадают, но художник рисует новые, нанося толстые, неровные шприхи на холст, будто бы нервничает, впадая в истерику. Мальчик видит вечных охотников: свет и тьму, смирение и возмущение, покой и ярость... Они яркими всполохами кружат в хороводе огня, точными движениями собирают жатву. Удар. Удар. Удар. Тихие, быстрые, смертоносные...

Они являют собой кровавый хоровод, но останавливаются, едва завидев мальчика, но не хозяина сна, иного, чем-то похожего на него. Всполохи говорят с ним, называют Овидом и, собираясь таинственным светом, преобразуются в кинжал, вложенный в ладони юнца.

Ворон недоволен, он пикирует вниз, старается выхватить оружие из неопытных рук, но мальчик показывает характер, и борьба заканчивается победой мальчика. Он пролил первую кровь, убил первое существо, но ему мало, он хочет ещё, он желает большего! Кровь птицы — серебряного оттенка субстанция, точно лава, неправильного цвета, — капельками дождя скатывается по оголённому торсу охотника. А он безумствует: острым когтём вспарывает себе вену, прикладывает лезвие, будто бы окунает заготовку кузница в чан с водой. Эффект тот же: исходит пар, желая забрать с собой все краски...

— *Нити судьбы переплетаются...*

Слова искажённым эхом доносятся до наблюдателя, а после лучи света пробивают занавес тьмы, и чей-то знакомый голос заставляет открыть веки...

Гэвиус звал и просил поторопиться, потому как их отец не отличается терпеливостью. Но мальчика пробил озноб, он крутил в руках подарок матери — нож, отныне запятнанный кровью. Вязкая субстанция серебряного оттенка, играющая в лучах солнца, окропила клинок, несмотря на то, что оружие лежало под подушкой мальчика и никак не могло быть использовано по назначению. Нарастающий страх был подавлен, и Витус, спрятав свой секрет под ложе, поспешил покинуть обитель.

Для каждого ребёнка первый поход в школу — это нечто сродни сказочного приключения в неизведанный доселе мир. У Витуса были иные мысли на этот счёт. Ему было дискомфортно сидеть по правое плечо от барона, который по такому случаю нарядился в элегантный ядовито-сизый пурпуэн; на лице старика покоилась холодная улыбка. В противовес ему был Гэвиус, однако и он притворялся радостным, но по иной причине. Молодой человек был рад видеть восхождения брата по пути знаний, однако это шло в противовес с его планом по покорению вершин и использованию Витуса по своему усмотрению. Стар и млад грызли друг друга, в роли жертвы выступал мальчуган — напуганный какофонией звуков, привычных в городских стенах множеству лиц, смотрящих с отвращением и скрытым презрением.

До Ноксианской элитной школы имени Эренста Криано они добрались аккуратно под достигшее зенита солнце. Покинув насиженные места, троица встретила процессию — все учителя вышли встречать столь значимого ученика, чей отец крайне великодушно согласился финансировать экстремальную боевую подготовку всем классам, да ещё и оплатил обучение отпрыска, потратив сорок тысяч ноксианских динаров.

Состав наставников Витусу не понравился сразу, то же мнение разделял и его брат. Посудите сами: три чопорных взгляда, три тела, закованных в лёгкие латы, простирающиеся вплоть до подбородка; речь их была суха, а поклоны наиграны. Первый из них носил тёмный плащ, у рубашки второго — высокий воротник, пробивающийся из-за брони, у третьей же —

женщины — были орлиный нос и хищный взгляд.

— Господин Витус, рады приветствовать вас в Ноксианской элитной школе... Мы позаботимся о вашем обучении и сделаем из вас бойца.

«Бойца. Хо-хо! Не просто бойца, а машину для убийств, непрекращающийся смерч, способный переломить ход любого сражения. Это будет поистине уникальное оружие, дающее власть и заставляющее подчиняться», — барон расплылся в улыбке, слишком приторной; Гэвиус зыркнул на него недовольно, а Витус...

Мальчик стоял столбом, даже не догадываясь, что его ждёт впереди.

Признаемся честно, дорогие читатели, мы также не были проинформированы касательно подготовки Витуса и ознакомления одного с военным ремеслом. Это нельзя было назвать тренировками, потому как ноксианцы предпочитают говорить на языке силы, показывать доминирование над врагом, собеседником и любым другим членом общества. Витуса ломали, его уничтожали изнутри всевозможными способами.

Сначала это, и правда, походило на заготовленную тактику подготовки для любого из новобранцев, но после началась череда сложных испытаний: мальчика нагружали по полной. Мы знаем, — а знать мы можем, — что барон специально окупил эти услуги, дабы его отпрыск явил миру своё истинно «я», открылся зверю внутри него и показал всю мощь охотника.

Единственной отдушиной в этом бесконечном забеге неприятностей являлись уроки философии, представляющие собой занятия не только письмом и чтением, но и точными науками, изучением трактатов и редкими опытами. О, что это было за блаженство! Витус бережно переворачивал страницу за страницей, пусть медленно и непутёво, но всё-таки силился читать; старательно выводил каждую букву на пергаменте, частенько оставляя чернильные кляксы. Казалось, будь на то воля женщины с орлиным взглядом, она бы уже давно запретила мальчику появляться у себя в классе, аргументируя это тем, что ему нужны тренировки на свежем воздухе. А таковы были и у местных школяров и назывались экзерцицией.

Когда остальные мальчики и девочки упражнялись в метании копья, любящий высокие воротники мужчина пристально следил, чтобы в оппоненты Витусу поставили не одного, не двоих, а троих противников! Его искренне боялись из-за стиля боя мальчика; инстинкт хищника говорил ему использовать когти, что шло в противовес нормам обучения. Но будем откровенны: даже целая толпа не была способна повалить охотника. Тот был ловок, быстр, в меру хитёр и чертовски силён. Он таким родился: волком в овечьей шкуре, хищником в курятнике...

Мальчик чувствовал неприязнь толпы, те сторонились его и обходили стороной. О, прошу, не стоит приписывать им злые умыслы, они были напуганы белой вороной в их чёрной стае; попросту не готовы к контакту с кем-то, кого их народ всегда презирал. Подойти и поговорить, пожалить руку, улыбнуться? Пф, конечно нет! За каждое из этих действий детей могли наказать родители, потому как поощрение межрасового контакта всегда наказывалось в Ноксусе особенно сильно, никто не хотел взваливать на себя такую ношу.

Но, несмотря на своё одиночество, Витус крепко встал на ноги и, можно заявить, освоился. Он приходил на учёбу в одно время, минуя заставленные домами улочки, всегда обходя множественные скопления людей, и возвращался домой, точно кукушка, знающая

когда ей нужна подать сигнал. Редко он делился с бароном своими успехами, но в этом не было нужды; во-первых, отец всё знал будучи ознакомленным с отчётом учителей, и, во-вторых, он никогда не стал бы проявлять к отпрыску даже маленькую дольку теплоты и сентиментальности.

Витусу стыдно признавать, но во всём этом круговороте жизни он слегка позабыл Киндред: мать Овечку и незаменимого дядю Волка. Они редко всплывали в его снах, а если такое и случалось, то чаще всего сопровождая его отражение, смотрящее бездонной бездной. В такие ночи мальчик с криком просыпался, крепко хватаясь за рукоять ножа, и трясся в углу. Казалось, его тело ему не принадлежит, оно чужое, инородное. Страх набрасывал свои сети подобно рыбаку, желая выудить рыбёшку — покой мальчика.

Шло время, шли дни, плавно перетекающие в месяцы. Вот миновали тридцать дней; и однажды случилось это после прихода Витуса домой — состоялся разговор между ним и его братом. Гэвиус внимал каждому слову мальчика, мы так же наострили уши, чтобы слова его до ваших сердец донести.

— Я следую благодетели Кейл, словами благодарности вспоминаю отца. В своих трудах Кристофер Чуждир описывает Ионский сад и его обитателей... — мальчик замолк, как бы спрашивая, слушает ли брат. — Также маэстро упоминает ноксианского воина, потерпевшего кораблекрушения с механической птицы. Да, я знаю, что это сказка... Но тот воин, он был один среди чужого мира, противостоял всем и каждому, он...

Витус возбуждённо жестикулировал, но после замолк, кажется, сболтнул лишнего. Даже старый маразматик поймёт приведённую мальцом аналогию, понял её и Гэвиус. Рука юноши коснулась плеча брата, вторая ладонь нашла его щёку.

— Ягнёночек, придёт день, и этот мир перевернется с ног на голову; вещи безумные будут обыденностью, а наши дни утонут на страницах летописи.

— Ты так думаешь?

— Я это знаю.

Молчание не длилось долго, Витус продолжал откровенничать. То ли атмосфера чердака располагала к обмену тайнами, то ли он сам желал выговориться, но приведённый ниже диалог — ничто иное, как самая настоящая правда.

— Мне кажется, меня не очень... — мальчик долго подбирал слова, — ценят в школе. Там много детей, но они совсем не похожи на меня, такие тонкие, слабые, красивые... Порой мне кажется, стоит мне приложить небольшие усилия, и от них не останется ничего.

— Прости малыш?

— Спарринги. Все разбиваются на пары, но я тренируюсь один, избивая груду лат, а всё после того случая, когда ненароком поранил Эрнестину и Филопия. Мне это совсем не нравится и «уроки на свежем воздухе» тоже.

Повисло молчание, на улице замаякала кошка.

— Но уроки стрельбы... Это так чудно. Ты поднимаешь арбалет, вставляешь болт и будто бы... будто чувствуешь как он летит, ощущаешь порывы ветра, разбиваешь их своим стальным наконечником, а после врезаешься в цель и... и...

Мальчика объял восторг, на его лице расплзлась широкая улыбка, а душа рвалась от переизбытка эмоций. Кроме того, Витус поведал о своих стараниях на уроке философии, успехах в письме и чтении. После этих рассказов Гэвиус что есть мочи обнял его, да так крепко, что завалил на спину. «Да, да, он не будет машиной для убийства!» — кричал он в душе, ощущая как весь мир склоняет голову перед его гением. Сказка или будущее? —

вопрос без ответа.

— Витус, мой мальчик, моя отрада... Вот увидишь — увидишь! — наши звёзды ещё засияют, и ночь эта будет самая лучшая!

Были ли слова Гэвиуса пророчеством? Кто знает...

Дни пролетали с незавидной скоростью. Витус продолжал своё обучение в Ноксианской элитной школе имени Эрнесто Криано, где дети учились, познавали мир и медленно, но верно отдавали свои сердца великой и могучей империи. Увы, лесной мальчик не чувствовал патриотизма и лишь больше закрывался в себе.

Ненавистный, но гениальный, он продолжал своё обучение, посещая уроки фехтования, стрельбы и, безусловно, философии. И если первые два были ему чужды, то третье отдавалось теплотой в сердце подрастающего отпрыска Овечки.

Атмосфера отрешённости от общего дела, давление учителей и их завышенные требования — всё это порождало злость в душе мальчика, но то был не сжигающий огонь, а согревающий, дающий силы на дальнейший путь. И он шёл. Продавливался через сложные тренировки, пренебрежение, завистливые взгляды одноклассников, которые за спиной нарекали того «зверьком, сорвавшимся с поводка».

Может быть, так оно и есть? Может быть, его жизнь невозможна без крепкой цепи, что держит его на привязи, задавливая амбиции в зародыше? «Да», — сказал бы отец, «Нет», — ответил бы брат. Пожалуй, лишь Гэвиус поощрял мальчика по причине и без. Порою его похвалы были безосновательны, но они являлись тем огоньком, что освещает дорогу к предстоящим, лучшим дням, помогают не утонуть в болоте негативных мыслей.

Но время шло, и пришла пора барону узнать об успехах своего отпрыска. В тот день он явился домой очень поздно и не только по причине множественной работы и посещения важных заседаний. Школа забрала целый вечер старика, а троица учителей давала ответы на его вопросы. Итак, какие же успехи делает Витус?

— Право, я не знаю, какие планы у вас на своего сына, но настоятельно рекомендую ввести его в военную степь. Сила, ловкость, нестандартное мышление — всё это делает его уникальным воином. Впрочем...отсутствие желания убивает возможный результат на корню, — докладывал хозяин чёрного плаща.

— Истинно так, чертёнок умён, а глаз у него намётан. Стреляет хорошо, даже очень. Однажды запульнул с арбалета на триста метров, такой траектории я ещё не видел, — поправляя свой высокий воротник, отчитался второй учитель.

— Я обязана отметить его стремление к философии — письму и чтению. Мальчик способный, но он... Барон, при всём моём уважении к вашему роду, я стара, если хотите, можете отправить на эшафот, посчитав мой вопрос оскорбительным... Этот вастай, не слишком ли много свободы вы ему даёте? — орлиный взгляд прошёлся по Гальего-старшему, по его широким губам, не имеющим улыбки.

Старик поблагодарил наставников и пообещал профинансировать ещё несколько проектов, тем самым оказывая хорошую помощь не только школе, но и их кошельку. Кроме того, главнокомандующий в отставке запретил госпоже Л... преподавать отпрыску философию, и велел прогонять того с уроков.

Храм знаний барон покидал в гнетущих чувствах, ведь как так, Витус тянется к философии! Если не подавить это сейчас, в дальнейшем могут появиться проблемы, размышлял Олус. Он желал сделать из сына орудие убийства, идеального воина, не знающего

пошады. Ну, и что же получается на сегодняшний день? Ботаник, зарытый в книгах?! Вздор!

Именно с этими мыслями пожилой главнокомандующий запирает дверь библиотеки, обладая единственным ключом от неё. Отныне Витус не станет читать, а Гэвиус не будет прививать ему всякие глупости. На фоне этого зародился скандал отца и старшего сына. Увы, мы не можем привести их диалог, потому как нецензурная брань в большей степени преобладала в речи старца и младца. Но если убрать все проклятья, пожелания скорейшей кончины и иные не самые приятные слова, то можно подчеркнуть следующее: братьям отныне запрещено пользоваться библиотекой, Гэвиус — ни на что не годный сосун, получивший фингал от своего отца, и что финансирование Гальего-старшего отныне прекращено. Хочешь — поступай и учись с Витусом, а коль нет, так проваливай на все четыре стороны, заявил отец, прежде чем многозначительно умолкнуть. Тот вечер был наполнен чем угодно, но только не покоем.

С момента появления Витуса в доме барона прошло два года. За это время мало что изменилось: мальчик всё также посещал школу, однако теперь его не пускали на занятия по философии; он прогуливался по уже родному Болхейму, всё чаще выходя на широкие улицы и площади. Люд его боялся, сторонился, и даже покупка продуктов порою становилась ещё той игрой в гляделки, где мальчику была уготована роль монстра.

Время шло, оно, я напомним, не останавливается. Проходили недели, шли месяцы, состоящие из унылых, однообразных дней. Но однажды всё изменилось, и привычная серость Витуса познала краски. Случилось это на одной из площадей после занятий. Ему не нужно было проталкиваться в толпе, чтобы увидеть возле статуи ноксинского полководца в отставке, человека, рвущего глотку. Не будь он достойно одет, Витус принял бы его за бродягу, что истосковался по сивухе.

— Братья и сестры! Ноксус — империя со славной историей. Почему мы должны вести себя, как грязные животные? Пришло время выйти из тьмы! Мы живём в славное время, каждый день рождаются новые технологии. Сегодня в Ноксусе появился порох, за ним стали производить огнестрельное оружие, а что будет завтра? Мы покорим небеса, изучим глубины! Время прекратить междоусобные войны великих народов и объединиться ради общей цели. Мы — люди Ноксуса — как самый великий народ должны пойти на первый шаг. Внемлите, люди. Услышьте меня!

Народ слушал с нескрываемым интересом: кто-то кивал, другие зыркали исподлобья, иные же предпочли поддержать аплодисментами, нашлись и те, кто ушёл. В толпе Витус однозначно выделялся, однако сейчас люд был увлечён чем-то более интересным, нежели лесным, уже знакомым мальчиком. Честно признаться, и он был завлечён словами незнакомца, что сошёл с импровизированной сцены по *просьбе* хранителей правопорядка.

Огнестрельное оружие, новые технологии, невероятные возможности — этими мыслями был поглощён Витус, медленно бредя домой. Казалось, внутри него поселилась стая пташек и теперь намеревалась поднять мальчика на седьмое небо от счастливых дум, что его окрыляли.

«Мы покорим небеса, изучим глубины!» — не унималось сознание мальчика, вырисовывая всяческие странные агрегаты, позволяющие совершить одно из сказанных агитатором действий. Эх, мечты... Они как сладкая вата: вкусно, но, чёрт возьми, могут сломать зубы.

Рано или поздно в жизни наступают моменты, когда случается нечто неприятное,

портящее не столько физическое здоровье, сколько моральное. Увы, в нашей истории присутствует подобный момент. Случилось это после захода солнца, в поздний вечер, когда барон предпочёл оставить отпрысков дома и отправиться на симпозиум. Гэвиус распустил слуг и воспользовался желанием молоденькой баронессы увидеть «милое животинко», что называется, вблизи.

Витус встречал её с опаской, но не той, что сопровождается страхом, а с иной, менее воинственной. Как и было сказано, недавно отец братьев покинул дом, и в это время мальчик знавал счастье, потому как утопал в мирах инженерии, путешествовал с Дональдом Эдкинсом по математическим уравнениям, грезил с Ричардом Льяным по выдуманным мирам... Одним словом, читал. Когда в гостиную вошла низкая брюнетка в красном платье с высоким подолом и бросающимися в глаза манжетами, он предпочел подняться с софы, и взгляд брата лишь настаивал на этом.

— Витус, кажется, тётя Грестилия напекла овсяное печенье...

Без лишних слов выходец из леса предпочёл ретироваться с полей амурных и переместиться на жёсткий стул, прикрыв дверь кухни и потягиваясь за печеньем. Раз печенье. Эдкинс даёт определение котангенсу угла. Два печенье. Льяный удивляет многообразным миром, где ангелы сражаются с демонами за право трона. Три печенье. Слышится стук; кажется, упал бокал. Витус втягивает голову, кладёт подбородок на столешницу и закрывается книгой. Ему не хочется мешать брату, и он снова чувствует себя чужим.

«— Витус, мой мальчик, моя отрада... Вот увидишь — увидишь! — наши звёзды ещё засияют, и ночь эта будет самая лучшая!»

Выходцу из леса хочется прижаться к родному человеку, найти слова утешения, быть пойманным в сеть доверия и вытасканным из бесконечного моря скорби. Тут же он вспоминает Овечку, дядю Волка. Сердце предательски сжимается, на глазах наворачиваются слёзы. Снова он остался один, а так бежал и так тянулся...

Мы вдоволь нагляделись на страдания юнца, а потому, становясь призраками, проследуем за маленькой мушкой в гостиную, где молодой человек охмуряет любознательную баронессу. И вот они сидят на софе, бокал девушки *случайно* оказывается на полу... Казалось бы, всё прекрасно, но внезапно она восклицает:

— Зверюшка обучена приносить полотенца? — Гэвиус слишком долго увиливал за ней, чтобы, защищая честь брата, сорвать себе вечер; промолчал. — Как представлю, что ты живёшь с ним... У моей тётки, та что Люси, ну, которую медведь за попу укусил, хи-хи. Ну, так вот, у неё есть собака, и она знаешь какая противная! Всегда лезет, язык высовывает... О, я не заметила, у зверюшки есть хвост?

Молодой человек припал к полу, старательно оттирая алое пятно от дорогостоящего ковра. Тёр-тёр, тёр-тёр. Голоса этой глупышки нет, его не существует. Юноша силился пропускать каждое предложение баронессы мимо ушей. И про туалетные вопросы Витуса, его питания (она думала, что тот ест как животное, из миски), а также про учёбу и цепь. Последней каплей стали слова:

— А если бросить палочку, он принесёт?

— Нет! Нет! Нет! — взревел молодой человек, резко поднявшись с софы, девушка схватилась за сердце: душе явно поплохело. — Он не гадит дома, не приносит палочки и вытирать за тобой вино не станет!

Сначала лицо баронессы посинело, после залилось румянцем; казалось, вот-вот, и она

упадёт от сердечного приступа. Особа поднялась, смерила горе-кавалера, а после тихо, едва слышно, проговорила:

— Вы были жестоки со мной, юный барон, *ваши слова словно острые ножи*. Прошу, не держите меня, и слова прощения приберегите для менее...разборчивых дам. Я уйду, оставляя вас и вашу... зверушку.

Будь мы в театре, закадровый голос произнёс бы: «Юная леди, цокая каблуками, покидает сцену, оставляя молодого человека с разбитым сердцем». Но, право, мы не в театре, и сердце Гэвиуса не было разбито. Он отстоял честь брата и был более чем горд за себя. Осушив бутылку вина, — к чёрту бокалы! — юноша устремился в гардеробную, чтобы помочь милой баронессе надеть милую шляпочку и на милых каблуках мило покинуть его усадьбу. Но случилось непредвиденное, голосом Витуса сказанное:

— Хотите печенье?

О, что это был за взгляд! С щенячьими глазами мальчик протягивал круглую выпечку баронессе. Та задрала подбородок точно цапля и, скривив физиономию, не успела дать ответ, потому как из гостиной вышел Гэвиус и крайне доходчиво дал понять, что ей здесь не рады и рады не будут. Прогнал. Вдогонку осыпая словами красноречивыми, услышанными у местных забулдыг.

Витуса объял жар, сильный сквозняк отвесил ему пощёчину. Стоило входной двери закрыться, как тут же мальчик бросился бежать, в душе зарождая чувство вины. Он — охотник, волк в овечьей шкуре, потомок Киндред, и всё же эмоции ему не чужды. Выходец из лесов стал винить во всём себя, в голове прокручивая сцену в лесу, когда Гэвиус нарочито громко дал ему понять, что никакой привязи нет, и никто держать его подле себя не станет. Знал бы мальчик, что те хитрости и коварства, были ничем иным как хитроумным ходом в игре молодого гения.

Но он не знал и потому забился в свой чердак, опустив уши точно слон, склонив голову над единственной отдушиной — книгой. Если жизнь мальчика — это чей-то рассказ, то автор — настоящий садист! Будь это так, сейчас бы последовала плаксивая сцена, где братья обнимаются и, рыдая, твердят, что ничто и никогда не сможет их разлучить. Что ж, жизнь — это не книжный роман, а потому и события, произошедшие далее, были более чем обыденными.

Гэвиус нашёл брата в его обители, шатаясь, присел рядом, заключил в крепкие объятия и, нашёптывая неразборчивые утешения, уснул, зловонным перегаром испортив воздух. Несмотря на это, Витус ощущал близость Гальего-старшего и заботу, что накрывает с головой, подобно тёплому пледу. Этой ночью мальчик спал беспокойно, кошмары мучили его до утра.

Переплетение нитей судьбы

Раз в неделю наступал день, когда Витус был освобождён от учёбы и мог заниматься излюбленными делами. По привычке мальчик хотел зарыться с головой в книги, но запертая дверь в библиотеку сорвала его планы. Более того, как-то раз (случилось это на прошлой неделе) по приказу барона его комнату обыскали и все трактаты изъяли, не сказав об этом ни слова.

Удручённый мальчик собирался покинуть усадьбу, но был остановлен голосом брата, что бегло спустившись в прихожую, натянул свою самую обаятельную улыбку. Между ними не проскакивали ссоры, однако в атмосфере отныне висела напряжённость.

— О, так, значит, ты хотел прогуляться по лесу? Здорово! Витус, прошу тебя, не держи на меня зла за тот случай... Я уснул прямо на твоём месте... Мне так стыдно. Вот, возьми, это мой подарок, который, я на это рассчитываю, искупит мою вину.

Гэвиус протянул брату толстый фолиант, название гласило: «Война и прогресс: Автобиография Патриция Патриция». Радость мальчика была необъятна, а вот вручивший презент молодой человек — более чем. Объяты были крепкие, улыбки широкими. Парочка слов, ничего не значащих предложений, и Витус с довольным видом, сжимая в руках книгу, покидает усадьбу и движется в сторону леса. Сегодня ничто не должно ему помешать.

И снова мальчик утонул в океане грёз, с трепетом перелистывая страницы. Журчал ручеёк, репетировали синички, своими голосами создавая божественную идиллию. Но её в одночасье разрушил гам и топот десятка ног; судя по голосам, то были дети, а если взглянуть на их расшитые дорогими нитями плащи и сделанные на заказ пращи, становилось понятно — дети баронов и лордов.

Они появились на поляне, где сидел Витус, остановились, будто прицениваясь, а после один из них воскликнул:

— Поглядите, какая зверюшка! — зачинщиком толпы стал тощий блондин, ровесник Витуса. Он узнал их лица, понял намерения: они пришли по его душу, пусть и случайно забрели в эту рощицу.

— Да, да! — вторил полный мальчик, что на две головы ниже товарища; позади них распласталось пятно толпы, насчитывающее никак не меньше десяти голов.

Витус не обратил внимания, хотя тело его напряглось, когти оставили царапины на обложке.

— Ты обещал мне месть! Ну же, Петручи, вызывай его на поединок! — воскликнула девочка, и по голосу её лесной мальчик узнал Эрнестину — ту самую бедняжку, на чьей лодыжке красовались три здоровенные царапины, оставленные во время тренировок.

— Так это он тебя, что-ли? Эй, страхолюд!

До слуха Витуса долетели не только слова, но и небольшой камушек, неприятно попавший в шею. Мальчик воскликнул больше из-за неожиданности, нежели от боли. Закрываясь книгой, как щитом, он принимал снаряды, пущенные с пращей негодников, а те, кажется, познав превосходство, с большей охотой начали измываться. На то, безусловно, были свои причины. Всего две: любовь брата к сестре и защита её чести, а также непереносимость иных рас в любом селении Ноксуса. Камни летели, Витус сдавался.

— Стойте! Хватит! Остановитесь!

— Получай, страхолюд! Это тебе за сестрицу!

Перед глазами лесного мальчика пролетали события давно минувших дней: кровь на его руках, вкус плоти в пасти и крики бегущих жертв. Охота. Погоня. Инстинкт.

— Проваливай, страхо...

— Хватит! — прорычал Витус, да так громко, что кидающие опешили. — Хватит, хватит, хватит!

Он был подобен берсеркеру, в безумном порыве ярости бросаясь на виновников. Девочки завизжали, зачинщики побросали пращи и побежали куда глаза глядят, оставив несколько особо смелых прикрывать отступление. Следуя инстинкту, Витус схватил одного из недругов и, тряхнув того, прижал к дереву. Он не хотел причинять вреда, да и не стал бы этого делать, но удар, прилетевший в спину, изменил ситуацию.

— Получай, животное!

Удар. Наотмашь. Лесной мальчик выпустил когти, хотел отпугнуть, но вместо этого полоснул по шее. Брызнула кровь, попадая на лицо отпрыска барона. Крик прижатого к дереву пронзил поляну, но вскоре замолк, стоило Витусу вцепился в его шею, перегрызая её, подобно голодному волку.

Витуса объял инстинкт, волк внутри него не знал покоя, не просил, но требовал: ещё, ещё! Я хочу ещё! И он дал своему внутреннему демону свободу, спустил с цепи, позволяя лакомиться душами, вгрызаться в визжащие тела. Мальчик был истинным охотником: быстрым — добыча не убегала далеко, сильным — хватало одного удара, ловким — деревья становились опорами, по которым, он достигал свои цели.

— *Переплетения нитей судьбы...* — раздался голос в глубинах черепа.

Кровь. Как много крови повсюду. Она на клыках, когтях, ею запятнана шёрстка. Кажется, Витус только сейчас проснулся, будто бы до этой секунды впал в некий транс, из которого был лишь один выход — вдоволь насытиться. Желудок взбух — слишком много плоти; сердце разрывалось — слишком много душ. Мальчик припал к земле, силился дотянуться до книги, будто бы она могла стать лекарством от этого безумия, вакциной, позволяющей прийти в себя. Дальше всё было как в тумане: покинул лес, кое-как добрался до дома, в руках сжимая подарок брата. Окровавленный, с тупым взглядом и еле стоящий на ногах, перед тем как свалиться без сознания, он успел проговорить:

— Гэвиус, помоги...

И он помог, быстро подхватывая и уводя в банную комнату. Задача эта была не из простых не столько из-за габаритов мальчика, сколько из-за слабого телосложения его брата. С горем пополам цель была достигнута, а окроплённый кровью Витус положен на полог. Отныне страх и дурное самочувствие подцепил Гэвиус, стараясь не вдыхать миазмы, исходящие от выходца из лесов. То был запах противный, заставляющий желудок крутиться подобно колесу хомячка; это был смрад крови и кишок.

— Во имя света Кейл, Витус, что же произошло...

Никто не смог дать ответ на вопрос молодого человека, даже его отец, уже проинформированный прислугой и добирающийся до своих отпрысков. Его голова гудела, тело валилось, одним словом старик превозмогал похмелье. Когда Гальего-старший вошёл в банную комнатку, на его лице запрыгали эмоции, сменяя друг друга слишком быстро. Сначала был гнев — его посмели оторвать от отдыха! Следом интерес — неужели Витус наконец-то пустил в ход свои навыки, открылся зверю внутри себя? А после радость — да,

да, так оно и есть! Старик приказал слугам отмыть мальчика, а старшего сына попросил удалиться. И вот стар и млад покинули выходца из лесов, волнуясь за его персону по разным причинам, но одинаково сильно.

А прислуга начала исполнять приказ, боязливо прикасаясь к Витусу, что знавал горячку, прямо как тогда, ещё до прихода в дом барона. Перед глазами предстала Овечка, подстилка из шкур, на которой он лежал, и дядя Волк. Воспоминания отголосками вынимались из его сознания, будто бы проводилась операция и хирург тщательно обрабатывал личность мальчика, отделяя зверя от существа мирного, любознательного, не ищущего крови.

Работа продвигалась, слуги отбегали, стоило когтям разрезать воздух, но в конце концов всё закончилось на положительной ноте. По крайней мере на данную минуту. Ведь Витус ещё не знает, что угостила его красавица Фортуна. И вот вымытый переодетый мальчик сидит на своём чердаке; тело его трясётся, ладони сжимают нож.

В это время точно на два этажа ниже происходил разговор отца и сына. Гальего беседуют нарочито тихо, будто бы опасается лишних ушей. Гэвиус держится спокойно, хотя его сердце объято волнением; старик, напротив, спешно показывает наигранные переживания, что никак не клеится с его физиономией. Они беседовали касательно происшествия, моля всех Богов, чтобы кровь на ладонях мальчика принадлежала животным. Но где-то в глубине души оба мужчины понимали: это совершенно не так. Их думы прервал кучер, информируя:

— Господы, там пришли... Человек в плаще, зовёт себя прокурором... Говорит, дело важное есть, нужно обсудить.

Пожилой барон с неохотой поднялся с софы, миновал роскошью обставленный коридор и против всяких желаний отпер дверь. По ту сторону стоял — человек? — весьма странный, я бы даже сказал, загадочный: тело его возвышалось над стариком, глаза приковывали к себе внимание, голубыми всполохами изображая светлячков, из одежды, кучер не солгал, — длинный плащ, скрывающий тело, и кожаные перчатки.

Представился он Норовом и тактично толкнул барона внутрь, оказавшись за порогом.

— Ну-с, и где ваш сын? — голос его был спокойный, но тон под стать ядовитой змее.

На его вопрос ответил Гэвиус, подошедший и встретивший гостя излишне холодно.

— Что значит «зачем мне мальчик»? Я исполняю долг следователя, и мне было поручено восстановить картину событий, произошедшей на поляне ровно пять часов и три минуты назад. Кровавый след ведёт к вашей усадьбе, что очень... интригует.

— Вы ставите под сомнение честное имя Олуса Гальего?

— Не нужно пустых речей, барон. Проводите меня к мальчику.

Стар и млад понимали: спорить означало согласиться со всеми обвинениями. Барон подозвал слугу и попросил сопроводить гостя на чердак сына. И когда тот ушёл, Гэвиус незаметно скользнул на кухню, хватая со стола ножик для масла, и бегло поднялся по лестнице. Его отец также времени зря не терял и впопыхах выбежал собирать дружину местных кметов. Витуса не отдадут!

— Время идёт, ты не меняешься.

Ворон не мог разгуливать по чердаку, а потому присел на корточки и взглядом пожирал мальчика. Пусть они и виделись несколько лет тому назад, но Витус нисколько не изменился. А вот сам отпрыск Овечки гостя не узнал, и лишь когда тот снял перчатки, явив миру перья, покрывающие руки, мальчика осенило: они уже встречались.

— Вы пришли убить меня? — задал вопрос тоненьким голоском малец.

— Пожалуй, пока что воздержусь. Ты мне понадобишься, — нарочито выждав паузу, отвечал Ворон. Он, как и всегда, чувствовал своё превосходство, а потому ухмылялся, гордо задирая подбородок.

— Я вас знаю.

— Надо же, и я тебя знаю, маленький Витус, гроза школьных дворов и местная зверюшка. Памятник тебе не собираются ставить? Местная достопримечательность, как-никак... Я мог бы закрыть глаза на твоих жертв, но...

Какое именно «но» мальчик не смог узнать, потому как Гэвиус, точно разъярённая пума, кинулся на гостя с ножом. Тот не растерялся, быстро заломил ему руку, заставив отпустить оружие для натирания масла, а после придавил виновника к полу, крепко схватив за горло.

— Прошу, не надо! — вскрикнул Витус, наблюдая, как лицо его брата набухает, краснеет...

Ворон отпустил молодого человека, настоятельно порекомендовал тому разобраться с отцом и десятком кметов с дубинами и сетью. Мальчик кивнул, как бы показывая, что опасность ему не угрожает. Когда потасовка закончилась, а лжехранитель правопорядка остался наедине с подозреваемым, разговор возобновился.

— Ты поступаешь очень плохо, малыш Витус, из-за твоих выходов мне приходится лишать себя определённых радостей. Вместо того, чтобы разбираться со своими проблемами, я подчищаю за тобой хвосты. Нехорошо, — молчание не было долгим. — Твоя мать, милая Овечка, попросила приглядеть за тобой. Чтобы ты знал: мне глубоко наплевать на твою персону, желания, нужды и так далее, и тому подобное. Но я привык выполнять свои обязанности, а ты подкидываешь мне лишнюю работу. Право, ты не идиот, а значит, прекрасно понимаешь, о чём идёт речь.

— Вы накажете меня?

— Нет... — Ворон развернулся, на корточках прополз к люку, ступил на первые ступеньки. — Всё-таки ты идиот.

После этого лжепрокурор покинул усадьбу Гальего, кивнув барону, за чьей спиной стояло два десятка кметов с несколькими сетями, самострелами, вилами и мечами. Очень хорошо, что его сын сумел стать миротворцем и подавить зарождающееся недоразумение. Стар и млад провожали его с неопишуемыми чувствами, но одно знали точно: всё позади.

Когда всё и все более-менее успокоились, наступила черед разговоров. Сначала барон донимал Витуса словами о защите, мол, никто не тронет отпрысков Гальего, пока его туша держится на этом свете. После пришёл Гэвиус и стал успокаивать ягнёночка, нашёптывая слова утешения и расспрашивая о загадочной личности.

— Силён... — молодой человек массировал красный след на шее. — Кто это, чёрт возьми, был?

— Вечный охотник...

— Ты знаешь его? Что ему было нужно?

— Я и сам не понял, кажется... Кажется, он оставил предупреждения. Сказал, что я мешаю ему отдыхать или... Прости, я не понял.

Повисло молчание, братья, обнявшись, сидели у стены; давила тишина.

— Это был я.

— Прости?

— Я убил этих детей... Не смог скрыть жажду, поддался инстинкту. Это... трудно объяснить, сложно контролировать... Будто... Будто это был и не я вовсе, — Витус прижал уши, подмял под себя ноги, положив подбородок на колено.

Гэвиус опешил от таких признаний, ведь искренне верил в невиновность брата, думая, что следы крови его, хотя ран на теле отпрыска барона замечено не было. Ответа от молодого человека не последовало, он лишь сильнее прижал Витуса, не зная, как реагировать на такие откровения. Вскоре выходец из лесов уснул, а его брат покинул чердак и вусмерть напился.

Мальчик ухватился за кисть, что крепко держал художник. Мгновение, и идеально чистый холст заполонили краски: зелёные — покрытые зеленью горы, серые — десяток домов зигзагообразной линией спускаются к верфи, желтые — лучи солнца.

В одночасье Витус оказывается на камне, слишком знакомом, чтобы не помнить, слишком родном, чтобы забыть. На этом же камне сидела Овечка, когда-то давно, кажется, в иной жизни. Он щурится — краски художника слишком яркие, они щиплют глаза своим сиянием. Но мальчик здесь не один; осознание этого приходит с голосом — знакомым и, в то же время, чужим.

— *Переплетения нитей судьбы...*

— Что?

— Ты слышал.

Говорящий был похож на Витуса, но лишь отчасти: короткие белые волосы, овальное лицо, ростом на голову ниже сидящего, карие глаза не имели всполохов, тело его было обнажено, шерсти не имело. Он гордо выставил спину, обнимая ветра.

— Покой и страх, душа и инстинкт, голод и... голод.

— Я не понимаю...

— Откройся зверю внутри себя, позволь желанию взять вверх. Ты ведь хочешь плоти, ты хочешь *насытиться*.

Витус не успел ответить, невидимая рука художника стёрла краски, оставляя на белоснежном мольберте лишь одну чёрную точку...

Утро не задалось: сначала мальчик стукнулся головой о балку, следом обнаружил, что его заначка печенья опустела, а после, будто в завершении, барон оповестил, что отныне он переходит на домашнее обучение.

— Забудь про этих снобов, от них одни неприятности. Вот что: скоро придёт твой наставник, один из лучших в Болхейме! Ну, чего стоишь? Иди, что ли, оденься поприличней...

Следуя воле отца, Витус вернулся на чердак и облачился в сшитый на заказ костюм, представляющий собой длинную рубаху с манжетами и некое подобие штанов. И всё-таки рост мальчика становился проблемой для портных, тем не менее, деньги барона решали этот вопрос.

Наконец, наступил момент встречи, и пришедший учитель явил себя во всей красе: аккуратные бакенбарды покоились на щеках, тёмные волосы были в тон серым глазам, что по-доброму разглядывали будущего ученика. Облачиться наставник решил в алый плащ и длинные шоссы. Мальчик узнал его — это был тот самый агитатор с площади.

— Ну, хе-хе, люби и жалуй, Витус, перед тобой — Патриций, бывший ноксианский полководец и мой давний друг.

Отпрыск барона никогда не понимал рукопожатий, однако совершил этот странный ритуал с выглядящим на четвёртый десяток мужчиной. После обмена любезностями хозяин дома сопровождал их на задний двор, где и оставил, поспешно ретировавшись.

Витус не догадывался, что будет происходить далее, вспоминая учителей в школе и их прямо-таки садистские наклонности, адресованные ему. Патриций удивил мальчика, начиная урок со знакомства и непринуждённой беседы. Они рассуждали о цветах, что украшают дворик, следом перешли к темам более воинственным и дискуссировали касательно выпадов в бою, закончилось всё горячим чаем и объявлением о спарринге.

Итак, дамы и господа, возле горшка с бегонией — Витус; противоположную сторону занимает Патриций. Оба были готовы к поединку и неспешно стали скрещивать мечи. Это, и правда, походило на тренировку, ведь теперь мальчик не получает тумачков, а следует наставлением учителя и, кажется, вникает в процесс фехтования.

— Нет-нет, Витус, ты слишком часто открываешься. Помни: нанося удар, ты также должен думать о собственном тыле. Не думаешь ли ты, что воины выкручивают пируэты в бою? О, то дело сказочное. В жизни, увы, так не бывает, — наставник увёл в сторону клинок мальчика, а после плавно взял его за ладонь и, совершив подножку, также аккуратно опустил его на землю. — В жизни случается всякое разное, но неизменным остаётся одно: кровь и дерьмо из распоротых брюх.

После небольшого перерыва, во время которого Витус познавал тайны стратегии, наступил урок кулачного боя. Несколько раз наставник уворачивался от размашистых ударов ученика, забавляясь его тактике боя, а следом принялся объяснять.

— Намного эффективнее сжимать кулак в момент удара. Вот, гляди, — мужчина взял ладонь мальчика, сжал пальцы. — Таким образом ты будешь бить сильнее, а что самое главное — надёжнее.

И правда, удары посыпались по манекену с завидной скоростью. Он долго оттачивал приобретённые навыки под пристальным взором наставника. Когда голова деревянной куклы отлетела, Витус радостно вскрикнул. На сим урок был окончен, как и время занятий. Но перед тем, как уйти, Патриций увёл тему разговора в интересующее его русло, замечая, как мальчик тянется к знаниям.

— Сегодня в Ноксусе появился порох, за ним стали производить огнестрельные оружия, а что будет завтра? Мы покорим небеса, изучим глубины! — возбуждённо жестикулировал руками малец, признаваясь, что видел Патриция однажды и слышал его речь, да и учения мудрецов любит читать.

— Что ж, я польщён. Тебе, Витус, и правда следует больше внимания уделять философии, культуре, возможно, немного эзотерике, но никак не ведению войн.

— Мой отец считает иначе. Он запрещает пользоваться библиотекой и всё время твердит про военные походы.

— Ну-с, у полководцев одно на уме, — повисло молчание, пока наставник перешагивал порог усадьбы. — Но знаешь, Витус, думаю, я и правда займусь твоим обучением. Как полагается, разносторонним.

После этих слов Патриций попрощался с юным учеником, оставив тому искорку надежды на предстоящие уроки. Возможно, Витус нашёл единомышленника? В таком случае он ожидает завтрашнего дня с особым трепетом.

Своё отрочество Патриций провёл на полях брани, а после стал обучать отпрысков из богатых семей. Сначала он делал это с неохотой, как бы делая одолжение, мол, так уж и быть. Но со временем мужчина повстречал достойных кандидатов, по которым плачут офицерские лычки, и с тех пор к своей работе относился крайне серьёзно. По дороге домой, перед сном и весь следующий день он вспоминал забавного юношу по имени Витус. Олус Гальего — его отец — упоминал, что мальчик крайне одарённый и без крепкой хватки ему не обойтись.

— М-да, это так, — размышлял Патриций, отправляясь в усадьбу к своему ученику.

Лесной мальчик встретил его возбуждёнными прыжками, минуя лестничный пролёт в два счёта. Как только наставник и его ученик поздоровались, пришла пора приступать к обучению. С каждой минутой, проведённой рядом с Витусом, Патриций понимал: это не просто зверюшка, как его называют, уж точно не воин, каким хочет видеть его отец, он нечто большее, необъятное по своей природе и рвущееся к свободе во всём.

Уроки кулачного боя прошли неплохо, и отпрыск барона научился новым приёмам, с видом профессионального бойца избивая манекен. Дальше наступил урок письма, который проходил в строжайшей секретности, ведь если кто-то из слуг узнает об этом, то непременно доложат хозяину, и в таком случае проблем не избежать.

— Мастер Патриций, а как это правильно записать? Меха... зиван...

— О, механизированный — то есть, работающий благодаря механизмам.

— Я совсем не понимаю. Можно пример?

— Конечно. Например...

Патриций замолк, удручённо пожав плечами и меняя тему. Он страстно желал рассказать о своём увлечении, поделиться первыми опытами конструирования механических приспособлений. Но всё это шло вразрез с политикой Ноксуса, а потому подлежало конфискации. Но мальчик не сдавался, и учителю пришлось приоткрыть завесу тайны. Он рассказал лишь малую часть своих исследований, напомнил о конструкциях, перечисленных в трактатах учёных. Невооружённым взглядом было видно: Витуса объял интерес. Внезапно мальчик произнёс:

— Мастер Патриций, могу ли я следовать вашим учениям?

— Боюсь, мой юный друг, это невозможно.

Но невозможно бывает только в попе пчёлки, а потому, воспользовавшись хитростью, стар и млад решились на крайне рискованную авантюру. Они подошли к вернувшемуся с симпосия барону (по перегару можно было судить об успешности встречи) и предложили арендовать кузню, конечно же, для обученияковки и работы с металлом.

— Кузня? Эм-аа... М-да, почему нет? Мастер Патриций, с этого дня вы совладелец кузницы «Volo dei sogni».

На том и порешили, а учитель и его ученик заговорщицки друг другу подмигнули и отправились отрабатывать техники фехтования. В это время они говорили много, даже слишком. Их объединяла единая мечта, детский задор, с которым ребёнок принимается за новое дело. Вскоре уроки кончились, и хитрецы попрощались до завтрашнего дня.

Гэвиус изображал статую. Его здесь нет. Нет. Он просто сквозняк, призрак без тела.

Пусть он и обманывал себя, но Витус видел его как никогда ясно и потому подошёл поздороваться. После прихода прокурора между братьями висело некое недопонимание, мешающее общению. Впрочем, нет, не совсем так. Если быть полностью откровенными, проблемы начались позже, когда лесной мальчик признался в своей тяге к пище, душам и плоти. Эти слова настолько впечатлили Гэвиуса, что тот решил сохранять дистанцию с братом.

— Ты меня слушаешь?

— А? Да, Витус, да...

— Всё ведь хорошо?

Он глядел на своего брата, но вместо маленького, потешного чертёнка видел злобного демона, готового разорвать его по щелчку пальца. Лоб пробила испарина, по спине пробежали ледяные мурашки.

— Да, конечно... Да...

Двери кузницы отворились, на пороге стояли тамошние кузницы: Бернольд по кличке «Медведь» — габаритный мужчина с широкой улыбкой, его дочь Антуанетта — миниатюрная кокетка с голубыми глазами и тёмными прядями волос, собранными в косу. Они размашисто махали подходящим, а когда те добрались до небольшого здания, на окраине Болхейма пожали руки.

— О как. Так это вы теперь наши совладельцы? Вот нам повезло! Сам Патриций...

— Бернольд! Не против ли вы оказать нам честь и показать, что здесь да к чему.

— Спрашивайте. Эй, Анета, чего рот раззявила, иди накрывай на стол. Тут у нас такие гости!

Витуса и его учителя приняли как родных, показали и рассказали всё, что требуется знать. Помещение внутри было вполне просторное, в два этажа: первый с огромной плавильней и местом дляковки, бадьей с водой, а также станком, заваленным всевозможными заготовками; второй этаж использовался для хранения инструментов и иных нужд. Огромное окно позволяло не помереть от духоты, в то время как настезь распахнутая дверь всегда встречала новых клиентов.

Сначала у мальчика ничего не выходило, и даже Патриций за годы отставки позабыл, что такое горячий металл. Их обучал Бернольд, Антуанетта всегда держалась рядом, то и дело разглядывая Витуса. Ей нравились его уши, такие забавные, наверняка мягкие. То же можно сказать и про стан: не слишком прямой, немного горбатый, но этим и примечательный. Он ведёт себя как дитяtko, потерявшееся в кондитерской, а потому она берёт его под руку и, встречая негодование, разочаровывается в несбывшихся мечтах. Патриций глядел на это с доброй улыбкой, обещая объяснить ученику, что значит честь дамы и почему её не следует срамить.

Этот разговор состоялся после обучения, после захода солнца, когда уставшие, но довольные учитель и Витус покидали кузню, обещая завтра вернуться, пусть и на полдня. Мужчина начал читать нотации и впервые встретил незаинтересованный взгляд Витуса, которому камни под ногами были интереснее, чем миловидная особа, положившая на него глаз.

— Что ж, — закончил Патриций, — дело твоё, но на твоём месте я бы всерьёз задумался.

— Главное — обучение, — бормочет про себя мальчик и достигает первых высот. Но об

этом он ещё не знает...

Все последующие дни проносились мимо Витуса, как пущенный болт: подъём, обучение фехтованию, чтение (в тайне), после — пробежка, спарринг, работа в кузне и построение чертежей. Вначале у мальчика ничего не получалось, после также не клеилось, и даже на десятую попытку результат был плачевный. Но он упорно, дено и ношно, изрисовывал старые листы, оставлял каракули на обрывках обоев. Со временем он освоил один чертёж и теперь мог нарисовать его даже с закрытыми глазами. Кроме того, Патриций неоднократно отмечал способность к математике и одарённость ученика.

Конечно, как и каждому мальчику его возраста, ему хотелось действий, движения, свободы! Но кроме этих желаний Витус имел усидчивость и знал, что это ему пригодится. Таким образом, спустя две недели ежедневного решения уравнений отпрыск барона познал алгебру, как родную мать.

— Недурно, верно... А почему Максимильтян Фольтербан здесь возводит в третью степень? — спрашивал мастер, указывая на пример в учебнике.

— Чтобы облегчить счёт.

— Ответ дилетанта.

— Я в мастера не записывался, — с улыбкой ответил Витус и получил порцию объяснений на этот счёт от маэстро.

Бумага маралась, чернила засыхали. Часы медленно, но верно перевалили за полдень, и тогда Витус задал вопрос:

— Мастер, а как ваше имя?

— Патриций.

— Но... Я понял.

— Нет, и в самом деле, моё имя Патриций. Патриций Патриций. «П.П.». Родители были трудящимися людьми, лишёнными креативности, поэтому имя я унаследовал от отца. Впрочем, это единственное, что я от него унаследовал. А вот ты, молодой человек, будешь делить наследство со своим братом. Как бишь его? Гэвиус?

— Да, он учится на инженера в цеху неподалёку.

— Чудесный малый, — больше для лести, нежели по иным причинам сказал Патриций, захлопывая книгу и как бы говоря «урок окончен».

— Я совсем не понимаю, что между нами произошло. Раньше он всегда читал мне сказки перед сном, мы вместе гуляли, а после объедались свежим хлебом. Теперь... — как это называется... — он отдалился.

Маэстро задержался у двери, выслушивая слова ученика. Будем честны и упомянем, что его это мало интересовало, как и жизнь Витуса в принципе. Как бы парадоксально это не звучало, но так и есть. Он проводит дополнительные занятия с мальчиком, водит его в кузню и обучает философии лишь потому, что видит в нём достойного потомка, готового нести его наследие в большой мир. Но хорошие манеры помешали ему уйти, не сказав ни слова, поэтому он возложил ладонь на плечо Витуса, пообещал, что всё будет хорошо и проблемы вскоре найдут своё решение. На сим урок был окончен, а учитель и ученик, попрощавшись, обязались встретиться завтра.

Время не замедляло свой ход — миновало лето. Ничего нового в жизни мальчугана не произошло, разве что теперь он раз в неделю принимал сладкий подарок от Антуанетты, а

также слушал нотации по делам амурным от Патриция. Уроки фехтования становились всё более сложными, а работа с механизмами — менее затруднительной. В течение полугода жизнь Витуса превратилась в спокойный поток, где нет места случайным событиям. Никаких кошмаров, ругани с отцом или братом, а также появлений загадочных особ. Всё шло своим чередом.

И вот однажды утром, обедая, барон спрашивает своего отпрыска, как проходят уроки фехтования и работы в кузне. Его сын отвечает по уготованному сценарию Патриция, где присутствуют восхваление учителя и лесть в сторону ученика. Бугорки щёк Олуса поднимаются — он довольно улыбается.

— Славно, славно. Ну, Витус, раз дела идут здраво, думаю, через год можно будет представить тебя ко двору сумрачного полководца.

— Что? — недоумённо спрашивает юнец.

— Отец, мы уже обсуждали это, на мой взгляд...

— Твой взгляд, Гэвиус, мне безразличен, посему обрати внимание на козий окорок, стоящий на столе, а в дела своего отца влезать не смей. А ты, Витус, не бойся, если понравиться тёмному господину, получишь полную свободу и, хех, принесёшь мне много чести.

Обед закончился на неприятной ноте, после которой последовал разговор братьев. Это был первый раз за полгода, когда Гэвиус первый подошёл к лесному мальчику и предложил уединиться на чердаке для беседы по душам. Оставшись наедине, отпрыски барона зашептались:

— Витус, право, я не думаю, что это хорошая идея. Пойми: отец желает показать тебя, — молодой человек задумался, подбирая слова, — человеку опасному, ведомому дикими желаниями. Они погубят и тебя, если ты решишь помогать ему.

— Я буду осторожен, когда придёт время, и вот, возьми.

Лесной мальчик изъясил из-под подушки небольшого размера кукушку ручной работы. Резьба по дереву была давним увлечением Витуса, однако его брат никогда не видел готовых изделий. Сейчас, держа в руках подарок брата, он слабо улыбается и понимает, что ничего не изменилось. Благодарности, объятия, смех.

Возможно, именно сейчас произошел переломный момент, после которого Гэвиус стал полноправным членом сговора Патриция и Витуса. Теперь он посещал их уроки не только фехтования, но и философии. Повторяет уже изученный материал и усваивает новое. Кроме того, каждый раз, наведываясь в лавку розничных товаров, силится найти новые трактаты, фолианты и сказки, то бишь всё то, что ещё не было изучено и прочитано.

Время продолжает движение, заставляет деревья обнажиться и украсить землю разноцветным ковром. Наступает осень, а за ней и первое открытие Витуса: небольшой механизм с пружиной, позволяющий выстреливать шарик на небольшое расстояние. Конечно, мальчик собирался сконструировать нечто более полезное, но каждый гений начинает с малого. Гордость Патриция не знала предела, как и похвалы Антуанетты, хотя ей были мало интересны увлечения юноши, а вот он сам, напротив, то и дело приходил в её фантазии, чаще всего лежащий рядом и мечтательно уставившийся на звёзды. Она понимала, что её мечты — это ничто иное, как пустая трата времени и сил, однако не бросала попыток сблизиться с чудным совладельцем кузни.

Однажды Патриций и его любимый ученик прогуливались по окраине города, беседуя о мелочах жизни. Речь зашла про чудеса света, и Витус, будучи юношей непростым, задал

вопрос:

— Мастер, знакомы ли вам Вечные охотники?

— Лишь Киндред, олицетворение надежды и принятия. Как-то раз, во времена моего отрочества, я видел культ, поклоняющийся данному индивиду. О, что это были за люди!

— Но... Может быть, вы знаете...

— Нет, Витус, прости. Ничего более по этому поводу сказать не могу. Но что же ты расстраиваешься? Вместо того, чтобы собирать слухи и легенды, предлагаю обсудить мой новый проект.

— Тот самый, связанный с огнестрельным оружием?

— Верно, мой юный друг, верно. Завтра я принесу чертёж, и мы вместе сможем сконструировать нечто новое, доселе невиданное! Только, тс-с, никому ни слова!

Учитель не солгал и на следующий день обрадовал ученика несколькими книгами (судя по состоянию, крайне новыми), а также сложными чертежами, которые образовали единое оружие. В перерывах между фехтованием, кулачным боем и философией, стар и млад находят время для обсуждения деталей предстоящего агрегата. В таком ключе проходит неделя, следом месяц. И, пожалуй, за эти тридцать дней не произошло ничего интересного, кроме, разве что, небольшого презента Витуса, адресованного Антуанетте.

Это случилось однажды вечером, когда молодая особа запирала дверь кузни. Голос окликнул её, а когда та обернулась, увидела Витуса, стоящего по струнке, точно солдат. За спиной юноша что-то прятал, и этим чем-то оказалась стальная роза, красиво блестящая в свете заходящего солнца. Не передать словами радость Антуанетты, скрытой за скромными благодарностями и счастливой улыбкой. Она бегло обняла юношу и спешно ушла, ссылаясь на плохое самочувствие. «Что ж», — резюмировал Витус, — «как и учил Патриций: подойти, спину держать прямо, смотреть в глаза и со словами благодарности протянуть розу. Да, — утвердительно кивал юноша, сделал всё как надо.» И довольный отправился в усадьбу, где его поджидал разговор с братом.

Отпрыски барона беседовали в гостиной, располагаясь на уже родной софе. Несколько круассанов, горячий чай и тихая обстановка создавали приятную атмосферу, а потому дальнейший разговор вёлся без лишних эмоций, хотя сердце Гэвиуса разрывалось от решения отца.

— Дурно это, ох, дурно... Послушай, Витус, я обязан тебе рассказать про Мордекайзера и его бастион, про чудовищных воинов его армии и суровые порядки в их рядах. Не думаю, что тебе там место.

— Моё место здесь, в этом доме, рядом с тобой. Впрочем, ты ведь скоро уезжаешь.

— Думаешь, я брошу тебя против армии печенек тёти Грестилии? Никогда!

Гэвиус шуточно толкнул брата в плечо, тот вернул движение, целясь в щеку. Помещение наполнилось смехом.

— Баронесса, которую я беру замуж, настаивает на совместном проживании у её, как она его называет, папули. Но, думаю, в нашей усадьбе я буду бывать не так уж и редко. К тому же моё обучение подходит к концу, и если я удачно защищу свой проект, то мастер не оставит меня без хорошей должности.

— Это здорово.

— Да. Но я всё равно беспокоюсь о решении отца. Военское ремесло — это не то, к чему предрасположена твоя душа.

Пожалуй, лишь Гэвиус так считал, потому как сам Витус, думал иначе. Нет, ему не

нравилось калечить, убивать, оставлять калеками людей и животных, однако фехтовать у юноши выходило вполне добротно.

— Витус, уверен ли ты в своих силах?

— Не знаю. Полагаю, поживём, увидим.

Крепость проклятой души

— Мы отправляемся в "Бессмертный бастион"! — объявил барон несколько дней тому назад.

Тем же вечером телега была загружена по полной, а её пассажиры имели слишком разные взгляды на ситуацию. Братья предвкушали грядущие проблемы; Боров радовался открывшейся возможности заявить о себе и своих силах в лице младшего сына; Патриций был безмолвным и каким-то задумчивым. Дорога предстояла неблизкая, но нанятый кучер знал здешние места как свои четыре пальца, а потому до нужного места группа добралась через семь суток.

Телега въехала в забитые улицы города, где стоял смрад немытых тел и миазмы содержимого ночных горшков, в котором с превеликим удовольствием топтались свиньи. Нет, я говорю не о джентльмене, валяющемся в грязи, а о животных, прерывающих ход гуськом ради порции грязевых ванн. Блеяли козы, дамы лёгкого поведения завывали к себе на чай, торговцы громко спорили за лучшие цены.

Эта какофония звуков была огромным молотком, что разбивала скорлупу яйца — покой Витуса. Он съёжился, втянул шею и, положив голову на плечо брата, старался отгородиться от непрекращаемого гомона.

Кучер вёл лошадей через лабиринт домов, настолько близко друг к другу построенных, что, казалось, их впору использовать как стены для отражения сил противника. И верно, если бы войска Демасии вторглись в земли Ноксуса, "Бессмертный бастион", несомненно, имел бы важное стратегическое значение в их планах; чтобы добраться до лакомого кусочка, предстояло пройти по узким улочкам, где за каждым поворотом мог находиться затаившийся противник; лишь после этого потенциальные победители смогли бы вторгнуться в замок, возвышающийся над окружением домов, будучи защищённым исполиновыми стенами.

Место это было личными покоями Мордекайзера, чья слава в здешних местах имеет дурной характер. Говорят, он дал распоряжение построить в донжоне арену для своих утех, и теперь каждую неделю принимает там бедняков, желающих заработать на кусок хлеба. Против них выпускают диких зверей; лишь им удаётся насытиться. Молвят, что Мрачный владыка повелевает тёмными силами и никогда, ни при каких обстоятельствах, не снимает доспехи. Люди его боятся, сильные мира сего сторонятся и редко ищут встречи с амбициозным главнокомандующим.

— Хо-хо, опасный это... человек, господин барон, аккуратнее с ним, — предостерегал кучер в тот час, когда ворота замка принимали гостей.

Патрульные вовсю глазели на пассажиров телеги, в частности на Витуса, задаваясь вопросом: что здесь делает вастай?

— Ну ты и дубина М..., ясное же дело: на арену приехал, сражаться! — заявлял пожилой командир гарнизона. — А с ним хозяин, чтобы, так сказать, подсластить представление Морде и попросить благословения.

Это было истиной в последней инстанции. Барон был уверен, что его отпрыск сможет себя достойно показать; Патриций разделял это мнение, ведь он лично обучал его всему, что знал сам.

Арена, возле которой остановилась телега, ещё строилась, а потому войти внутри можно было не через отлитые сталью двери, а через дыру в стене, следует заметить, одну из

многих. Внутри был спёртый воздух и не поддающийся описанию запах, схожий с мочой.

Слышался рык, лязг стали и нецензурная брань работников. Вскоре приехавших встретил щегол в рясе писаря, со свитком в руках и страдальческой миной на лице.

— Кхм-кхм, — пришедший развернул пергамент. — Уважаемые гости: Олус Гальего, Витус Гальего, Гэвиус Гальего, а также Патриций Патриций, Его высокочестье рад приветствовать вас в стенах "Бессмертного бастиона". В настоящем правитель душ бредущих, великий полководец ночи, могучий исполин, покоритель Рунтерры, великодушно приглашает вас в комнату отдыха, где можно будет дожидаться предстоящего боя.

Ждать долго не придётся, и уже завтра песок арены вновь окропится кровью.

Ночь Витуса прошла беспокойно. Несмотря на мягкую кровать, горячую еду, гость не сумел как следует отдохнуть, а потому утро встречал со смешанными чувствами. В противоположность ему был отец, который прямо-таки светился от гордости за себя любимого и предстоящей встречи с загадочным Мордекайзером. Патриций лишь подтвердил готовность ученика бросить вызов арене; Гэвиус же беспокойно грыз ногти.

Ближе к полудню в комнату отдыха пришёл уже знакомый мужчина в рясе писаря и со свитком в руках. Бегло зачитав указания, он сопровождал процессию приезжих на арену. Если вчера она выглядела куском глины, который мастер неустанно совершенствует, придавая форму, то сегодня удавалось уловить особый шарм недостроенного сооружения, возле которого столпилась прорва народу. Множество богатеньких семей прибыло сюда, дабы поглазеть на уготованное владыкой замка представление.

Уже внутри Патриций и Витус отделились от группы, направляясь в комнатку ожидания — крохотное пространство, размером походившее на каморку со множественным выбором оружия. Тут тебе и мечи на любой вкус, палицы, дубины, копьё... Чего здесь только не было, но юноша ясно дал понять: сражаться будет ножом.

Несмотря на лёгкий румянец, покрывший щёки ученика, и уговоры его учителя, решение было принято, пусть и не единогласно. С выбором доспехов всё оказалось куда проще. Для Витуса главным оставалась подвижность, и любой тип лат мог лишить отпрыска барона этого преимущества. Как бы то ни было, к одному из советов наставника он прислушался.

— Правила не запрещают участникам скрывать лица, а потому тебе будет лучше остаться инкогнито.

С этими словами мужчина вытащил из-за пазухи маску Киндред; бережно надевая её на лицо ученика, он рассказывал про актёрские представления в богатых домах, где роль Вечных охотников считалась престижем. Витуса охватил ураган чувств, сочетающий в себе несочетаемое: грусть и тоска, боль и обида, вина и стыд. За несколько секунд юноша побеспокоил затянувшиеся раны и породил новые, лезвием ностальгии проходясь по сердцу.

— Витус? Ты готов? — спросил учитель, укутывая тело юноши в походный плащ.

— Готов, — неуверенно ответил ученик, а тем временем герольд представлял претендента...

Ложа для важных персон представляла собой ряд мягких кресел, стоящих на возвышающемся балкончике. Сегодня там можно было увидеть Олуса Гальего и знакомых ему главнокомандующих; старшего сына барона, тестя которого попал сюда за компанию; некую даму, скрывающую под вуалью правую часть лица, дышащую с трудом; статного мужчину с белыми как снег волосами, сцепившего пальцы и делающего "мельницу". Но все

они были незначительны по сравнению с высоким, облачённым в тёмные латы, закрывающие всё тело, мужчиной — Мордекайзером, что держал у своих ног ученика йордла по прозвищу Вейгар. Позади собравшихся стоял Гекарим — личный телохранитель правителя "Бессмертного бастиона".

И вот наконец-то герольд закончил свою пламенную речь, пробегая по рядам и собирая ставки. Прозвучал горн — сигнал к открытию ворот, которых на данный момент не было. Публика замолкла, осматривая выходящего юношу, закутанного в плащ, с загадочной маской на лице.

— Эх, Ивасик, зря ставку сделал... Ну ты погляди на этого дылду! Какой из него боец, тощий как палка... — вслух размышлял один из зрителей.

— Ох, кровушки-то будет! Хе-хе, веселье... — забавлялся один из хранителей правопорядка.

Тем временем сердце Витуса замерло в напряжении, в голове юноша прокручивал наставления учителя.

Не рискуй. Двигайся быстро. Не спеши принимать удар, если не уверен, что выстоишь...

В одночасье слова унёс ветер, знакомым голосом прошептал:

— *Погоня начинается...*

Наваждение закончилось так же быстро, как и началось. Вовремя, потому как железные двери на противоположной стороне арены отворились, выпуская шестёрку молодцев в крепких гамбезонах и со сталью в руках. Витус тут же принялся изучать противников: двое с двуручными мечами, значит, являются основной силой; двое с круглыми щитами — эти привыкли прикрывать соратников; и ещё двое лучников — будут бить издалека. По их издёвкам, насмешливым улыбкам становилось понятно: противника они недооценивают. А зря.

— И это нечто сможет меня удивить? Верно говорят, семья Гальего уже давно сдулась, — слова тестя задела Гэвиуса, и тот хотел возразить, но не стал, боясь нагоняя от отца. Вместо этого молодой человек покинул ложу для важных гостей и, сев на одну из скамеек, прокричал слова поддержки, адресованные брату. Прозвучал гонг.

Витус сорвал с себя плащ, вынимая из-за пазухи нож. Воспользовавшись высокомерием своих противников, он сумел нанести первый удар и, напрыгнув на врага, вогнал лезвие в глазницу. Тут же пятёрка встрепенулась; щитовики двинулись в атаку, лучники заняли позиции, но стрелять не спешили; оставшийся двуручник закрутил клеймор.

От его удара лесной мальчик ловко увернулся и, повиснув на нём, точно коала на ветке, перерезал глотку. Публика была в восторге, а вот оставшиеся бойцы знавали злость.

— *Чувствуешь, как рушатся стены разума?..* — прошептало дуновение ветра, едва слышимое, но юношу это не отвлекло.

— Убейте его! Курва, убейте! — подначивал один из лучников, отправляя стрелу. Он был искренне удивлён, когда снаряд попал в мёртвого товарища, которого Витус решил использовать как живой щит, а после, взвалив на плечи, кинул в двух щитовиков. Первый упал, обратно встать уже не смог; второй отошёл в сторону и кричал, чтобы тупоголовые кретины с луками начали стрелять.

Гость арены схватил щит, двинулся на лучников. Он стремительно сократил дистанцию, и, саданув одного по горлу, вогнал лезвие второму точно в сердце. Витусу пришлось вынимать оружие из плоти врага, воспользовавшись этим, противник подхватил клеймор и с

криком двинулся на оппонента. В последнюю секунду отпрыску барону удалось нагнуть голову; лезвие меча задело ухо, в ответ нож пробил сталь лат, загнанный в плоть по самую рукоять. Толпа взорвалась аплодисментами, Мордекайзер многозначительно ухмыльнулся.

— У на-ас есть победитель! — кричал герольд, перекрикивая буйствующий народ, опьянённый жаждой зрелищ.

Он перевёл взгляд на своего господина, тот отрицательно покачал головой, а после перепрыгнул перила балкона и камнем приземлился вниз. Взгляд Витуса бегал от сломанного ножа к хозяину арены. Он потерял последнюю память об Овечке, что же Судьба предложит взамен?

— За мной, — басисто потребовал рыцарь, — Барашек...

Блоки лифта с трудом опускались, поднимая платформу вверх. На ней стояли персоны интересные, что называется, не от мира сего. Одним из них был Витус, следующий за владыкой замка, который держал ручного зверька на привязи; позади стоял телохранитель. Выходца из лесов очень заинтересовал этот зверёк, представляющий собой некое подобия кота, стоящего на двух (лапах?), с повисшей мордой и замученным видом. Заметив любознательность юноши, Мордекайзер протянул тому цепь, хрипло рассмеявшись, через тяжёлое забрало. Это было чертовски жутко!

Когда платформа достигла конечной точки, зала с высоким потолком, обставленного на манер музея, четвёрка сдвинулась с места, но лишь трое из них вошли в "Чертоги смерти"; телохранитель бдел у входа.

Хозяин всего и вся здесь имеющегося встал у окна, заложив руки за спину и задрал подбородок. Сейчас он казался Витусу ещё более зловещим чем прежде; от него дурно веяло — это был запах смерти. Молчание стало затяжным, и впору было бы привлечь внимание, а потому юноша завязал разговор:

— Зачем вам йордл?

— Они прекрасные маги, — слегка удивлённо ответил рыцарь, — и более того имеют нескончаемый запас магической энергии. Да, по его ничтожному виду не скажешь, что он способен разрушить город одним заклинанием. Однако жители Бандл Сити способны на удивительные вещи, особенно если их принудить.

— Он и правда способен на это?

— Может быть, ты сможешь узнать это, если лично поведёшь его в бою.

Снова повисло молчание, Витус разжал ладонь, и цепь мягко приземлилась на пол. Мордекайзер отметил это очередным взглядом за забралом шлема, украшенного венцом, а после сказал:

— Наш уговор с бароном всё ещё в силе. Ты получишь свой титул и место в моих рядах.

— Господин, при всём уважении я прибыл не для этого. Цель моего визита в ваши земли: получить свободу.

Казалось, время остановилось, а действующие лица замерли как восковые фигуры. Они смотрели друг на друга, и Витус мог лишь гадать, каким взглядом пожирает его местный владыка. Йордл пискнул, свернулся клубочком и боязно затрясся.

— Да будет так.

— Вы и правда расторгаете уговор с моим отцом? — воодушевлённо спросил Витус; сердце его ликовало.

— Я предлагаю тебе силу и власть, место капитана первого ранга и свою

благодарность. Тысячи воинов отдали свои жизни лишь для того, чтобы впечатлить меня. Но сегодня всё было иначе и я сам пригласил тебя на приватный разговор. Если ты мне отказываешь... я с уважением отнесусь к твоему решению. Пусть Матерь знает: её дети мне не враги.

Снова опустилась тишина, всё такая же гнетущая, липкими ладонями проходящая по спине. Перед тем как ответить, Витус прочистил горло и совершил поклон.

— Благодарю вас за разговор, господин. Это была великая честь для меня.

Мордекайзер отвернулся, как бы говоря, "разговор окончен". Юноша расценил это добрым знаком и уже намеревался покинуть помещение, но раздавшийся голос приковал ноги к полу.

— Ты точно уверен, что не хочешь примкнуть к моему легиону? *Есть жизнь, есть смерть, а есть мы.*

— Извините...

Шаг за шагом Витус продвигался к спасительной двери. Ещё несколько секунд, и этот кошмар закончится, — подбадривал себя юноша. Ему казалось, что рыцарь играет с ним и в любую секунду закуёт в кандалы и превратит в любимую зверюшку, как беднягу йордла. Но все опасения были напрасны, и Гальего-младший покинул высокий зал, ступая в лифт и ожидая отправки...

К родным Витус возвращался в смешанных чувствах. С одной стороны, он был рад получить желанную свободу, но с другой, ясно понимал, что выставляет отца в невыгодном свете. Громкие крики он слышал ещё до того, как сошёл с платформы. Голоса принадлежали барону и некой женщине, а диалог вёлся, переходя на личности.

— Запомни, голодранка драная, Витус никогда, — слышишь! — никогда не достанется тебе!

— Никак ты пропил свои последние извилины, Олус! Договор, заключённый между нами...

— В огонь этот договор! Теперь... — барон увидел своего отпрыска и, широко заулыбавшись, поманил к себе. — Хо-хо, теперь мой мальчик капитан первого ранга при армии Тёмного властелина.

Витус чувствовал на себе пылающий взгляд женщины, скрытый за тонкой тканью вуали; он будто бы пробирался в нутро, заставляя желудок неприятно сжиматься. Сглотнув, юноша поздоровался, но особа, стоящая перед ним, лишь взбесилась ещё больше. Она начала кричать про договор, поливать всё семейство Гальего отборной бранью и не пожалела сил на проклятья до пятого колена.

Возможно, барон привык к подобному, а Витус не мог изменить ситуацию, но вот Гэвиус не сумел сдержать гнева и, отделавшись от тестя (который обхаживал его как курица насест, старательно вымаливая прощения за дурные слова в сторону его брата), высказал даме всё, что он думает о её персоне. Слова эти позабавили отца, заставили покраснеть брата и, что самое главное, поставили в неловкое положение оппонента.

Дальнейшие события произошли мгновенно. Женщина замахнулась на Гэвиуса, но его брат ловко поймал её ладонь. Она прижалась к Витусу и осипшим голосом стала шептать вещи немыслимые, сказочные: что-то про стальные когти, мутационные вмешательства и иные загадочные вещи. Всё закончилось тем, что стража попросила даму покинуть замок, а семейка Гальего отправилась к телеге. Ещё долго по коридорам замка бродило эхо

незнакомки, вмещающее в себя самые нелестные высказывания.

Барон был горд за отпрыска. Улыбка не сходила с губ старика ровно до тех пор, пока Витус не объявил, что он отказался от места подле Мордекайзера и предпочёл свободу, нежели власть и силу. Теперь лицо Борова перекосила гримаса ненависти, казалось, ещё секунда и он напрыгнет на лесного мальчика в порыве ярости, заставив его заплатить за совершённую глупость. Но вместо этого барон сокрушённо плёлся за братьями, один из которых был особенно рад. Ещё бы, тесть наконец-то был поставлен на место.

К повозке возвращались в тишине, каждый в болоте своих мыслей.

Не передать словами, насколько горд был Патриций своим учеником. Он крепко обнял Витуса, стоило тому попасться в поле его зрения. Добродушная улыбка мужчины, его тёплый взгляд — всё это помогло успокоить внутренние переживания юноши, чей отец косился на него как на врага народа. И это была правда: барон поставил слишком многое на эту встречу, и теперь, по глупости сына, потерял всё. Обида затаилась в сердце старика, но он молчал, понимая, что может произойти, стоит младшему отпрыску разнервничаться.

Обратная дорога заняла чуть больше недели. По прибытию к родному очагу семейка разошлась кто куда, что лишь укрепило вину Витуса перед отцом. Барон тут же заперся в винном погребе, Гэвиус без особого энтузиазма поплёлся к невесте, а учитель и ученик собрались в кузне, где устроили небольшую пирушку с Бернольдом и Антуанеттой.

Кажется, всё возвращалось на круги своя и каждый последующий день был всё более умиротворённым. Но Витус знал наверняка: его жизнь разделилась на "до" и "после". Колесо судьбы совершило поворот...

Планы и разочарования

Витус никогда не страшился монотонной работы, вот и сейчас с энтузиазмом проходит молотом по раскалённой заготовке. Возможно, через несколько часов она станет ножом или же мечом, а быть может, отправится к отходам, как очередная неудача. Юноша всегда увлекался работой, не замечая, как быстро проходят день и отведённые часы в кузне. Обычно Антуанетта вырывала лесного мальчика из океана грёз, но сегодня это сделал Патриций, крепко приобняв ученика.

— У меня для тебя отличные новости, малыш!

Витус дал понять, что слушает, но работу не остановил.

— Видно, я слишком надоел барону, поэтому он меня увольняет, вернее будет сказать, отказывается от услуг учителя. И очень вовремя, скажу я тебе, потому как наше обучение подходит к концу, и я с гордостью на сердце могу сказать, что подготовил отличного бойца!

Юноша не мог остановитьковки, но удары молота потеряли ритм, стали хаотичными. Более того, он не понимал, отчего Патриций радуется концу обучения, ведь это означает, что их пути разойдутся. Впрочем, Витус боялся неизвестности, следующей за концом обучения, а не потери учителя.

— Но, маэстро Патриций, что будет дальше?

— А? Дальше? Ну, это ты уже сам решай, перспективы у тебя огромные. Но мой тебе совет: отправляйся в путешествие по Рунтерре! Вот увидишь, жалеть не придётся.

Молот стукнул в последний раз — повисшая тишина была чужой. Юноша глядел на своё творение — небольшой ножик, созданный на замену предыдущего, оставленного в плоти одного из бойцов Мордекайзера на арене ровно полгода назад.

— Путешествие? — с недоверием в голосе спросил Витус, понурился плечи.

— Да, ягнёночек, через терни к звёздам!

Шум городской жизни помогал отвлечься от назойливых мыслей. Проходясь по малолюдным улочкам, Витус размышлял о словах учителя и о своём дальнейшем пути. Предложение Патриция было заманчивым, однако оно подразумевало одиночные скитания по Рунтерре, а это по-настоящему пугало юношу. Нет, в своих силах он не сомневался, но страх неизвестности, боязнь выйти из зоны комфорта становились лозами, окутывающими сердце, острыми кончиками шипов, вонзающимися в плоть. Отпрыск барона думал и в думах своих вышел за пределы города, зайдя на уже знакомую поляну.

События годовой давности пронесли перед глазами: крики детей, ненасытный голод, вкус плоти во рту. С тех пор утекло много воды, и теперь Витус ощущает себя совершенно иначе. Если раньше ему было сложно контролировать жажду крови и свои инстинкты, то сейчас это стало заметно проще. Он будто бы открыл некую тайну, что была скрыта за семью печатями; стал обладателем знаний, доступным лишь избранным. Витус повзрослел.

В пруду неподалёку плескались карасики, ещё не подозревая, что завтра утром дед Бридер придёт по их рыби души и наловит себе на уху. На ветках строили гнёзда птицы под музыкальное сопровождение братьев. Лес жил своей жизнью. Здесь чувствовалась свобода, в которой Витус так нуждался, но сейчас он отдал бы многое, чтобы его посадили на цепь и отдавали бы указания. Делать шаги, а после отвечать за последствия — это так волнительно!

Послышался скулёж. Он стал гвоздём, проходящим по стали, ударом молота в кузне, звоном колокола в пустой зале, то есть был инородным. Юноша незамедлительно отправился на источник звука и вскоре обнаружил истекающего кровью волка. Хищник припал к земле, сокрушённо опустив голову; грудь его тяжело вздымалась, а взгляд утратил былой задор. Бордовая субстанция была повсюду: на траве, стволе дерева, земле...

Витус стал медленно подбираться к волку, стараясь не совершать резких движений. Патриций обучил его первой помощи и перевязке ран; самое время применить знания на практике! Расстояние между двумя видами стремительно сокращалось и вскоре исчезло. Юноша припал на колени, вытянул ладони перед собой. На них опустилась волчья морда; хищник позволял себя осматривать. Одного взгляда хватало, чтобы понять — дела хуже некуда.

Возможно, отпрыску барона показалось, а возможно, и правда взгляд лесного жителя был умоляющим, будто бы тот просил если не помочь, то хотя бы облегчить страдания. На него охотились с самострелов, а три торчащих, глубоко вошедших болта лишь подтверждали теорию Витуса. Вскоре в полумёртвого хищника прилетел ещё один снаряд, а после несколько охотников вынырнули из кустов.

Их взгляды остановились на Витусе, а после они приняли решение ретироваться подобру-поздорову. Юношу обуяла печаль, он глядел в стеклянные глаза волка, проходил ладонью по безжизненному телу, которое отныне станет кормом, а после — удобрением для земли. На секунду вспыхнула мысль отомстить, ринуться за ними, выпуская своего внутреннего зверя. Но здравый смысл помешал ему совершить задуманное. Пожалуй, ещё никто не устраивал похорон волка. Что ж, Витус стал первым, кто предал земле тело лесного жителя...

После возвращения домой юноша ещё долго не мог прийти в себя, казалось, сознанием он всё ещё на той лесной поляне, держит мёртвого волка. Чтобы забыть об этих мыслях и найти покой, он принял решение отправиться в библиотеку, где его никто не побеспокоит. Только Витус выбрал книгу с интригующим названием «История благословленных островов», как тут же дверь с грохотом открылась и в библиотеку вошёл Гэвиус, радостно пританцовывая.

— Братец, я женюсь! — нарушая самое главное правило любой библиотеки, заявил молодой человек.

— Весь город это знает.

— Я женюсь на другой. Её папик устроит меня квартирмейстером при дворе. Ты представляешь, какая это должность?! За это нужно выпить.

— Я всё равно не пьянею, поэтому ты можешь...

— Не будь таким занудным, Витус, — Гэвиус в два шага оказался рядом с братом, опустив книгу. — Нельзя всю жизнь искать ответы. Пока ты их найдёшь, геморрой появится!

Сколько бы доводов ни приводил будущий жених, все они разбивались о нежелание Витуса покидать насиженное место и расставаться с рукописью. Понимая, что старшему отпрыску барона здесь ничего не светит, он сдался и отправился праздновать в гордом одиночестве. Наконец-то воцарилась тишина, но она не простояла долго — прозвенел колокол, приглашающий за стол.

Трапеза семьи Гальего радовала не только глаз, но и желудок. Старый барон привык

жить припеваючи, а потому не отказывал себе в заморских изысках даже на грани банкротства. И пусть у него ещё остались множественные суммы динаров, маразм твердил ему, что вот-вот наступит момент, когда придётся ночевать на улице и охотиться на крыс. После путешествия в «Бессмертный бастион» Олусу пришлось продать несколько коттеджей и прекратить финансирование некоторых проектов, а всё из-за сидящего рядом выскочки — Витуса.

О, с какой ненавистью, порой, барон глядел на своего сына, благодаря которому он оказался в столь незавидном положении. Это же подумать только: сам Мордекайзер пригласил его к себе в войска, а тот отказался! Дурак! Самый настоящий дурак! Но лесной мальчик видел эту ситуацию не как возможность поднятия статуса своей семьи, а как очередную цепь, на которую его посадят. Молчание прервал Гэвиус:

— Кхм. Смею напомнить: совсем скоро у меня свадьба!

«Свадьба... Ну, хоть один из братьев иногда пользуется мозгами. С Гэвиусом я, конечно, часто был не в ладах и, видит Кейл, был готов удавить собственными руками после письма бывшего тестя, который недоумевал, почему зять покинул его дочурку. Но потом...»

— О, твоя новая пассия просто бесподобна, Гэвиус! Мои поздравления. И приданое у неё хорошее, хо-хо...

— Да, отец. Более чем...

Витус слушал вполуха, увлечённо поглощая информацию на страницах книги. Конечно, он знал о правилах этикета за столом, но дома не привыкли их блюсти, что лишний раз указывало на разлад в семье.

— Кхм. Витус.

— Да, отец.

— Говорят, что сир Сервольде собирает войска в поход на земли Демасии. На вакантное место подле главнокомандующего ещё никто не претендовал...

Витус и бровью не повёл, лишь перелистнул страницу, а после сделал глоток чая.

— Послушай, Витус, наша семья в затруднительном положении... Сейчас мы можем себе позволить жить как прежде, но через...

— В таком случае тебе следует перестать инвестировать в винные погреба.

То ли на кухне стало душно, то ли барон побагровел от ярости: лицо его налилось красным, мочки ушей пылали огнём. Старику захотелось взять ремень да как отхлестать поганца, который ни черта не делает для своей семьи. Но гнев быстро ушёл, стоило подумать, что юноша может учудить, стоит ему разозлиться. Повисло молчание, разбавляемое работой вилок. Барон попытался ещё раз, голос его приобрел шелковистость:

— Я вложил большие средства в твоё образование, и всё ради того, чтобы устроить тебе достойное будущее. Да, пусть оно будет не слишком... лёгким, зато надёжным. Ты всегда...

— В таком случае тебе следовало бы спросить, хочу ли я этого.

Гэвиус старательно скрывал ухмылку, потягивая вино из бокала. Он ликовал в душе. Ещё бы, ведь отец наконец-то лишился авторитета в глазах сына! Теперь он один, а их двое, значит, пришло время...

— Это всяко лучше житья в лесу с сусликами и зайцами. Я мог оставить тебя на задворках своего дома, скитаться по лесам, как скитается твоя дорогая матушка. О, она-то больше бы сделала для тебя, спрашивала бы твоё мнение и подтирала зад всякий раз, когда «Витусик» обдристается, испугавшись огня и стали. Но знаешь, что, Витус?! Её здесь нет она тебя бросила, ушла, потому что ей надоело сюсюкаться с избалованным болваном, у

которого одни сказки на уме!

— Не смей так говорить о матери, старый пердун! — взревел юноша, опуская книгу. — Ты и ногтя её не стоишь!

— Ты называешь матерью мразь, которая вырастила тебя, чтобы повыгоднее продать! Где твои мозги, слизняк?! Погляди на меня, на человека, который дал тебе всё! И что из этого вышло? Ты был самой худшей из моих инвестиций!

— Хватит! Закрой рот, прекрати! — Витус перешёл на крик; со стола полетела посуда.

— Лучше бы я перерезал ей горло после того, как трахнул. Так, глядишь, спас бы жизни многих...

— Довольно!

Юноша не смог сдержать эмоциональный порыв, широкими шагами оказавшись возле барона и толкнув его в грудь. Старик заохал и повалился назад, перевернувшись вместе со стулом. Витус стоял в нерешительности несколько мгновений, а после топнул ногой и быстро покинул кухню, оставляя за собой битый сервиз и разбросанную утварь.

Это происходило раньше, это же происходит и сейчас. В доме семьи Гальего никогда не было уюта. Он покинул усадьбу вместе с кончиной матери Гэвиуса множество лет тому назад. С тех пор многое изменилось, лишь барон не утратил своего цинизма. Впрочем, годы сделали его ещё более гнусным. Он без задней мысли довёл своего отпрыска до истерики, перевернув действительность в свою пользу. Была ли правда на стороне барона, сказать сложно. Однако Витус точно знал, что ни за что не позволит прозванному Боровом оскорблять Овечку.

Поток мыслей прервал стук в дверь. В ту самую дверь, за которой находилась комната юноши. Он уже давно перерос подвал и поселился в ближайшей комнате, заполонив её странными прототипами, личными изобретениями, склянками, книгами и иными, ученическими вещичками.

— Я войду?

«Глупо спрашивать, Гэвиус, ведь ты уже зашёл. Однако да, проходи», — хотел сказать Витус, но вместо этого ещё больше понурил плечи и с обманчивой улыбкой встречал гостя. Взгляды их встретились, мысли наши общее русло.

— Рисуешь? — задал вопрос старший брат, разглядывая диковинный набросок на листе пергамента.

— Работаю с чертежами.

Витусу было жизненно необходимо отвлечься, в первую очередь, чтобы не нанести вред семье. Вместо того, чтобы успокоить младшего брата, Гэвиус лишь раззадоривал:

— Я не уверен, всё ли правильно понял. Но когда наступит час, мы сделаем это.

— Прости?

— Убьём его.

До Витуса не сразу дошло, что речь идёт о бароне. Конечно, он до сих пор злился на него, откровенно ненавидел и презирал, но убивать... Никогда до этого юноша не поднимал руки на невинных, используя знания умерщвления ради самозащиты. Сейчас же Гэвиус предлагал ему нечто неправильное, способное запятнать не только руки, но и честь.

— «Наши звёзды ещё засияют, и ночь та будет самая лучшая». Помнишь, а? Рассвет не наступит, пока старый паршивец жив. Когда придёт время, сомнениям не будет места. Я рассчитываю на тебя, Витус, но торопить не стану.

Этот разговор было решено отложить на потом, хотя Витус не желал возвращаться ни к чему подобному. Только сейчас он осознал, что все эти годы его брат маленькими шажками зарождал ненависть к отцу в его юношеском сердце, пропитанном максимализмом и жаждой справедливости. Возможно, Боров в чём-то прав, — с этими мыслями лесной мальчик ложился спать под убаюкивающее пение пташек, изредка прерываемое мяуканьем котов за окном.

Этой ночью он спал дурно, всё больше отдаляясь от своего «я» и отправляясь мыслями в далёкое прошлое. Когда-то он жил в лесу вместе с Вечными охотниками: Овечкой и Волком. Каждый день был похож на предыдущий, но в этом и была радующая сердце атмосфера. Паршиво осознавать, но, останься Витус с матерью, ни о каких научных проектах и речи быть не могло. В лучшем случае ему была бы уготована участь охотника, к которой он никогда не стремился. Так почему же сейчас он в штыки воспринимает слова барона? Пожалуй, потому, что это правда.

Брошенный матерью мальчик, оставленный на растерзание жестокой судьбе, сегодня не смог уснуть...

Несмотря на четвёртый десяток, Патриций был ещё тем дамским угодником. О своих похождениях он рассказывал Витусу, частенько вгоняя молодца в стыд. Вот и сейчас, перед тем, как начать оттачивать приёмы фехтования, учитель и ученик беседуют о маловажных вещах, устанавливают манекены и подготавливают сталь.

— Твоё обучение подходит к концу, — снова не унимался наставник. — Я настаиваю на путешествии для тебя.

Как только поднималась тема путешествий, Витус чувствовал себя узником чужих желаний. Сам юноша не хотел покидать отчий дом, однако понимал: рано или поздно нужда заставит его изменить мнение, а потому сделанный сейчас ход может обернуться большой удачей в будущем.

— Но куда мне отправиться, учитель?

— То же мне, важный вопрос! Хочешь — езжай в Ионию, появится желание — в Шуриму! Только не в Демасию, гадкие там места.

Витус пробурчал что-то невнятное и, склонившись над сталью, продолжил её очистку. Пятнышко ржавчины заметно проигрывало. Стоило юноше приложить чуть больше усилий, и меч вновь был как новый. Несмотря на частую работу в кузне, лесной мальчик ещё не освоил кузнецкое дело в полной мере, а потому ковка оружия была возможна только под пристальным наблюдением Бернальда, чьи уста снова будут шутить про погнутые клинки. Пожалуй, это была одна из самых постыдных проблем в обучении Витуса — клинки, с которыми он работал, имели свойство ломаться из-за чрезмерной силы юнца.

— Эй, Витус! — закричал Патриций, со всей силы замахиваясь небольшим кортиком, целью избирая спину ученика.

Он не сумел увернуться, и сталь отпрыгнула от его кожи, точно мячик от земли. Патриций был горд своей выходкой и с менторским видом расхаживал по поляне, будто бы проводя лекцию для лягушек.

— Так-так, как я и думал: ты, Витус, не вастаи.

— Учитель!

— Цыц! Ты не вастаи — факт.

— Н-но...

— Во-первых, вастаи используют магию, а не рубят противников в капусту; во-вторых, каждый уважающий себя вастаи должен был погибнуть от моей атаки, а ты — ну поглядите! — живой! Нонсенс среди бела дня! Дамы и господа, поглядите: мой ученик — не вастаи!

— Ну хватит, Патриций...

— И кто же ты такой, а, Витус?

Они расположились на поваленном дереве, лес замер, даже ветер прекратил свои завывания. Ученик не стал скрывать своего происхождения, всецело доверяя наставнику. Рассказал он про своё детство, не утаил потерянную связь с матерью и своё появление в доме барона. Патриций слушал молча, лишь изредка кивал; слова были неуместны. За долгие годы их обучения наставник стал одним из немногих, кому юноша может доверять без задней мысли — это не только честь, но и большая ответственность, и маэстро сейчас имел все шансы предать доверие подрастающего ученика. Когда Витус закончил, наступила пора вопросов:

— Значит, Овечка бросила тебя на попечительство барону?

— Что-то вроде того. Впрочем, изначально я был товаром, который должен был вырасти перед тем, как его отдавать.

— Ужасно. Прими мои соболезнования, ягнёночек.

Витус не ответил, мыслями устремляясь в далёкое прошлое. Во времена, когда подстилка из листьев была особенно мягкой, а сказки матери по-детски наивными. Он скучал по Овечке, но запрещал себе это делать, будто бы она была его злейшим врагом, предавшим доверие. Что ж, отчасти это была правда, но лесному мальчику никогда не понять, что чувствовала мать всё это время.

— Ваши соболезнования, наставник, не вернут мне мать, — Витус поднялся; сталь скользнула в ножны. — Простите, я себя дурно чувствую.

Патриций не смог (и не хотел) остановить ученика, понимая: минутка откровений далась тому отнюдь не просто. Даже слушать такую душераздирающую историю было совсем не легко. Оставшись один, мужчина долгое время прокручивал в голове слова Витуса, касающиеся Вечных охотников, Овечки и её договора с бароном. Если всё это правда, — а правдой это быть может, — подрастающий юноша скрывает в себе великий потенциал, способный перевернуть мир. Тут же зависть явила себя, но бывший главнокомандующий быстро отринул от столь противного чувства; пусть не он, но его ученик добьётся признания. Без сомнений: Витуса ждёт большое будущее.

Витус неоднократно жалел, что открылся учителю и рассказал о своём прошлом. С того самого дня Патриций пропал и вот уже полгода не выходил на связь, точно сквозь землю провалился. Как бы там ни было, лесной мальчик никогда не обвинял наставника ни в чём дурном и с запоздалым пониманием отнёсся к его уходу. Он думал, что бывший главнокомандующий испугался его происхождения, возможно, даже стал презирать и ненавидеть.

Барон, прознав об этом, с облегчением вздохнул, понимая, что теперь его сын потеряет опору в лице наставника, который был ещё тем бельмом на глазу. Отныне Витусу придётся принять предложения отца и иного выбора у него нет — по крайней мере, так думал Боров, реальность же отличалась от мыслей пожилого маразматика.

После пропажи Патриция его ученик продолжил тренировки в одиночку, всё больше времени уделяя оттачиванию техник фехтования и всё меньше проектам в кузне. Антуанетта заметила перемену в характере друга, но страшилась спрашивать, зная, насколько тот может быть резким.

Так и продолжалось: Витус каждое утро пробегался по окрестностям деревни, после тренировался с манекенами (выходило дурно), а следом брал лук и метил в куропаток. С каждым часом, проведённым за тренировками, юноша всё больше начинал понимать, что без крепкой руки, указывающей путь, ему не обойтись. Конечно, всегда можно вернуться к обучению в академии, но это лишь породит никому не нужные слухи, запятнав фамилию Гальего. После этого отец устроит взбучку, вернее, попытается устроить, по традиции осушив несколько бутылок вина для храбрости.

Менялось многое, но только не душевные терзания Витуса, который до сих пор винил себя в уходе наставника. Со временем он начал ставить его в один ряд с Овечкой, которая вогнала в спину нож, предательски бросив. Возможно, когда-нибудь юноша будет жалеть о подобных мыслях, но сейчас он ощущает себя правым.

Проходило время, и вот однажды настал роковой день. Случилось это, когда Витус прогуливался по рынку и с беззаботным видом рассматривал работы ремесленников. Позади некто подошёл, но юноша не придал этому значения, ведь повсюду была та ещё толкучка.

— Кошелек или жизнь, — замогильным голосом потребовал разбойник, приставив лезвие кинжала к горлу Витуса.

Трудно сказать, на что рассчитывал злоумышленник, но лесной мальчик резко развернулся и, став в боевую стойку, наблюдал, как хохочет его наставник — давно ушедший ныне же вернувшийся Патриций.

— Охо-хо, ну и рожа у тебя, Витус! В штаны не наложил со страха?

Несмотря на встречу в странных обстоятельствах, оба были рады видеть друг друга. Крепко обнявшись, учитель и ученик решили отметить воссоединение в местной таверне. Там они нашли место поукромнее и, заказав жирных рёбрышек и крепкого пива, предались воспоминаниям.

Говорили много, и чем больше пили, тем сильнее Патриций признавался в искренней симпатии к Витусу. Вспомнили первую встречу, продолжительное обучение, путешествия в "Бессмертный бастион", победы и поражения. Казалось, пяти месяцев разлуки не было, как и разговора на поляне полгода назад. Именно благодаря ему наставник решил совершить

путешествия в далёкие земли, чтобы разузнать о Вечных охотниках подробнее. Когда речь зашла про приключения Патриция, ученик слушал не перебивая.

— Я отправился в Билджвотер, чтобы найти информацию о Вечных охотниках. Прости, Витус, я хотел предупредить тебя, но после подумал, что это будет не слишком уместно, поэтому быстро собрал снаряжение и уже ночью выехал в путь.

— Ну так ты нашёл, что искал?

— Почти. Я нашёл тех, кто очень много знает о Сумрачных островах и их обитателях. Слышал ли ты про "Стражей рассвета"?

— Нет.

— Конечно, нет! Никто про них не слышал, потому что это организация, которая известна только в узких кругах...

— Но тебе ведь удалось прознать про них?

— Верно. А всё благодаря прокурору! Он мне поведал о твоём предназначении и сказал, что тебе незамедлительно следует выдвигаться в путь! К "Стражам рассвета"! Ибо злые бесы покинули адовы земли, и теперь мироздание находится под угрозой!

— Так и сказал?

— Не совсем так, может, я слегка приукрасил, но суть передал точно!

Пока Витус размышлял над словами Патриция, тот неустанно осушал кружки с пивом. Одна, вторая, третья, четвёртая... Казалось, у мужчины бездонный мочевого пузырь и такой же желудок, потому как ноксианский колбаски улетали с завидной скоростью. В таверне царствовал полумрак; в середине дня посетителей практически не было.

— Ну так что? — спросил наставник, откровенно пьяный. — Когда едем?

— Не знаю, Патриций, не думаю, что это так просто.

— А что сложного? В моё время так всё просто было!

— Мой отец...

— Забудь этого старого хрыча, твоё будущее не должно зависеть от его прихотей.

Несмотря на ударивший в голову хмель, мужчина был более чем прав, и Витус понимал это всеми фибрами души. У него есть шанс отправиться в путешествия, где его навыки будут востребованы. Возможно, даже он станет как Юноний Длинноногий и прославится своим даром лекаря или же изберёт путь Симбея Курносого и сколотит ганзу, нападавая на караваны. Подумать только, сколько дорог открыто, сколько возможностей! И он оставит все надежды, только из-за старого барона, требующего не пойми чего? Ну уж нет!

От мыслей Витуса отвлёк наставник, стыдливо пряча слёзы. Через несколько минут он признается в искренней любви к ученику и о том, как сильно скучал по нему во время поездки, сколько раз размышлял, не бросит ли Гальего-младший обучение только из-за того, что теперь не стало надзирателя, ежедневно заставляющего совершенствовать свои навыки. Становилось понятно: Витус был единственным близким существом для Патриция, и это трогало до глубины души.

— И топи... ступку...

— Прости?

— Попофи... фтупку...

Патриций склонил голову на стол, прямо в пустую миску, где пару минут назад лежали ноксианские колбаски. Учитель явно перебрал с выпивкой, и ученику предстоит подставлять своё плечо, чтобы не запятнать честь наставника. Из таверны вышли поздним вечером, Витусу пришлось на своих плечах нести мужчину, который решил, что обладает

хорошим голосом, и принялся горланить песни. Пожалуй, столько внимания к своей персоне юноша ещё не знал, поэтому избирал самые короткие пути к родовой усадьбе.

Когда дверь родного дома наконец-то захлопнулась, на лестнице гостей встретил Гэвиус и его жена, ставшая таковой неполные три месяца назад.

— Это же мастер Патриций! — воскликнул брат. — Во имя Кейл, ты что, избил его?

— Нет, он перебрал с пивом. Не против, если он останется у нас?

— Нет, конечно, нет! Давай я помогу его уложить.

Сегодня Патриций будет ночевать на софе в гостиной. Не самое плохое место для человека, чьи штаны намокли за ночь. Утром он очнётся с больной головой и приложится к винным запасам хозяина усадьба — барона. А тот в свою очередь объявит Витусу, что запрещает ему покидать Болхейм, тем самым породив ураган ненависти в сердце своего сына.

Это ведь неслыханно! Отец запрещает своему отпрыску развиваться, исследовать, изучать! Он желает сделать из Витуса зверька, посадив на цепь подле себя, и держать лишь для того, чтобы хвастаться перед друзьями. Негодованию лесного мальчика не было предела. Пожалуй, именно в тот момент он решил во что бы то ни стало избавиться от гнёта старого барона...

Перевоплощение

Утро Витуса не задалось. Сначала его разбудила прислуга, слишком громко топающая мимо его комнаты. Далее он разминулся с Гэвиусом, чья улыбка была ярче солнца; видимо, брат провёл хорошую ночь. Только юноша добрался до ванной комнаты, он обнаружил, что вода в бадье, оставленная работниками усадьбы, успела нагреться и была отнюдь не холодной. Ворча, как старый дед, лесной мальчик бегло умылся и направился в место, где ему всегда рады — на кухню.

Но до назначенной цели Витус не дошёл, хотя специально выбрал маршрут подлиннее, используя старую скрипучую лестницу. Его встретил отец. Судя по пылающим щекам, уже на порядок выпивший. Барон нетрезвой походкой доковылял до лестницы и, представ во всей красе, натянуто улыбнулся, обнажая почерневшие зубы.

— А-а-а, Витус, мой малыш. Доброго утра тебе! Право, уже полдень, но сын барона может спать, сколько его душе угодно!

Юноша кинул беглый взгляд за спину отцу, наблюдая, как прислуга собирает вещи в тяжёлые ящики. Руководил сборами Фельги по прозвищу Быстроучка, личный ловчий Олуса Гальего, сопровождающий его на охоте. Не нужно быть гением, чтобы сложить дважды два, а потому Витус быстро раскусил намерения отца. Впрочем, ему до этого дела нету.

— Вот значить, как отец и сын, на охоту!

— Что? — недоумённо спросил юноша, поймав себя на мысли, что витает в облаках с начала разговора.

— Говорю: мы с тобой на охоту отправимся! Тебе ведь вроде нравится, чтобы там дичь бегала, стрелы пускать... А погода сегодня ого-го какая! Хе-хе.

Натужной улыбкой барон походил на довольного мопса, которому наконец-то дали косточку. Он, причмокивая губами, потянулся за фляжкой на поясе, но, уловив гневный взгляд сына, передумал, продолжая говорить о хорошей погоде и добротной дичи. Упомянул кабанчика, якобы терроризирующего местных прядильщиц, а после и волков, стаей нападающих на путников. Говорил ли Олус правду или же бессовестно манипулировал чувствами сына — неясно, однако в его желании провести время с отпрыском ощущалась нотка корысти.

— Да, господин, нынче волки позарились на караваны. За жопу как ухватят... — внезапно для всех послышался голос Патриция, покидающего гостиную с видом крайнего негодования; судя по недовольному взгляду, прислуга разбудила его.

Барон встретил гостя с брезгливостью на лице, будто тот был мокрой водорослью, что прилипла к его подошве. Он смерил того взглядом, пока учитель Витуса не прошёл на кухню, где собирался присосаться к бочонку с вином. Во дурень, бочонок-то уже давно пустой! По этой же причине Олус был доволен, и Гэвиус радовался жизни. Как же сложно жить с пьянчугами!

— Дело говорит мастер Патриций, хо-хо, волки, зараза, на караваны нападают, людям жить мешают, — барон не отступал, и Витусу пришлось принять его правоту, ведь его нетрезвому голосу вторил наставник.

— А лицензию на их истребления, знаешь, как трудно получить?! Складывается ощущение, что в министерстве у живностей есть родственники.

Вдвоём они убедили юношу, отправиться на охоту, хотя он до сих пор думал, что это не

самая лучшая идея. Впрочем, сейчас перед ним открылась уникальная возможность всадить нож в спину барона, да по самую рукоять за всё хорошее, что он для него сделал! Кровь забурлила в венах Витуса, тело вспотело от предстоящего убийства. Нет, — поправлял себя юноша. — Я сделаю это, потому что должен, никакой радости!

— Ну, Витус, ждём тебя возле...

— Мы отправимся вдвоём, — заявил лесной мальчик, наблюдая за спектром эмоций на лице отца.

Сначала на физиономии барона заиграл ужас, следом удивление, а после принятие. Трудно сказать, о чём подумал хозяин усадьбы, но точно можно заметить, что мысли его знавали дурной характер. Возможно, он почувствовал жажду крови сына, а возможно, обед, подступающий к горлу, по той же причине. Протерев вспотевший лоб, Олус приложился к фляге и одним глотком решил не ограничиваться...

До нужного места отец и сын добрались без происшествий. Кучер остановил телегу близ небольшого домика в лесном царстве, а после кряхтя помог выгружать ящики с припасами и иное снаряжение. Витус думал, что его времяпрепровождение с отцом ограничится парой тройкой часов, однако теперь понимал: они здесь застряли на несколько суток. Пожилой работник пожелал счастливой охоты хозяину, а после, улыбаясь тем, что осталось от зубов, благополучно покинул семью Гальего.

Для юноши это был прекрасный шанс оборвать жизнь своего отца, но при каждой мысли об этом его сердце невольно сжималось, будто бы готовясь взорваться. Это был не просто страх пролить кровь, нечто большее, не свойственное хищникам; Витус чувствовал сожаление.

Дом в лесу, которым владел барон, представлял собой небольшое сооружение, не больше четырёх локтей в высоту и семь в ширину; внутри было всё необходимое для хозяйства: котелок, скрипучая кровать, пустой шкаф и небольшое окно, откуда открывался вид на лужайку семицветиков; в свете высоко палящего солнца они были особенно красивы.

Большую часть времени стар и млад проводили в молчании, будто бы были чужими друг для друга. И если Витуса это устраивало, то вот барон не находил себе места, всячески стараясь сблизиться с отпрыском. Да, пускай он хотел продать его Мордекайзеру; пусть воспринимал юношу как разменную монету в торгах, однако сейчас настало время задуматься о тех, кто подаст стакан воды старику на одре. Олус впервые в жизни почувствовал у себя внутри некую сентиментальность и даже раскаялся в своих злодеяниях, правда этого никто не слышал и слышать не мог, потому как случилось это в винном погребе сегодня на рассвете.

Время шло, прошёл первый день пребывания Витуса в охотничьем домике. За это время между отцом и сыном ничего не изменилось; юноша был всё таким же холодным, а его старик всё таким же жалким. Они коротали время, копаясь в своих мыслях, готовя из привезённых продуктов и читая книги. На следующий день, случилось это утром, барон объявил:

— Отправляемся на охоту!

Несмотря на энтузиазм старика, выглядел он совсем вяло, было видно, что года и дурной образ жизни лишили его формы. Всю ночь Витус плохо спал, прокручивая в голове единственную мысль: убийство отца. Он так близко подобрался к своей цели, и теперь нет времени на сожаления, нужно сделать дело ради своего будущего и счастья брата. Они взяли

луки, перекинули через плечо колчаны стрел и двинулись по скрытым в зелени тропинкам. В одночасье юноша задумался: вот оно — то самое, что должен получить каждый ребёнок, время, проведённое с отцом. Его лишили этого в детстве и теперь стараются накормить спустя множество лет. Нет, спасибо, уже не надо.

Шли в тишине, но она была настолько давящей, что после нескольких минут Витус решил задать неожиданный вопрос:

— Зачем ты ограничил моё передвижение по Рунтерре?

Такого вопроса барон не ожидал, это было понятно по виду старика; тот скукожился, втянув голову в плечи. И всё-таки ответ не заставил себя долго ждать:

— Для твоей же безопасности...

— Ты держишь меня на привязи как зверька! О какой безопасности может идти речь?

— Тише, Витус, тише. Всех волков распугаешь... — барон протёр вспотевший лоб, запыхавшийся присел на пень. — Ты можешь не замечать этого, но мир наполняют множество странных людей. Не все из них добропорядочные бароны, живущие в замках. Большинство безумцы, и именно от них я и пытаюсь тебя защитить.

— Я сам могу за себя постоять, возможно, Гэвиус был прав...

На лице Олуса отобразилось смирение: он слабо улыбнулся, тяжело вздохнул. Конечно, он знал про мысли своего старшего сына и его желания. Делал ли барон что-нибудь, чтобы избежать этого? Нет, конечно, нет. Он доживает свой век, и будет счастьем окончить жизненный путь в кровати, а не под сталью одного из отпрысков.

— Да, Гэвиус — смышлённый малый. Знаешь, он всегда тянулся в политику. Представляешь, когда твоему брату было семь лет, он отправился в зал суда и заявил, что птиц нельзя обижать, потому что они могут напасть на весь Ноксус, — старик хрипло рассмеялся, вытирая невидимые слёзы. — Вот умора была. Он ещё празднично нарядился и говорил с таким видом, что кастелянам в замках следует поучиться.

Повисла тишина, нарушаемая лишь пением птиц. Витус крутил в руках лук и сам не заметил, как заулыбался. Возможно, барон говорил о той самой жизни, которую у него отняли; на секунду юноша вспыхнул завистью к брату, но быстро усмирил свой пыл и обратился к отцу:

— Ты говорил про опасных людей...

— Культисты. Одни трахают козлов, другие режут друг другу плотки ради ритуалов...

Мир — удивительный, но в то же время безумный.

После небольшого отдыха стар и млад возобновили движение, направлением выбрав северо-запад. Через несколько метров им посчастливилось встретить оленя, но мыслями Витус был далеко от потенциальной добычи, размышления его касались культистов, о которых говорил барон. Отчего-то на ум пришла странная женщина, повстречавшаяся ему в "Бессмертном бастионе". Не знакома ли она, часом, с Киндред и не преследует ли коварных целей? Снова вопрос, заданный барону. Чтобы на него ответить, старик остановился, поправил съезжающий в сторону колчан и утер вспотевший лоб.

— У нас был договор... Если бы она сумела убить Овечку, если бы смогла опередить охотников... Вся моя жизнь направилась бы по иному руслу, в другом направлении... — барон сокрушённо покачал головой; призраки прошлого вцепились в его плечи. — Это ничтожество Киндред, её выблядок и уговор... Всего этого можно было избежать, подохни Овечка тогда...

Видимо, Олус полностью отдался ностальгии, ведь говорил в прошедшем времени,

обвиняя всех и вся в предательстве. Он неоднократно касался темы Витуса, а его мать поливал недостойными строк словами. Юноша вскипел, бросился на старика и, пихнув того со всей дури, заставил оказаться на земле.

— Убивай, зверьё! Убивай, тварь! Ты не человек, не мой сын! — В глазах пожилого барона заиграло безумие, он вытащил свой кинжал из ножен и кинулся на сына, опьянённый противостоянием в собственной душе.

Возможно, Олус и правда хотел сблизиться с юношей, найти общий язык не как хозяин раба, а как отец сына, но всё это меркло перед событиями прошлого. Витус не видит ничего дальше своего носа, думает, что мир вертится вокруг него и его страданий. Конечно, о муках барона лесной мальчик не догадывался, а потому бессовестно оттолкнул старика, перед этим приняв удар сталью. Клинок скользнул по коже юноши, точно заготовка кузнеца по точильному камню, но никаких увечий не нанёс.

Это было непониманием отца и сына. Пожалуй, мир так устроен, первые никогда не поймут переживания вторых, а те ни за что не станут размышлять о проблемах отчих. Витус накинулся на Олуса как волк на белку, стал бить, не жалея сил, сопровождая каждый удар потоком брани.

— Не смей так говорить про мою мать! Не смей! Не смей, старый жирдяй!

Он мутузил его несколько минут, пустил в ход клыки, разрывая горячую плоть; кровь множественными пятнами осталась на поляне, руках и теле юноши. Эту кровь можно смыть, но сможет ли юноша очиститься от позора, отцеубийства? Пожалуй, нет, никогда. Но сейчас, когда клыки отрывают куски мяса, в тот момент когти отделяют плоть от костей, Витус об этом не думает. Он поглощён делом, и нет ничего, что могло бы сейчас отвлечь убийцу от тела жертвы. Когда недостойное дело было сделано, а труп барона превратился в неопознанное нечто, Гальего-младший остановился и, присев у дерева, обдумывал произошедшее.

Это было его первое осознанное убийство, совершённое не в состоянии аффекта. Перед глазами всплывали картины давней потасовки с детьми из родного городка, тогда он растерзал их трупы только потому, что не смог сдерживаться. Но хотел ли он сдерживаться? И правда следовало ли убивать барона или же был иной, миротворческий путь решения проблемы? От этих мыслей, от принятого решения сердце Витуса усиленно забилося. Юноше казалось, что он совершил ошибку, ужасную глупость. Голос, нависший над поляной, вторил его мыслям:

— Занимательно. Готов отдать все свои перья, если буду не прав, но это было преднамеренное убийство.

Знакомый голос раздался над головой, но стоило Витусу поднять взгляд выше, его источник ускользал с удивительной скоростью. Вскоре некто камнем оказался на земле, грациозно приземлившись. Это был Ворон, тот самый, что некогда уже навещал юношу. Он прошелся ладонью по своему подбородку, подтянул рукавицы и с видом учёного стал осматривать труп.

— Он ограничил меня, посадил на цепь.

Только теперь Витус понял, насколько он жалок перед самим собой. Эти его слова — не что иное, как оправдание убийства. Но нельзя прийти в кондитерский магазин и убить владельца только потому, что тебе не продали леденец. Убийство отца было глупостью, которая навсегда оставит отпечаток в мировоззрении юноши.

— Я слышал, ты кричал об этом очень громко. Складненько выходит, мне нравится эта

пьеса! Бедный мальчик, сирота, оставшийся без присмотра, взятый на попечительства безумным бароном, который не кормил его, лупил ежедневно и использовал для низменных целей. О, что за сюжет! — Ворон вскрикнул, заставив птиц покинуть ветви: они, зачирикав взметнулись в небо. — Определённо занимательная история, где добро восторжествует над злом. Так и должно быть, не правда ли, Витус?

— Что... что ты несёшь?

— Возможно, когда-нибудь, Витус, ты поймёшь, кто мы такие. Да, мы монстры, Вечные охотники, но даже нам знаком... порядок. Мы не убиваем только потому, что нам захотелось. Знал бы ты, скольких я предпочёл бы вот этими вот руками зарубить, но профессионализм превыше эмоций. Мы убиваем тех, кто помечен Матерью, действуем чётко по инструкции и исходя из ситуации. То, что делаешь ты, Витус, больше походит на утоление голода и право, я крайне не советую тебе продолжать, потому как моё терпение на исходе. Это будет последний труп, который я скрою для тебя. Впрочем, разберись с этим сам, может быть, поумнеешь, пока будешь собирать косточки папаша.

Закончив свою речь, Ворон взметнулся ввысь и скрылся в кронах деревьев. Раз, и нет его! Ещё долго, очень долго Витус сидел, понурился головой, размышляя о содеянном. Теперь он чувствовал себя жалким мальчиком, делающим всё из-за личных прихотей. Ему никогда не стать истинным Вечным охотником. Вскоре мысли перешли в иное русло, и юноша стал думать, как скрыть труп. Его загрызли волки — самая правдоподобная ложь в этой ситуации, будет нонсенсом, если она не сработает. На том Витус и порешил...

Уже весь Болхейм прознал про смерть Олуса Гальего. Каждый считал своим долгом почтить его память, отправив венок в усадьбу или наведаться к отпрыскам покойника. Витус никогда не видел столько людей и был искренне удивлён скорбящим, чьи лица знавали слёзы. У отца было много собутыльников — так думал юноша, однако был ещё больше удивлён, когда в толпе появились ремесленники и простой люд. Его отца любили, пусть он и был тем ещё засранцем.

Патриций также не скупился на слова поддержки, хотя говорил их с неохотой, больше из вежливости. Витус благодарил каждого и чувствовал, как его щёки пылают от воспроизводимой лжи. Вскоре состоялся разговор братьев, в котором Гэвиус узнал тайну смерти старика. Он не был удивлён подобному развитию событий, но надел маску вселенской заботы о родном ягнёночке. Впрочем, вскоре старший сын покойного барона заявил, что самое время отпраздновать, как он выразился, свободу и отправиться на пир к его товарищу, недавно окончившему учёбу у мастера.

И вот братья сели в повозку, приказали кучеру гнать, не жалея лошадей, а сами с заговорщицким видом обсуждали недалёкое будущее. Гэвиус обещал Витусу полную свободу, хотя говорил об этом как о длинной привязи, нежели о независимости. Младший брат не успел как следует обдумать это, и вскоре они добрались до небольшой деревушки, где пиво текло рекой, а веселье лезло из всех щелей. Представителей семьи Гальего быстро втянули в праздник, и вот уже братья кружатся в танце, заливаются медовухой и тискают своенравных мазелей. Гулянка что надо!

Витус то и дело обращал внимания на пылких красоток, отбивающих ритм танца под звуки барабанов. Он не понимал, отчего Гэвиус столько внимания уделяет таким же людям, как и он сам. Увы, юноша был лишён того немногочисленного, что жизнь может предложить каждому из нас: пить вусмерть и заниматься любовью. Пожалуй, только ради этого и следует

волочить своё существование на бренной земле, однако для отпрыска Киндред это было чуждо. Он чувствовал себя кондитером на мясной фабрике. Здесь ему нет места.

Но, как известно, странности притягиваются, и вскоре Витус обнаружил пожилого безумца, рассказывающего о неких технологиях на землях Демасии. От него все шарахались и старались не обращать внимания. Поэтому, когда лесной мальчик обратился к старику, тот засиял и, облизав губы, принялся с огромным энтузиазмом рассказывать про свои открытия и то, что некогда было невозможным.

Звали его Куинтос Кано, и был он учёным из Демасии, прибывшим в земли Ноксуса для целей тайных, и о них предпочёл умолчать. Зато он без умолку трещал о своей родине, изобретениях и открытиях. Казалось, два чудака нашли друг друга. Пожалуй, так и было, а вечер закончился многообещающим предложением старика:

— Мне пригодится такой мозговитый мальй. Поезжай со мной, будешь учеником!

Витус пообещал, что не станет тянуть с ответом и, обменявшись почтовыми номерами, покинул общество старика. Гэвиус умудрился вляпаться в неприятности с дочкой местного свинопаса, однако его брат быстро решил проблему, своим видом показывая, что не настроен выяснять, кто прав, а кто виноват. Домой поехали ближе к утру, и почти тут же, с порога, встретили Патриция. Мужчина так горевал по покойному барону, что решил с горя осушить его винный погреб.

Несмотря на это, нахождение учителя в доме Витуса было истинной удачей. Ученик рассказал наставнику о своих планах и встретился с жесточайшей критикой.

— Это безумие! Тебе нечего делать в Демасии, я же говорил тебе отправляться в Ионию или же Шуриму. Демасия это... там... просто... Не смей даже думать об этом, Витус!

Между двумя давними товарищами вспыхнула ссора, что ещё не скоро познает примирения. Они разошлись в разных направлениях, Патриция в погреб, Витус прочь из усадьбы в надежде, что утренняя прохлада сможет проверить голову. Он бродил по окраине города и, сам того не желая, вышел к небольшому ручейку. В воде плескалась рыба, воробушки исполняли свои симфонии. Но в звуках леса было ещё кое-что, нечто инородное, не принадлежащее этому месту. Пахло смертью.

Внезапно кусты зашуршали, а через долю секунды из них вышел Волк. Его широкая улыбка обнажала ряд острых зубов, но глаза выдавали неподдельную радость. Следом шагала Овечка, как всегда уткнувшая одну руку в бок, второй сжимая излюбленный лук. Витус не верил своим глазам, казалось, перед ним мираж, а может быть всё это сон?

— Сын?

После слов матери юноша понял что Киндред представшие перед ним не плод воображения, а самая настоящая правда! Он рванул к Овечке и что есть силы обнял, повиснув на шее.

— М-м-м, всегда меня обделяли, — наигранно обиделся Волк, но и его вскоре посетили объятья.

Витусу хотел рассказать обо всём, поделиться последними новостями и больше никогда не отпускать мать. Но прежде чем юноша сумел что-либо сказать, Овечка задала вопрос касательно смерти барона.

— Так, значит, это ты убил барона?

— Пришлось. Мама, я так... так скучал...

— Я тоже, ягнёночек, я тоже...

— И я, — вторил подруге Волк, ощущая себя третьим лишним.

Солнце заявляло свои права на царствование небом, а разговоры матери и сына даже не думали прекращаться...

Прошёл день, хотя для Витуса прошло всего ничего. Более двенадцати часов он провёл рядом с Овечкой, слушая её рассказы, как когда-то давно, когда они оба ложились на подстилку и, смотря на звёзды, болтали о всяком неважном. Эти времена давно канули в лету, однако сердца обоих с трепетом вспоминают ушедшие дни. Вечные охотники старались не касаться темы барона, хотя каждый раз диалог выходил именно в это русло, будто бы Олус был некой точкой, вокруг которой происходят все события. Чтобы отвлечься от этих мыслей, Витус задал вопрос:

— Тебе нравится мир людей?

— Пожалуй. Он жесток, но по своему прекрасен. Я думаю... — Волк положил голову рядом, довольно улыбнулся, слушая рассуждения напарницы. — Он такой, каким должен быть, ведь иначе люди не смогли бы жить в нём. Я рада видеть тебя живым, Витус, и ещё больше рада знать, что ты приспособился к этому опасному миру. Но...

— Но?

— Ворон сказал, что ты желаешь покинуть эти места, отправиться в путешествия. Предвижу твои вопросы и отвечу: он следил за тобой по моей просьбе. В каком-то плане я всегда была рядом с тобой.

— Кхм. Мы. Мы были рядом, — поправил Волк, возбуждённо махая хвостом.

— Да, мы. Но я должна тебя предупредить: большой мир, куда ты так рвёшься, опасное место. Тебя могут заметить.

— Заметить?

— Да. Матерь масок, жаждет смерти, таким как ты. Ворон всегда присмотрит за тобой, но он слабее, чем кажется.

— Прости, мама, это принятое решение. Я люблю тебя, но должен двигаться дальше.

Сейчас юноша воспринимал Овечку, как Патриция, что твердил ему о надобности сменить приоритеты, избежать поездки. Нет, твёрдо решил для себя отпрыск барона, он сделает это или будет до конца дней чувствовать себя рабом своих страхов.

— Я тоже тебя люблю, мой ягнёночек. Ты разобьёшь мне сердце, если отправишься в путь, но, пожалуй, это будет лучше, чем прозябание жизни. Я горжусь тобой, Витус, знай это.

Сентиментальность сопровождалась крепкими объятиями троицы, а после ещё нескольких добрых слов они попрощались, но пообещали друг другу вскоре встретиться. События сегодняшнего дня вскружили Витусу голову, казалось, столько произошло и ещё столько впереди! Жажда действий мешала уснуть, а потому юноша, взяв осколок ножа, отправился в кузню. Давно хотел восстановить его, так почему бы этим не заняться сейчас, во время, когда так необходимо занять свои руки?

Стоило двери кузни захлопнуться, а углю в печи накалиться, юноша заметил странное отражение в зеркале. Оно висело возле стола с заказами, что находился достаточно далеко от его места работы. По этой причине он сначала не придавал значения сему феномену, но вскоре осознал, насколько странно оно выглядит. Отдалённо некто в отражении напоминал Витуса, но стоило юноше сконцентрировать внимание, как тут же он выявил огромную разницу в отражающейся внешности. Попробовал подвигать конечностями, но отражение замерло, насмешливо улыбаясь.

- Bravo. Ты наконец-то вошёл во вкус. Убийство барона было исполнено на ура!
- Снова ты. — Витус понял, где видел этого незнакомца, он приходил к нему во снах.
- Снова я, снова ты, снова мы! Разве не здорово?
- Кто ты такой?
- Я? Я это ты, только немного другой. Нерождённый, забытый, брошенный...
- Это всё ложь. Мне чудится...

Витус зажмурил глаза, а когда открыл веки обнаружил в отражении себя любимого. Видимо, следует поспать, а то всякие странные личности мерещатся. Но вместо заслуженного отдыха герой вознамерился поработать в кузне. Сначала он хотел починить нож, но вскоре юношу посетила другая идея. Настало время кропотливой работы...

Мы совершаем ошибки еженедельно, ежедневно, ежеминутно... Кто знает, возможно, наша жизнь есть не что иное, как чья-то ошибка, неправильное решение. Витуса объяла нерешительность, а его ладони парили над глиняными формами, что видом своим напоминали морду Овечки. В кузне было жарко, пожалуй, это был жар сомнений, что распирает юношу изнутри.

Когда две формы были готовы, ученик кузнечного цеха стал подготавливать сплав. Для этого Витус взял то, что некогда было ножом; воспоминания об арене, Мордекайзере и его предложении всплыли в сознании юноши. Возможно, согласись он на сделку с Тёмным владыкой, его отец был бы жив, а он сам правил небольшим отрядом, будучи подле одного из сильнейших главнокомандующих Ноксуса. Об этом он думал, позволяя своему изделию остыть, копаясь в болоте несбывшихся надежд.

Правильно ли я поступил? — вопрос в пустоту. Пожалуй, именно сегодня в кузнице было слишком тихо и даже Антуанетта, привыкшая следить за зданием, как за вторым домом, куда-то подевалась. Перед глазами юноши всплыл образ отца, улыбающийся своими широкими губами и причмокивающий после глотка вина. Он не был хорошим человеком, однако сейчас сердце Витуса предательски сжимается.

Отцеубийца поднялся с насиженного места, стал заливать металл в готовую форму; пар ударял в лицо, глаза щипала высокая температура. Выдержав испытания огнём, юноша отложил инструменты; очередное ожидание, которое подобно клюву ворона, будет беспокоить закрывшиеся раны. Витус стал измерять шагами комнату, призраки прошлого окружили его со всех сторон.

Овечка. Мёртвый барон. Патриций. Гэвиус. Куинтос Кано. Знакомые образы всплывали один за другим, и все как один чего-то хотели, требовали, предлагали.

— Оставьте меня в покое! — взревел юноша, скидывая со стола кузнечные заготовки.

Да, Витус, да! Выпусти пар, скажи этому миру, что он чертовски нетактичен и вечнс требует действий. Но юноша не был готов к подвигам, его обуял страх за предстоящие дни. Хотелось, как когда-то, свернуться клубочком на подстилке и забыться сладким сном под боком матери. Но сейчас это было невозможно, впрочем...

Страх — это самое ужасное, что может случиться с каждым из нас. Сначала ты просто будешь бояться, а после однажды поймёшь, что не владеешь собой. Тобой будет владеть страх, он будет управлять твоими действиями, твоей жизнью и решениями. Отбрось страх, Витус, ибо он яд для твоего сердца, — слова Патриция пронеслись в сознании юноши, тем самым приободлив его на дальнейший ход.

— Я отправлюсь в дорогу, иначе не смогу. Это будет правильным решением... — Витус

схватился за изготавливаемое изделие, металлическая маска успела остыть, однако была ещё тёплой.

Сев на стул, он принялся шлифовать края; мысли лесного мальчика стали птицами, что устремились куда-то за горизонт сознания. Юноша старался сосредоточиться на цели и не думать о тех личностях, той жизни, что оставляет позади. Шаг вперёд — это всё, что ему нужно, но как же сложно отбросить прежнего себя, пересилить страх неизвестного.

Время поджимало. Витус решил: когда выйдет из кузни, он должен будет знать, что делать со своей жизнью. Остаться рядом с матерью, внедриться в бизнес брата, принять предложения демасийского учёного... Выбор был велик, но каждое действие требовало от юноши решительности. Сможет ли он обуздать свои страхи? Должен, иначе возненавидит сам себя.

Вставить линзы в прорези для глаз было трудно, но в конечном итоге ученик кузнеца с этим справился и, отделав заднюю часть мехом, гордо надел своё творение. В маске Витус почувствовал себя уверенней, будто бы позади стоял наставник, что невидимой рукой указывает нужное направление. Странно, но все противоречия, отравляющие душу лесного мальчика, в миг, улетучились. Он понял, что мир обязан увидеть эту маску, стальную маску. Но перед тем, как сделать следующий шаг...

— Мама, я иду.

Да будет так.

Перворожденный

Каждый в Болхейме был до глубины души потрясён не столько пугающим, сколько шокирующим событием, произошедшим с семьей Гальего. Барон Олус был убит на охоте, а его младшему сыну лишь чудом удалось избежать участи отца; он спасся и отныне разделяет скорбь вместе с братом. По крайней мере, так говорит люд, однако мы имеем веские доводы, которые открывают свет на настоящее положение вещей. Не всё было так, как могло показаться на первый взгляд. И чтобы увидеть это, нам предстоит взглянуть на ситуацию со стороны той персоны, что денно и ночью следила за развитием событий. Итак, уважаемый читатель, прошу любить и жаловать: Ворон.

Он был олицетворением невзрачности, всего лишь человек из толпы, на которого вряд ли обратят внимание скучающие баронессы, столпившиеся рядом с надгробием покойника, держащие своих мужей под руку; сегодня им выдалась возможность блеснуть своим туалетом. Право, место они выбрали совсем не подходящее этим нуждам, и те немногие ремесленники, честные работники, разделяющие в толпе мнимое горе, пришедшие по приглашению сына покойного, вместе с ними ожидали окончания столь неприятного мероприятия.

Некто говорил: Что за беда! Моего дядю тоже загрызли во время охоты! А ведь он был важным человеком при дворе Мордекайзера! И никто, никто не спохватился изловить эту нечисть, заполняемую родные леса. Может быть, теперь, когда господин Олус погиб, кто-нибудь да обратит внимание на опасность, обитающую в лесу.; его яро поддерживали, однако сохраняли приличия и отдавали честь покойнику.

Ворон видел их насквозь; души, наполненные скукой, умирающие от душного солнца, липкими лучами лежащего на головы стоящих. Он будто бы созерцал столпотворение неучей, ожидающих, пока стоящий пред надгробием святой отец зачитает им слова Святой Кейл, кровью божественной написанные на куске пергамента. И не было им интересно, ведь что такое чья бы то ни было жизнь в наших реалиях? Не более чем песчинка на бесконечном пляжном просторе; капля воды в море; травинка на лугу. Ворон понимал это слишком хорошо, ибо отринул само понятие смерти, стал тем, кто смог вернуться из удушливых объятий Тёмной госпожи, смакуя её хладный поцелуй.

Он затерялся в толпе и, как было указано ранее, был не более чем тенью баронов, шальным ветром, играющим с перьями в шапках деревенщины; поступь его была легка, а облачение закрывало всё тело, представляя собой тёмный плащ с длинным воротом и бриджи на несколько размеров больше, дабы те висели, скрывая всё нужное. И вот он проходит мимо малышки Антуанетты, стоящей рядом с отцом-кузнецом; минует толпу живописцев, скульпторов, одним словом, тех личностей, что каждый день размышляют о том, кто они: бездельники аль творцы?

Опустим подробности речи святого отца и переместим внимание на младшего сына покойного барона; взгляд его был невозмутим, в глазах застыло, что угодно, но только не печаль. Он глядел на надгробие со смесью плохо скрываемой радости и мечтательности, теряя свои мысли в тундре будущих побед. Юноша был обручен, получил наследство от отца и, как было сказано ранее, имел большие планы на эти финансы. Ворон знал о небольшом секрете, что разделяют Гэвиус и Витус; первый подговорил второго убить отца, и тот без задней мысли сделал это. Заметим, однако, Гальего-младшего на кладбище не оказалось; это

заставило Ворона забеспокоиться о своей миссии, ведь явился он сюда лишь ради встречи с одним из братьев.

Ему не требовалось говорить с ним, лишь впить свой взгляд в спину и неустанно следить за каждым движением; это было смыслом его жизни. Оно обуславливалось корыстными надеждами, о которых мы расскажем чуть позднее. Ворон знал большинство собравшихся, среди которых можно было заметить маэстро Патриция, нетвёрдо шатающегося на ногах. Он долгое время провёл, наблюдая за окружением Витуса, и мог смело заявить, что каждый из присутствующих относился к барону не самым положительным образом. Ведь это просто старик; пожилой ханжа, чье состояние даже после смерти купило ему проводы с толпой и дальнейшим застольем. Будь он человеком, что называется, из народа, тем самым мальчуганом, работающим в таверне за кусок хлеба и стакан молока; знавал бы он тяжкий труд каменщика, трудящегося за несколько динаров в неделю, без сомнений, его могилка была бы не здесь, на кладбище, а где-нибудь на окраине и в скором времени заросла бы плющом.

Мысли эти порывом ветра заставили Ворона предаться ностальгии.

Ишгаль был настоящим раем для любого лесника или желающего скрыться кутузника. Места те были сплошь и рядом усеяны многообразием растений, начиная от кустарников ежевики и заканчивая величественными дубами, чьи ветки, подобно Атланту держали на себе миры — птичьи гнезда, в которых птенцы дожидались своих родителей. А те летали по чистому небосводу, замечая скопления стад оленей и их брачные игры; пролетали через журчащие ручейки и, усаживаясь на девственные полянки, добывали червей, чья жизнь коротка, а судьба ничтожна.

Проходи в лесах Ишгаля путник, сверни он с тропы, что ведёт в гору, непременно добрался бы до места, населенного существами странными, что называется, волшебными. Но то были не феи, крадущие детей; не кровожадные гули и даже не лесные нимфы. Обитала в тех местах счастливая семья, насчитывающая три головы: отец, мать и сын. Сынишку называли Аполо то ли в честь Демасийского героя Аполиона Выносливого, а может быть, по иным причинам.

Но поглядите на него, ставлю свою кружку с мёдом, что родители сообщили нам неполное имя своего отпрыска, ибо это по первому впечатлению был не Аполо, а Аполлон! Статный мальчуган, не больше десяти лет отроду со свисающими, точно лапти, ушами; высотой он достигал двух метров, и был по грудь отцу, чей рост ровно на один метр превосходил сына. Он часто говорил: Ну ты и малыш. Смотри, как бы я на тебя не наступил. А после заливался хохотом, игнорируя тычки Аполо, который страх как терпеть не мог шуточки про себя!

Однако может показаться, что мы отклонились от данной темы, но это не так. Семья, живущая в том лесу, в землях Ишгаля, вела размеренный быт и пропитание добывала посредством охоты и выращиванием овощей. Прошу не серчать, уважаемый читатель, мы медленно, но верно подводим историю к отправной точке, ибо не узнай Вы мелочи о малыше Аполо, не сможете всесторонне глядеть на ситуацию.

Итак, семья жила себе спокойно, однако, как всем известно, лёгкая жизнь — признак тяжёлых испытаний, что подобно граду станут сыпаться на голову счастливцу, глупо улыбающемуся солнцу. Эту истину ещё предстоит узнать Аполо, а сейчас он собирает ягоды для будущего напитка, название которого сказитель запомнил. Ладони мальчика ловко

срывают ягоды: одна, вторая, четвёртая; третья оказалась очень сладкая и манящей росинкой, так и призывала отправить себя в рот.

Стоило Аполо наполнить корзинку, как тут же послышался голос: чужой, не принадлежащий этому месту. Он что-то говорил, однако мальчик не смог разобраться, что именно, но ведомый тем детским любопытством, что так часто создаёт проблемы, двинулся на звук. Не пройдя и ста шагов, лесной мальчик наткнулся на картину ужасную, страшную, остающуюся в памяти как ночной кошмар; он глядел на сцену убийства.

На поляне стоял некто, держащий копьё; по строению тела можно было предположить, что это была женщина, чьи волосы гладью водопада опускались на плечи; на лице была маска Волчицы с горящими глазами, чьи огоньки во тьме можно было принять за светлячков. Под сталью её покоилась плоть убитого: то был охотник, если судить по шляпе с пером; одежда рваная, щиколотки грязные, видимо, ремесло его погубило, сделав из хищника жертву.

Стоило Аполо моргнуть, как тут же неизвестный убийца скрылся; жертва его издала последний вздох. Напуганный таким развитием событий, он бегло поднял корзинку и что было сил побежал домой к крепкому плечу отца и нежным ладоням матери. Ну же, скорее утешьте бедное дитя! Скажите, что всё увиденное не более чем сон, страшный кошмар, приходящий к детям из-за отправленной в рот третьей ягодки. Но то была истина, та самая ужасная и неподкупная правда олицетворения мира: существо убивает существо, и истинное счастье, если дело обстоит в самообороне.

Аполо казалось, что за ним гонится та самая женщина с копьём; вот-вот и он упадёт под тяжестью стали, любопытством свержённый своим. Но время идёт, дыхание сбивается, а ноги приводят в знакомый дом. Из леса на него глядит нечто, оно дикое в своей природе, но наделено волей творить и желанием убивать; даром наделять и отнимать, двумя словами — оно живое. Взгляд его следит за мальцом, что стал свидетелем столь неприятной сцены, но он об этом не знал, а потому быстро поставил наполненную ягодами корзину на землю и скрылся в крепкой лачуге.

Следует отступить от ужасных событий, произошедших с мальчиком и уделить внимания саду лесной семьи. О, то истинная улада для глаз! Он был не только красив, но и полезен; женские руки были частыми гостями в этом месте, где земля отличалась плодородием посредством усердия, а заборчик будто бы охранял этот маленький рай, в котором каждый вечер женщина, мать Аполо, проводила время, созерцая бесконечную пустоту, то бишь глядя на небо и звёзды; они смотрели в ответ.

Отец мальчика был дома, но прошу, не спешите с выводами. Скорее всего, вы подумали, что молодой мужчина в расцвете сил, имеющий крепкое телосложение и слегка вытянутую мордочку (сказитель плохо помнит события тех дней в силу возраста, потому нарекает увиденное своими именами), попросту бьёт баклуши! Но что за невежество! А как же молодая семья, вы поглядите: мать кухарит, ребёнок приносит ягоды, а отец — истинно бездельник!

Вышеуказанные строки могут принадлежать лицам, не знакомым с бытом семьи, а потому мы имеем счастье разрушить это мнение и представить Барса — главу семейства, любящего охотиться по ночам. Он уходил, как только солнце пряталось за горизонт, и возвращался с тушей оленя аль волка ранним утром. Это был настоящий добытчик, пример для всех и каждого.

Он любил своего сына той самой любовью, что невозможно выразить словами; легче

промолчать, ибо, как известно, поступки имеют бóльшую ценность, нежели слова. И вот однажды Барс подозвал своего сынишку, случилось это во время охоты в пруду — бойся, рыба, малыш Аполо идёт по вашу душу! Мужчина намеревался объявить сыну о своём решении отправить его обучаться ремесленному искусству в Шуриму; неважно, какому, мальчику нужен был социум.

— Но, отец, я не могу...

— В этой жизни, мой малыш возможно всё!

Дальнейший диалог был слишком скуден на интересные моменты, поэтому мы не берёмся его приводить, однако подводим итог: сын наотрез отказался покидать родные места, а его отец был зол из-за этого, будто бы барон, что лишился двух тысяч динаров. Но ссора была невозможна из-за излишне нежного характера Барса, который имел дурную привычку нести в своём сердце обиды, а они, как всем известно, отравляют душу и портят настроения. Вот и вышло: настроение стара и млада было испорчено, в то время как Аполо принял решение отправляться домой.

Тут же следует сделать отступление и порассуждать о вещах важных, предсказанных Провидением или иным, нам невидимым существом, может быть, сущностью... Каждый из нас сталкивался с барьером, представляющим собой крах всех планов и разрушение привычного бытия. Это случается внезапно, чаще всего являясь в обличии ничего не значащей мелочи, будь то пожилая старушка или же незапертая дверь в опочивальню. В этой истории имеет место быть момент, названный нами не чем иным, как глобальным невезением, ибо иначе это не назовёшь. Когда жизнь протекает своим чередом, точно журчащий ручеёк, радующий своей чистой водой, ты и не задумываешься о том, что рано или поздно в этот ручеёк придёт самое страшное из существ, главный хищник дикой природы — человек, держа в руках копьё, и станет яростными ударами рушить твой мир, излавливая подводных обитателей. Им руководит голод, но кто дал ему право рушить этот мир? Мир маленького мальчика, что по несчастью стал свидетелем кошмарной сцены и обрёл своих родителей на незавидную участь. Ткачи, верно, сошли с ума, ибо напутали свои нити, сплетая судьбы существ, а может быть, они, наоборот, исправляли давнюю оплошность? Пожалуй, вернёмся к Аполо и его ссоре с отцом.

Мальчик возвращался домой, и сердце его объяло волнение; это то самое чувство, когда ты ощущаешь будто бы некой скрытой чакрой предстоящее несчастье, но не можешь ничего делать, являясь листиком в журчащем пруду — потоке жизни. Стоило Аполо добраться до лачуги, как тут же он увидел настежь распахнутую дверь и перевёрнутое ведро с ягодами; землю украшало красное месиво — некто растоптал труды юнца.

Он с ловкостью змеи пробрался к дырке в стене и, приложившись лицом к деревянной доске, стал наблюдать. Внутри было многолюдно, намного больше, чем мог вместить малый домик; мать Аполо опустилась на колени, лицо её выражало боевой настрой, однако глаза были низко опущены, что показывало страх женщины. Перед ней стояли четверо и все в масках, с пылающими очами, чьи всполохи гипнотизировали, увлекали в сказочную прострацию. Ворон, Волчица, Овечка и Медведь — все они были разные, но их роднили цели, что на сей момент малышу Аполо были незнакомы.

— Где он? — уверенным тоном задал вопрос тот, что носил маску Ворона.

— А ну отвечай! — вмешалась Волчица, выступая вперёд, как бы показывая этим свою важность, что была мнима в квадрате напарников.

— Не смейте трогать его! Он вам ничего не должен, он вас...

Удар. Хлёткий шлепок от существа в маске волчицы, сделанный тыльной стороной ладони и попавший по щеке женщины, заставивший её пасть ещё ниже, под ноги говорящих. А те обступили её, точно стража бедняка, что не может встать и создаёт проблемы проходящим. Вопрос был повторен, но на этот раз хозяйка дома молчала, сжав губы замком, но это было плохой тактикой, и в следующую секунду копьё, уже знакомое Аполло, пронзило лежавшую женщину; брызги крови окрасили Волчью маску, растекаясь по древесине.

— Нет! — вскрикнул мальчик, не в силах удержать крик, кажется, вырывающийся из самого нутра.

Конечно, стоящие внутри здания слышали его; одна из них, Овечка, ринулась в атаку, будто бы почувствовала кровь раненой добычи, за которой ведётся охота. Впрочем, так и было, но об этом нам предстоит узнать чуть позднее, сейчас же мы не можем ничего, лишь наблюдать за тем, как бежит мальчик, спотыкаясь и падая, вставая и снова встречаясь с землёй.

Он кубарем скатился по небольшому склону, а после был прижат к земле преследователем. Морда его склонилась над мальчиком, из ноздрей вырывался обжигающий пар; из пасти лилась слюна, большими каплями падающая на торс жертвы. В одночасье округу пронзил крик, а после отец явился на помощь отпрыску, топором пробив голову нападающего; крови не было, лишь сдавленный крик и секундная агония, вмещающая в себе удивление и злобу; Волчица пала ниц, свержённная сталью Барса.

— Отец! Они убили маму! Они убили...

— Аполло! Сейчас же беги, убегай от...

Он не успел договорить, стрела пронзило его сердце, вырывая из груди. То было зрелище не для слабонервных, и мы признаёмся, что увидев подобное, не сумели бы скрыть паники и, возможно, даже свалились без сознаний. Аполло также разделял с нами подобные эмоции, а потому с криком поднялся и ринулся вперёд, продолжая бессмысленный побег от угрожающей опасности.

Ничто не даёт столько сил, сколько дыхание смерти. Перед лицом неизбежного следует осознание, после торг и наконец принятие. Мальчишка был во второй стадии, крича, вопя и убегая. Не отдам свою жизнь, не умру, не дамся! Он бежал, как бежит дичь, гонимая стаей волков, в данном случае вечными охотниками. Есть шанс, жива надежда! — твердило подсознание; всё кончено, палач занёс сталь для удара — говорила действительность.

Перед лицом застыл образ матери и улыбка отца, крепко сжимающего топор; он собрался стоять до последнего, однако удар недруга был слишком жесток, как и страшный рок судьбы, опустившийся на эту семью. Аполло бежал задыхаясь, летел подобно ветру, не останавливаясь ни на секунду. Падения стали чаще, грудь разрывалась от нехватки кислорода; ещё немного, и он упадёт, смиренно принимая судьбу. Стоило подумать об этом, как тут же плечо пронзила боль, а тело встретилось с землёй. Стрела, пущенная уже знакомым убийцей, всегда находит цель.

Мальчик повалился на землю; последнее, что он видел, маску Овечки; всполохи её глаз пророчили кончину, то был момент увядания, когда душа отправляется к создателю. Она стояла оперевшись на исполинский лук и глядела, как он угасает подобно углю, что давно не встречал огня. И то была правда, тепло покидало грудь маленького Аполло, холод пронзал тело. Удар. Брызги крови. Жизнь, оказывается, бывает скоротечна.

Ворон будто бы очнулся; он стал озираться по сторонам, наблюдая, как множественная

толпа превращается в небольшие скопления людей, явно знающих друг друга и желающих обсудить кончину барона. Гэвиус затерялся в то же толпе, Патриций покинул сие мероприятие, а Витус...

Где же отпрыск Овечки? Надо же, я вспоминаю такую ерунду... Неужели моё сердце познало сентиментальность? Я долгие годы по приказу Матери убивал детей Вечных охотников, тех идиотов, думающих, что могут скрыться от взора Прародительницы, а после становятся не более чем ресурсом, удобрением для грядок. Но это не так, и ты, Витус, о, и ты бы уже давно был бы мёртв, не желай я использовать тебя для своих планов. Моих планов... Как банально звучит...

Мы уже упоминали, что Ворон желает использовать Витуса для своих планов, но о них не сказали ни слова. Что ж, увы, время для этого ещё не пришло, а вот покидать кладбище пора бы. Вечный охотник поправил воротник, медленным шагом направляясь к выходу. За множество лет охоты, непрекращающихся убийств, большинство их из которых можно было именовать как разбой, сердце этого существа превратилось в камень, точно Кассиопея глянула на него своим слепящим взором. Он уже давно ничего не чувствовал и никого не жалел; в своей вечной жизни Ворон медленно сходил с ума, осознавая, что лишь Витус может даровать ему покой. Однако противоречие: мы упоминали, что не станем приводить цели Ворона касательно лесного мальчика, отпрыска Киндред; и тут же наше перо пишет в точности противоположные вещи. Следует заметить, что это лишь малая часть планов Ворона, не имеющая, что называется, опоры; мечтания без плоти; то же самое, что любовь без ближнего — всего лишь ветер.

Ты стал удивительной фигурой, Витус. Смог обзавестись подобием семьи и даже после этого не прекратил своих изысканий. Стремись к свободе? Но что ты знаешь о свободе, что ты понимаешь о мире, где каждый готов вонзить в твою спину нож. Я прожил много лет, намного больше, чем каждый из присутствующих, и теперь задаюсь вопросом: что ты будешь делать, маленький барашек, оставленный один, окружённый кольями надежды: Овечка просит тебя остаться, учитель намеревается отправить в Шуриму, учёный зовёт в Демасию... Может быть, я просто завидую? Возможно, все мои мысли, слова и поступки продиктованы завистью и эгоизмом, из которого вытекает желание разрушить очередную жизнь?

— Нет, — сказал Ворон, поднимая глаза к высоко восходящему солнцу. — На этот раз я не стану вмешиваться. Играй, Витус, играй, и мы посмотрим, сможешь ли ты достигнуть моего счёта, пройти через то же, что и я. Может быть, тогда ты меня поймёшь. Может быть, вкусив горечь поражений, познав моменты отчаяний, ты научишься защищаться, и моя опека тебе больше не понадобится. Но ведь я вечен, и время твоё не отмерено, Витус, так что же нам мешает объединиться, стать одной сталью, несущей смерть? Пожалуй, время — лучший показатель твоей готовности, и сейчас оно говорит мне, что момент не настал.

Сейчас Ворон шёл по широкой дороге, губы его молча двигались: он вёл диалог с собой, той самой сущностью, что люди прозвали истинное Я. Оно на манер хорошего судьи, его невозможно подкупить; оно олицетворяет спящих, ведь беззащитно в своей сущности, и потому так больно слышать правду; каждое слово, будит это спящее создание, именуемое нами совестью.

Ворон заткнул этого невидимого собеседника и с порывом ветра устремился ввысь. Не туда, где солнце, но туда, где Витус. Встречи было не избежать...

Точка отправления

Война никогда не меняется. Её жертвы: человеческие жизни, спалённые хаты, убитый скот и сломанные судьбы, — чудесным образом преобразуются во множественные награды на полке какого-нибудь бравого офицера, переставляющего деревянных солдатиков на военной карте. Мы не станем утверждать, что именно такой личностью был Патриций, потому как его история для нас — тёмный лес, куда отправляться бессмысленно, да и жутко. Да, жутко слышать про умирающих в агонии димасийских кметов, заживо сгорающих в своих хатках; ужасно представлять поле брани, заваленное трупами и ступающие по ним ноги новых мертвецов, которые будто бы не понимают, что их участь уже решена, держат в сердце глупую надежду, которую волнует очередной залп вражеских стрел. Об этом думал Патриций осматривая свою коллекцию наград стоящих на полке.

Ужасы бойни проносились перед его глазами, он абстрагировался от мира, предавшись рассуждению. Думал мужчина о Витусе и том пути, который он избрал для себя. Путешествия в Демасию — Демасию, с которой они закончили войну всего несколько лет тому назад! — было самым ужасным решением его ученика. С одной стороны он радовался любознательности Витуса, его нескончаемому энтузиазму рвущего поводок в сторону неизведанного, но с другой наставника беспокоила стезя, в которую медленно входил лесной мальчик; впервые за время знакомства он узнал в нём себя.

Когда-то давно, придя на службу в ноксианскую армию, Патриций был таким же любознательным, желающим изучить весь мир, захватить его в свои объятия и шаг за шагом придавать обсуждению. Но вместо света он принёс тьму, вместо лекарства — болезни, вместо жизни — смерть. Повторит ли Витус его путь? — оставалось загадкой.

Однажды мы услышали следующее изречение: Кого помянешь — того приманишь; пожалуй ещё никогда пожилая старушка сидящая на базаре, не была так права. Патриций думал о своём ученике, и вот он, явился будто по сигналу.

Послышались громкие стуки в дверь. В них читалась серьёзность, с которой палач берётся за работу; уверенность первооткрывателя, твердящего, что люди вскоре смогут покорить небеса. Мужчина слегка опешил, ведь привык к лёгкой робкости Витуса, особенно сильно проявляющейся в мелочах. Ответил, сев за кресло, надев улыбку:

— Да, войдите.

И он вошёл, быстро закрыв дверь и сядя в кресло напротив. Патриций глядел на своего ученика и не понимал, что же изменилось в Витусе? Понимание пришло с первыми словами:

— Я отправляюсь в Демасию.

Гнев крыльями стрекозы настигал Патриция, казалось, ещё секунда, и он перевернёт стол с грозными криками. Но вместо этого мужчина лишь откинулся назад и, взяв в руки перо, всячески старался не встречаться взглядами с Витусом. Подобное сейчас было крайне неуместно. Глаза человека, чьими предостережениями пренебрегли; советы отправили в отходную яму и, наплевательски отнеслись к доброй воле, не могли выражать ничего хорошего. В глазах Патриция читалась обида, злость, откровенная ярость; он ощущал предательство, будто бы застал любовника супруги на своём ложе. Прозвучали слова:

— Если на то воля твоя, езжай. Коль желаешь отправиться на виселицу...

— О чём ты говоришь, Патриций, к чему злословишь?

— О, как. Злословью значит... Ну-ну, поглядим, что ты скажешь, увидев шибеницы с висельниками, аккуратненько, вдоль дорог расставленные, — мужчина отложил перо, потянулся вперёд. — Знаешь, кто там висит, Витус? Понимаешь, кого там вешают?

— Очевидно... Злоумышленников и...

— Таких, как ты, Витус. Демасия — это не страна возможностей, это точное противопоставление Ионии, куда я тебе советовал отправляться. Подумать только! Вместо изучения флоры и фауны Ионских лесов, ты выбираешь вонючие города Демасии, где правит закон силы.

— В Ноксусе тот же закон, — легко парировал Витус.

— Вот именно, и ему всё равно, хвост у тебя аль уши, жабры на пятках или две гуськи. Пойми, Витус, в Демасии тебя повесят при первой же возможности! Им даже не нужно будет предъявлять тебе что либо. Ступишь на их границы — уже преступник!

— Ты пытаешься держать меня на поводке! — взревел Витус, подрываясь с места, возвышаясь над Патрицием, что даже при своём высоком росте был на голову ниже юноши, — Как мой "любимый" папаша! Не позволю!

Ох, Витус, сколько же в тебе огня. Способен ли этот факел дать свет тёмным душам? Возможно ли, что это пламя согреет нуждающихся, но не спалит их шаткую веру в светлое будущее? Чем заняты твои ладони, Витус, что ты сжимаешь: меч или свечу?

Эти вопросы следовало задать Патрицию, но он чувствовал себя последним идиотом, спорящим со слепым до правды, с глухим до истины. Возможно, если бы наставник проявил немного тактичности, ссоры удалось бы избежать, но как мы видим...

— Я не зверёк, которого можно держать у ног! Не псина, делающая, что ей велено. Я — Витус Гальего, я...

— Ещё одна жертва на Демасийской шибенице! Расскажешь это своему палачу!

Грозно взревев, Витус, пустился прочь, громко хлопнув дверью. Патриций в эту секунду упал в кресло, гнев заполнил его сердце: он будто бы разговаривал с ребёнком, стараясь спасти его от собственной глупости. Но, как сказал Инокентий Пшик в своём мемуаре, два раза прочитанном лесным мальчиком: Нет страшнее врага, чем глупец, ибо ему не нужно ничем руководствоваться: он наедине со своим безумием, и ему хорошо. Так, кто же мы такие, чтобы запрещать безумцам быть собой, отнимать у них то небольшое счастье, что позволяет им глядеть в завтрашний день с надеждой?

Пока Патриций остужает пыл, нам следует пояснить всю дрянность ситуации и разьяснить детали минувшего диалога. В Ноксусе к вастаи и иным расам относятся терпимо, чаще всего используя, как рабов. Можно увидеть множество поро в клетках на Хворецком рынке, не составит труда приобрести привезённого из Ионии вастаи, за полтысячи ноксианских динаров. В Демасии же всё более жоще, там действует закон позволяющий всем и каждому истреблять тех, кто хоть немного отличается от человека. Витус намеревался отправиться туда, где любой кмет с удовольствием отрубит ему голову, а после пойдёт получать вознаграждение и пристанет перед семьёй, как защитник!

— Вот дурак...

И историю этого дурака нам велено передать.

Каждый, кто был вхож в усадьбу Гальего, приглашался в гостиную, имеющую камин. Сейчас там горит огонь, а замест углей используются старые полотна с изображением главы семейства, почившего несколько дней тому назад. Гэвиус держал картину, изображающую

его отца. Что же он чувствовал, глядя в глаза покойного Олуса? Судя по самодовольной улыбке — победу, замечая лёгкую печаль в глазах — сожаление. Вы никогда не узнаете, каково бывает без того или иного человека, пока он не покинет вас. Сейчас Гэвиус понял это как никогда: ему не хватало старого бурчание отца, его криков, адресованных прислуге, и пьяных выходок.

— И всё-таки, ты всё сделал верно...

Слова, брошенные в пустоту, словил Витус, появившись нежданно-негаданно, точно призрак. Он зашёл в гостиную, удивившись множественным ящикам, несколькими сундукам...

— О, это вещи нашего отца. Я решил избавиться от них: одежда — бедным, полотна и награды — в огонь.

Витус до сих пор хранил некую обиду по покойному барону, а потому ликовал в душе, наблюдая, как Гэвиус отправляет очередное полотно, изображающее отца в полном обмундировании, в камин. Возможно, через несколько лет он скажет, что это неправильно: нельзя предавать огню память о почивших близких, ведь это единственное, что осталось от их жизни. Но сейчас он смотрит с довольной улыбкой; огонь приковывает взгляд, и перед глазами всплывает кончина отца. Истошные вопли, удары, кровавое месиво...

— Ты, кажется, всё больше времени проводишь вне дома. Что-то изменилось? — задал вопрос Гэвиус, тоном предрекающим светские разговоры.

— Много изменилось...

По опущенным глазам брата Гальего-старший понял, что сейчас станет счастливым обладателем новостей; хороших или плохих? — гадал мужчина. Витус топтался на месте, он желал кричать о своей поездке; сердце его ликовало открывающимся перспективам. Ведь, вот и он — билет в счастливое будущее, нужно только успеть, не упустить возможность.

— Я еду в Демасию, — выпалил Витус, будто это было нечто непристойное.

— Ну-у, раз такова твоя воля... Думаю нет ничего страшного в том, чтобы изучать окружающий мир. Ведь именно этого ты хотел, ради этого... — Гэвиус чуть было не сказал ради этого убил отца, но вовремя опомнился, — столько обучался. Знания не должны прозябать. Кто знает, возможно, ты — новый мастер кисти или гений пера. Путешествия всегда помогают... найти... себя. Да, именно так.

Витус слушал брата и в очередной раз убеждался: да, это тот именно тот человек, которому я могу доверять; он — тот, кто не предаст мои взгляды, не осудит за них и на поводок садить не станет. Забавно, но в этот момент Гэвиус размышлял именно об этом, он, как и Патриций, волновался за лесного мальчика, вот только волнения его были эгоистичны. Молодой человек думал: не решит ли Витус остаться в Демасии? Ведь, в таком случае, придётся отказаться от планов на брата, а они были прямо-таки гигантские. Тут же прозвучал вопрос:

— Это путешествие, оно ведь не затянется?

— Нет-нет, три года не больше.

— Чудно, — с улыбкой ответил Гэвиус, ощущая покинувшую его уверенность.

Он снова был хозяином ситуации, будто бы кукловодом, играющий с марионетками. Мысль о том, что Витус мог "сорваться с крючка", приводила его в отчаяние, ведь, в таком случае, он останется без надёжного тыла. Да, Гэвиус был мозговитым парнем и мог придумать выход из сложных ситуаций. Но лесной мальчик был фундаментом его плана, осадной башней при штурме, стрелой для лука. Он был незаменимым. Однако, Гэвиус

понимал опасность ограничивать личные границы брата; это могло кончиться очень дурно. Слова Витуса прервали размышления:

— Я хотел попросить средства...

— А? Да, да! Конечно я всё подготавливаю... Ни о чём не волнуйся, всё будет в лучшем виде сегодняшним вечером. Завтра сможешь отправиться в дорогу, — с приторной улыбкой ответил Гэвиус, но глаза его были по крысиному хитрые, во взгляде застыли сомнения.

— Спасибо!

На сим разговор был окончен, а Витус отправился к дому нового знакомого.

В Демасии каждый второй знал Куинтоса Кано — великого изобретателя, что своими трудами облегчил страдания добрым крестьянам, помог усовершенствовать осадные сооружения, тем самым задоблив власти имущие. Тут же следует отметить: лишь благодаря высокому статусу фаворита при дворе, была организована поездка в земли Ноксуса. Пускай война между Ноксусом и Демасией уже давно в прошлом, старые раны ещё не зажили, а новые наносить нет сил.

Мужчине стукнул четвёртый десяток, и седина уже полностью покрыла его голову и перебралась на козью бородку. Он был плотным в теле и широким в плечах, с глазами цвета лазурита и вечной улыбкой до ушей. Манерам не уступал костельянам при дворе Его величества, то же можно сказать и про стиль в одежде; но в то же время вёл себя легко и празднично, будто бы приходился всем добрым старичком. В разговоре с кметом он никогда не употреблял сложных слов, однако его фривольности, обращенные к дамам, были наполнены изысками. Куинтос — человек дела, готовый братья за то, что другие назвали бы безумием. Но мужчина ясно понимал: в безумии рождаются шедевры. Мастера кисти рвут десятки холстов, прежде чем будут довольны своим творением: писатели осушают и того больше чернильниц, пока не напишут строки своей души; мыслители денно и нощно размышляют о мироздании. Пожалуй безумие — это обратная сторона таланта, того самого что называют кропотливой работой. Нет, — сказал бы Куинтос, — это не работа, это помешательство, желание во что бы то ни стало добиться успеха, пожертвовать всем и каждым ради результата, продать собственную душу, если будет угодно. Куинтос Кано был одним из тех, кого называли гениями, однако за этой "гениальностью" стоит исполинская работа.

Старость добавила ему не только мудрости: вместе с сединой пришла и лень. Он частенько откладывал дела на поздний срок, как бы говоря: Без меня не справятся!, что было истиной в последней инстанции. Однажды он заставил около трёх часов ждать своих гостей, а всё из-за того, что ему захотелось предаться созерцанию и наблюдать за полётом воробушка из окна своей комнаты. Птичка улетит, а гости не уйдут, — хохоча, молвил старик; птичка всё не улетала...

Даже осознавая, что срок арендуемой им комнаты подходит к концу, он не спешил собирать вещи, а делал это как бы против желания из-за стечения обстоятельств. Таким образом, находясь в гостинной братьев Вольго, что были любезны предоставить ему жильё, он услышал отклик за спиной; в нём он признал голос Витуса. Обернулся и, широко улыбнувшись, развёл руками; объятия были невесомые, но наполненные позитивными нотами.

— Витус! Видела Кейл, я утром думал о тебе. Размышлял: примешь ли ты моё предложение или откажешь. Терять такой самородок крайне обидно. И всё-таки, я не стану

давить на тебя, но знай: если решишь отправиться со мной, буду крайне признательным!

— В самом деле, я решил принять ваше предложение.

— Чудесно!

— Но вынужден отправиться следом. Сейчас...

— Ох, но нет ведь худа без добра. Я дам тебе рекомендательное письмо. Предъявишь его любому стражнику в столице, он тебя мигом направит ко мне, — мужчина резко зашагал в сторону стола, сел на стул и с видом ребёнка, потерявшего игрушку, стал озираться по сторонам, ища предметы письма. — Меня там все знают.

Составить письмо было дело лёгким, и мы имели честь держать его в руках. При каких обстоятельствах это случилось, мы сказать не можем, во благо собственного спокойствия, однако сроки, написанные рукою мужчины, приводим ниже:

Я — Куинтос Кано, желаю видеть подающего письмо человека в своей лаборатории. При обращении к вам, любезно прошу провести к моему жилищу. Выполнивший просьбу, может рассчитывать на вознаграждение. Подпись. Инициалы.

Парочка строк была написана на белой бумаге, свёрнута в четыре раза и положена в белоснежный конверт с красной печатью, что имелись только у важных персон. Сработает ли это? — задавался вопросом Витус, получая заветный билет в светлое будущее благодаря Куинтоса.

— Ну, а сейчас. Время курочки!

И, будто бы следуя воле гостя, прозвучал колокольчик — это кухонные рабочие звали гостей к столу. Витус разделил трапезу с новым знакомым; кушанье стоящие на столе, отличались простотой, но в то же время были приготовлены, что называется, с душой. Лесного мальчика терзали сомнения, а разговор с Патрицием лишь усиливал их. Возможно, он не прав, не исключено, что всё это — ошибка. Прямо сейчас Витус понимал, что следующий шаг, сделанный им, решит его судьбы на ближайшие годы. И, всё-таки, он сделал выбор...

...С братом своим прощаясь. По случаю ухода Витуса, Гэвис решил провести с ним вечер, что называется, у семейного очага. Братья сидели на мягких креслах; треск камина имел успокаивающее свойства, освещая лёгкий полумрак гостиной. Поздний час, и никто из прислуги не смел разгуливать по дому, потому Гальего расслаблено потягивали демасийское вино; бочонки с ним были единственными нетронутыми Патрицием.

Кстати, о мастере Патриции. По словам Гэвиуса, он заходил днём, но, не застав ученика, просил передать, чтобы тот ещё раз подумал над своим решением, взвесил все за и против и, наконец-то таки, одумался. Его речь сопровождалась бранью, а под конец мужчина использовал слова на языке давно истреблённого ионского племени. Одно Гальего-старший понял наверняка: учитель против решения своего ученика.

— И ты оставишь это как есть? — задал он вопрос Витусу, протягивая ладонь к столику со снедью. — Я думал, между вами с Патрицием крепкие связи, поболее чем между отцом и сыном. Ведь столько времени вы провели вместе...

— И что же? Мне теперь бежать к его ногам при первом же свисте?

— Ты слишком критичен. Старый наставник волнуется за юное дарование...

— Пожалуй это единственное, о чём он не говорил. Про то какой я идиот и про шибеницу...

Замолчали. Тишину разрезали потрескивания костра и хлопанье бокалов. Гэвиус сказал

брату, что тот слишком критичен, однако нельзя ли использовать это слово по отношению к Патрицию? Как помнит внимательный читатель, война между Демасией и Ноксусом закончилась много лет тому назад, и, даже несмотря на предвзятость сторон, они стараются найти общий язык во всём, начиная с культуры и заканчивая наследием древних, из чьих уст вышли множество пророчеств. Мир меняется, а вот старина Патриций живёт в прошлом, там, где звон стали, дождь стрел, приказы, вылазки, выживание...

— Представь себе: сегодня встретил господина Винуена.

— Тот, что банкир?

— Он и тебе задолжал?

Братья рассмеялись. Все знали старину Винуена — этот баламошка занимает динары у всех и каждого, однако отдавать не спешит. Его контора уже давно разорилась, однако профессия крепко вцепилась в память жителей; в Болхейме его звали "Банкир Винуен" или драный дед, тут уж смотря в какой округе.

— Забавно, но я решил финансировать в его контору, — хлебнув вина и закусив сыром, заявил Гэвиус; прожёвывая, он пояснил: — Этот старый хрыщ — тот ещё прохиндей. С такими лучше дружить.

— И ты будешь давать ему деньги... На мой взгляд, это самый глупый способ оказаться в числе разорённых.

— Не я, а ты. Он будет твоим кучером, поваром и девицей злоторучкой до тех пор, пока рабочие не отремонтируют его банк.

— Моим... Не понимаю, мне казалось, ты обещал всё подготовить...

— Я и подготовил. Повозка стоит в конюшне, несколько жеребцов готовы отправляться в дорогу, кучера я тебе нашёл, сундук с пятисотью тысячами ноксианских динаров оставил под сиденьем. Что ещё надо дорогому брату? Эскорт из бывших вояк будет сопровождать тебя повсеместно, каждый знаток своего дела, хоть некоторые... Не забивай голову, все они служат тебе. Вернее, твоему золоту.

Витус глядел на брата со смесью обожания и удивления. Его глаза стали очами верующего, что увидел звёздное сияние Кейл; очами бедняка, которому вручили золотую монету; очами нищенки, нашедшей кусок нетронутого вяленого мяса. То было восхваление вполне приземлённых трудов, но для лесного мальчика услуга, оказанная братом, была ничем иным, как любовью семьи. Он подпрыгнул с кресла, в крепкие объятия захватывая Гэвиуса.

— Эй, эй, эй, Витус, осторожней...

— Спасибо! Ты — единственный, кто поддерживает меня, единственный кто...

— Оставим слова, — ладони молодого человека проходились по голове брата с той ледяной нежностью, с которой настоятельницы храмов гладят послушниц, — И выпьем за семью Гальего.

Выпили, а после ещё, следом ещё по одной... На Витуса это не оказывало никакого эффекта, зато Гэвиус нахрюкался достаточно быстро и стал подговаривать брата устроить дебош. Что для трезвого безумие, для пьяного смех. Этой ночью случилось многое, но повествователя попросили не выносить тайн из избы, а потому мы не можем распространяться на этот счёт.

Однако, отметим следующие факты, основанные на информации полученной из ночных событий: сыр старика Лувиена никакой не магический, а дурно пахнущий и, скорее всего, протухший; Антуанетта ложится спать не позже десяти вечера, а её отец имеет в арсенале

здоровенный молот, который без труда может использовать, выпроваживая женихов из-под окон; на скамейках спать неудобно, даже если это скамейки, стоящие на площади рядом с памятником Кейл; дамы лёгкого поведения в Болхейме дарят не только скидку по ночам, но и возможность подцепить сифилис. Если подводить итог, ночь брата провели весело!

— Гэвиус, Гэвиус, напиши письмо на аванпост, меня же не пропустят! — тормозил спящего брата Витус, облачённый в дорожную одежду, готовый выдвигаться в путь.

— Меняю пиво на письмо! — воскликнул Гальего-старший, поднявшись с софы как статуя и снова рухнув на привычное место.

И, всё-таки, ночью было ну уж очень весело!

— У тебя есть письмо, но есть ли документ, подтверждающий личность? — спрашивала Антуанетта, кокетливо склонив голову на бок; сегодня она надела бирюзовое платье с пышной юбкой, желая встать на место героини баллады, что провожает своего рыцаря, махая платком; платка не оказалось, потому устроили репетицию.

Витус стоял, точно стручок, возвышаясь на две головы над девушкой. Говорил голосом твёрдым, но шутливым: хохотушка привлекла зрителей. То были баронессы и бароны, совершающие променады.

— Есть, господин, первый капитан, самый сильный из сильнейших, важный из важнейших, первый наш...

— Отставить подлизывания! Вы — шалопай и плут, нечестивец, желающий проникнуть за границы Демасии.

— Вы не правы!

— А как докажете? Может быть вы — тот самый юноша, влезающий по ночам в окна честных дам, орудующий вместе с братом, со скверным слухом.

— Хороший у меня слух! — донёсся голос Гэвиуса позади, все обернулись.

Прощания — это тоже самое, что точка и следует надеяться, что речь идёт об предложении, а не о рассказе. Ведь, что такое рассказ? — всего лишь очередная жизнь очередного героя или героини, в конце которой их ожидает точка. Буквы складываются в слова, слова в предложения, и наступает момент, когда приходится ставить точку. Да, можно обратиться к мастерству маэстро Т..., научиться излагать свои мысли, как многоуважаемый нами мастер М..., или же говорить столько красиво, что из ушей вырастают маки, как господин Т...; но всё это — белый шум, блеклый фон нашего монолога. Точка — это конец, но не всегда жизни, возможно это лишь конец предложения, какой-то проблемы или же, если позволите говорить модным демасийским сленгом, арки. Если бы жизнь Витуса была романом, то сейчас самое время ставить точку и переходить к следующему акту.

Они стояли, смотря на него, а герой нашего рассказа потупил взгляд, стеснительно пряча глаза. И в чём же дело, юный рыцарь? Почему очи ваши опущены к земле? Разве вы не желаете лицезреть лица тех, кто был близко к вам; тех чьи имена навеки будут в наших сердцах. Вот же они: Патриций с укоризненным взглядом и всепрощающей улыбкой; Гэвиус, облокотившийся на повозку с бутылкой вина в руках; Антуанетта, мило улыбающаяся нам; старый банкир Винуен, ныне кучер; сэр Мольцепани и его отряд рыцарей, готовых отдать жизнь за нанимателя. Вот они — вёсла в жизни Витуса, без которых его шлюпка — жизнь, не сдвинулась бы с места. А, быть может, юношу объял стыд за некую небрежность по

отношению к самому себе, ведь, что он сделал, дабы эта поездка прошла, как по маслу? Разве что положился на брата и всецело доверил ему свои сборы, будто у того своих дел нет! Как бы то ни было, сейчас эти думы уходили на задний план, а на передний выходил Патриций.

— Эх, двинул бы с тобой, да возраст не позволяет. Ну, а что? Вдвоём на шибенице висеть точно веселее! Хотя, с твоей-то шеей, повесить тебя будет тяжело, — заливаясь смехом, говорил учитель; сердце его тосковало.

— Как придешь в Демасию, сразу обменяй динары на руниты и не забывай: чуть что, ты можешь воспользоваться правом долговой расписки. Все чемоданы собрал, всё взял? Клинок от Бернара получил? Угу, хорошо... Та-ак, о, письмо на аванпост взял, чтобы тебя пропустили? Молодец. Та-акс... Ну, вроде, всё, во имя Кейл, меня так отец на учёбу не собирал. — раздался смех Гэвиуса, а после были крепкие объятия, рукопожатия.

— Ты, конечно, боец хоть куда, да и парень не промах, но всё-таки будь осторожен, — коротко сказала Антуанетта, робко дотронувшись пальцами до ладони Витуса.

— Целуй её, дурень! — брат спешил дать совет, за что был награждён подзатыльником от Патриция.

Витус смутился, но пылающее жаждой приключений сердце, обладание тем огнём, который заставляет великие умы денно и нощно творить, он наклонил голову и кротко чмокнул девушку в щёку. Баронессы ахнули, их мужья с улыбками на лицах захлопали. Что за представление?! Почему все хлопают, они, по-вашему, что, актёры?! Но такова участь главных героев — они всегда на первом плане, разделяя со слушающим беды и победы, невзгоды и счастья.

— Я привезу тебе настоящую розу, самую красивую, — обещание сорвалось с уст Витуса, став самыми важными словами для сердца молодой особы.

О, что это были за чувства! Мы хотим, чтобы читатель понимал всю радость ситуации, ведь, возможно, сам совсем недавно проходил через подобное. Да, для нас, чьи сердца затвердели под тоннами бумаги, чьи пальцы от ногтей до запястья испачканы чернилами; для нас подобная романтика — чушь, детский лепет. Но Антуанетта была ещё молода, она входила в тот возраст, когда девушка уже может стать женщиной, и когда сказки про рыцарей на белом коне — надо же, Витуса повезёт четвёрка белых жеребцов! — особенно прекрасны. Что ж, вернёмся к прощанию.

— Юный господин, нам пора, а то так, глядишь, до вечера простоим. Нет, мне-то дела нет никакого. Хоть день, хоть ночь буду служить вам, добрейший паничек наш, самый, что ни на есть...

Здесь сделаем небольшое отступление, чтобы познакомиться со стариком Винуеном чуть ближе. Это был низкий, худощавый тип с короткой бородой и лысой головой. Он всегда носил малиновый берет и донашивал уже протёртые шоссы и порванный на левом плече сюртук; прошлое заставляло его выглядеть достойно, но реалии были беспощадны. Это такой приятель, который всегда обедает жирным карпом за десять динаров, вместо скромной пахлёбки за два, а после снова жалуется на нехватку средств. Гэвиус был прав, когда говорил о нём, как о плуте и прохиндее. Он старался всячески подлизываться к Витусу, а рот у него вообще не закрывался! Он говорил столько, что наше перо было не в состоянии записать, да и, признаться честно, в этом не было нужды, потому как большая часть информации являлась пустозвонством. Но, к его чести, следует добавить: говорил он так же и на темы интересные, вёл рассказы важные. О них мы расскажем чуть позже, а сейчас станем

наблюдать, как Витус в очередной раз машет всем рукой, садится в повозку, запирая дверцу, и видит за спинами близких четыре ярко горящих огонька, голубыми всполохами волнующихся в кустах. Киндред.

— Мама... — прошептал Витус; улыбка вырывалась из самого сердца.

— По коням, псы! — взревел сэр Мольцепани, и четвёрка рыцарей взобралась на тёмных лошадок, чей пол мы побоялись устанавливать, потому станем называть их "пятёрка тёмных"; их хозяева внушали страх и ужас, при взгляде на них, по спине пробегал холодок, уж слишком серьёзные-то были воины, излишне серьёзные, будто бы не живые вовсе.

Кучер — дядюшка Винуен (в дальнейшем мы обуздали его непрекращающийся поток слов, и он стал нам другом, потому мы стали называть его именно так), — велел жеребцам перейти на рысь, "пятёрка тёмных" двинулась следом. И вот усадьба Гальего остаётся позади и как привычная жизнь Витуса. Но не стоит расстраиваться, оставим печали! Вперёд, только вперёд! К победам через неудачи: сквозь терни мы достанем звезду, сможем одержать вверх и не важно, что недруг наш — сама судьба. Мы выпятим грудь и со слезами на глазах будем рвать глотку, кричать о том, что всё ещё не кончено, что эта ошибка сможет закалить наши сердца, придать сил на будущие подвиги. Вперёд! Вперёд! Вперёд!

Больше книг на сайте - Knigoed.net